

Влад Порошин

ТАФТАЙ

4

Annotation

Тревожный Олимпийский 1972 год. За свою свободу и независимость бьются люди во Вьетнаме, Северной Ирландии и Родезии. Американская киноиндустрия бомбит мировой прокат «Крёстным отцом», и лишь «Солярис» Тарковского удачно отстреливается от мафиозного батяни на Канском кинофестивале. И в это самое время в советских деревнях и сёлах жить стало лучше, жить стало веселей. Как призналась заезжему московскому корреспонденту одна бабушка: «Хорошо живём сынок, прямо как при царизме». Даже американский президент Ричард Никсон посещает СССР, где почти 42 часа общается с Леонидом Брежневым. За время беседы Ричард запоминает русское слово «хорошо», а Леонид американское «о'кей». А советский хоккеист Иван Тафгаев готовится к первым в своей жизни Олимпийским играм, на которых лыжник Вячеслав Веденин произнесёт в прямом эфире японского телевидения легендарное русское заклинание «дахусим», отвечая на вопрос: «Не помешает ли вам бежать сильный снегопад?». Вот такой он тревожный, но олимпийский 1972 год.

В первые посленовогодние январские дни в городе Горьком задули неприятные колючие метели и повалил крупный и густой снег. Даже городское начальство, у которого, как всегда, не хватало техники для очистки занесённых улиц, обратилось за помощью к работникам различных предприятий. Людей снимали с работы, выдавали в руки лопаты и на часок другой вывозили на борьбу со стихией. Не минула участь сия и редакцию городской газеты «Горьковский рабочий». Журналистов, фотографов и редакторов, которые попались под руку, вывели на расчистку трамвайных путей.

Отработавшая в редакции почти полгода Варвара Варшавская в последний раз лопату держала в своих нежных и бархатных ручках ещё в далёком детстве. Поэтому через минут десять изнеженные ладони буквально пылали от мгновенно вылезших наружу жирных и водянистых мозолей. Она сделала ещё парочку копательных движений и слёзы сами собой покатались по щекам юной журналистки.

— Хорошо, Варшавская, уговорила, — тяжело вздохнул главный редактор газеты Георгий Иванович, видя, что толку от сотрудницы в деле уборки снежных заносов ноль. — Возьми водителя и езжай на спортивную базу «Зелёный город». Запишешь интервью с главным тренером Всеволодом Бобровым и пообщаешься с хоккеистом Иваном Тафгаевым. Он сейчас лучший бомбардир в команде. Завтра ведь уже 6 января и в гости к нам приедет московское «Динамо». Значит должен получиться хороший и развёрнутый материал.

— У нас же про спорт пишет Костик? — Растерялась и одновременно обрадовалась Варвара.

— Костик пишет, — зло прошипел главный редактор. — Костик уже пять дней на работе не появляется, у него всё ещё Новый год на календаре. Бери себе спортивную тему, я разрешаю.

Варшавская не то чтобы мечтала освещать спорт, но ей так надоело описывать трудовые будни, что хоккей, от которого все в городе сходили с ума, стал глотком свежего воздуха. Что она знала о горьковской команде? Во-первых, хоккеисты — это смелые ребята, так как трус не играет в хоккей. А во-вторых, лёд скользкий, шайба — плоская, а клюшка — деревянная. И этой самой клюшкой нужно загнать шайбу в маленькие ворота. Кстати, отсюда вытекал и первый вопрос: «Почему в хоккее не используют ворота из футбола, в которые забивать гораздо проще?».

В теплой служебной «Волге», которая несла журналистку за город, Варвара намотавшись с лопатой на свежем воздухе быстро уснула. И внезапно увидела себя стоящей на хоккейных воротах, а в неё швыряют твёрдую как камень шайбу. Бросок, ещё бросок, она увернулась раз, другой и вдруг вновь вылетевшая откуда-то шайба угодила точно в голову.

— Нет! — Вскрикнула девушка и резко проснулась.

— Ты чего? — Засмеялся водитель служебной машины Вадим Дмитриевич, крупный с большим животом мужчина лет тридцати пяти.

— Дмитрич, скажи, а ты видел, как наше «Торпедо» играет? — Спросила Варвара, чтобы не рассказывать про неприятный сон.

— Видел несколько раз, но с нашей беспокойной работой много не помотришь, — грустно ответил мужчина. — Но в этом году команда сильна как никогда. ЦСКА два раза уделали. А ты знаешь, что такое ЦСКА?

— Ну, что? — Улыбнулась девушка.

— ЦСКА в хоккее, это как Толстой в вашей этой литературе. Там один Тарасов чего стоит, глубина, а не человек. А Валерка Харламов — мастерюга! Дотянемся ли до первого места — не знаю, но в призах точно будем. — Гордо произнес водитель служебного автомобиля.

— А Иван Тафгаев хорошо играет? — Задала ещё один вопрос Варшавская.

— Тафгай? — Заулыбался Дмитрич. — Сложно сказать, как он играет. Стиль какой-то у него не наш, не советский. На пятак как залезет, как давай там всех бить, и вообще любит подраться. Даже Валерку Васильева один раз уконопатил. Конечно, в пределах правил. Но во многом благодаря ему и побеждаем. Его вся высшая лига боится, а он никого.

— То есть он такой, как таран? — Не сразу нашла подходящее слово Варвара.

— Амбалина, сила есть, ума не надо, — засмеялся водитель, сворачивая на лесную дорогу.

«Странно, зачем мне говорить с тупым здоровяком? — Думала Варшавская, пробираясь по узкой заснеженной тропке к одноэтажному деревянному зданию, где жили ребята из горьковского «Торпедо». — Что он может вообще мне сказать? Лишь в этом году окончил вечернюю школу, отслужил в стройбате, работал на автозаводе простым фрезеровщиком. Очень выразительный портрет! Ладно, раз дал задание главный редактор, надо выполнять. И потом, можно же и от себя всё как полагается дописать».

Когда Варвара вошла в жилой корпус, сразу же на входе её встретили не то кошки, не то коты, которые лишь открылась дверь тут же «зашуршали» мимо ног на улицу. А в холле девушка увидела несколько домиков, скорее всего по размерам, для этих самых усатых и хвостатых котов.

— Скажите, а где живёт Всеволод Бобров? — Обратилась она к проходящему мимо неё обёрнутого в полотенце светловолосому парню.

— Михалыч? — Хитро улыбнулся парень. — Вон та дальняя комната. Может входить без стука, у нас тут всё по-простому.

«По-простому, так по-простому», — пожала плечами Варшавская, затем прошла по коридору и, один раз для профилактики стукнув костяшками тонких пальцев в дверь, вошла.

— Здравствуйте, — пробормотала она, когда увидела очень высокого, мощного, с огромными бицепсами на руках молодого человека, который одет был лишь в одни спортивные штаны.

— Привет, — бросил в ответ парень. — Новенькая что ли? Что-то я тебя раньше не видел.

— Я здесь вообще в первый раз, — пролепетала Варвара, рассматривая накаченное тело мужчины.

«Неужели это Бобров? Молодой какой-то», — подумала девушка.

— Мы же договорились, — всплеснул руками парень, — что встречаемся не больше трёх раз в день. Эх, — тяжело вздохнул он. — Если только в виде исключения и всего двадцать минут. Мне через час на тренировку. Хватит тебе двадцати минут?

— Наверное, да, — улыбнулась Варшавская.

— Тогда не тяни время, раздевайся.

Журналистка сняла своё пальто с теплым меховым воротником и повесила его на короткую железную вешалку, что была прибита к стене около дверей. Станный необычно молодой для сорокадевятилетнего мужчины главный тренер «Торпедо» подошёл поближе и

в нос девушки ударил запах какого-то шампуня. «Наверное, этот Всеволод Бобров недавно вышел из душа», — подумала Варвара. И тут вдруг произошло то, чего она никак не ожидала. Наставник горьковской команды нагло взял её за руку, развернул к себе спиной и безобразно нагло огромной сильной ладонью оцупал то место, к которому она не разрешала ещё прикасаться ни одному знакомому мужчине. Варвара вскрикнула и со всего маха залепила смачную пощёчину.

* * *

«Мать твою! — выматерился я про себя. — Да какого лешего тут происходит?!»

— Ты чего? Мы так не договаривались, — пробормотал я, потирая горящую от шлепка щеку. — Я на садо-мазо не подписывался.

— Какое такое садовое мазо? Мы вообще ещё ни о чём не договаривались, — выпалила странная девушка, дрожащими руками хватая своё зимнее пальто. — Я журналистка из «Горьковского рабочего» приехала для интервью, а вы, Всеволод Михайлович ведёте себя крайне странно!

Вдруг я услышал гогот Сашки Скворцова и Борьки Александрова в коридоре и сразу всё понял. Ошибочка вышла, я думал, что это новая девушка из сборной города по лыжным гонкам, с которой у меня сложились за пять январских дней очень тёплые и близкие интимные отношения, а это оказывается совсем посторонний человек, журналистка из городской газеты. Разыграли пионеры-переростки!

— Пойдите, — сказал я, придерживая строптивую барышню за плечо. — Вам нужен товарищ Бобров? Так он уже уехал во дворец спорта. А я — Иван Тафгаев, и я думал вы новенькая лыжница, которая пришла, — я выразительно прокашлялся и добавил, — как бы это лучше выразиться, на массаж. Если хотите, могу вас свозить на тренировку и Всеволоду Михайловичу представлю лично. А не то, что некоторые Павлики Морозовы! — Гаркнул я так, чтобы меня в коридоре было слышно.

— Ясно, — покраснела девушка и представилась, — меня зовут Варя, то есть Варвара Варшавская. Скажите, а что такое садовое мазо?

— Это вид массажа, очень жёсткий, запрещённый в Советском союзе, — шепнул я Варваре.

* * *

В автомобиль, в выданную мне на время чёрную «Волгу», уселись впятером. На переднее сиденье — товарищ Варшавская, на заднем уместились Ковин, Скворцов и «Малыш» Александров. Белая «Волга», которая принадлежала редакции газеты, покатила следом за нами.

— Познакомьтесь, Варвара, — я кивнул на заднее сиденье. — Это Трус, Балбес и Бывалый в юности, ещё до того как их стал снимать в кино Гайдай. И пока кто из них кто не ясно, я чтобы проще было запомнить зову их три «Бэ», то есть три Балбеса.

— Я смотрю у вас очень дружная команда, — тихо захихикала девушка.

— Очень, — поддакнул Боря Александров. — Сейчас на тренировке увидите, как мы

друг друга уважаем уже четвёртый день подряд. Только борты трещат.

«Да, — грустно подумал я, вырливая из леса. — Как слух разлетелся, а затем и подтвердился, что часть команды уже по окончании сезона перебирается в Москву, так между парнями, словно чёрная кошка пробежала. Например, защитников Фёдорова с Куликовым, которые играли раньше в разных сочетаниях, теперь главный тренер Сева Бобров вынужден был поставить в одну пару. Чтоб поменьше было на льду ругани и споров. С тройкой нападения Саши Федотова лично я и мои пионеры чуть ли не каждое занятие бились в кровь. Хуже того, в «Торпедо» теперь появилось два капитана, Лёша Мишин командовал своими ребятами, «патриотами», а я руководил теми «предателями-гастролёрами», которые доигрывали последний сезон. Ими оказались вратарь Минеев, защитники Фёдоров и Куликов, и нападающие Александров и Свистухин, а так же примкнувшая к нам прогрессивная молодежь Скворцов, Ковин и Доброхотов. Хуже всех приходилось Коле Свистухину, ведь он в своей пятёрке остался один против четырёх «патриотов». И то игровое сочетание, которое отвечало за сдерживание сильнейших игроков команд соперников, можно сказать перестало существовать. Так как без взаимовыручки и подстраховки в хоккее играть невозможно. Лишь вратарь Витя Коноваленко держал в конфликте нейтралитет».

— Мальчики скажите, а почему в хоккее ворота такие маленькие, а в футболе большие? — Спросила Варвара всех, кто ехал в машине.

— Почему? — Улыбнулся я наивному вопросу. — Это потому, что в футбол играют люди с плохим зрением и заторможенной реакцией, они и в такие ворота редко попадают. В хоккее же всё наоборот.

— Да, у нас на льду еб, — запнулся на полуслове Александров. — То есть лицом щёлкать нельзя. Размажут в одно мгновение. А в футболе пнул со всей силы по мячу и сиди отдыхай, набирайся сил.

* * *

Перед самой тренировкой, чтобы избежать нового кровопролития, Сева Бобров, второй тренер Игорь Чистовский, тренер вратарей Саша Котомкин, капитан команды Лёша Мишин и я закрылись в тренерской комнате.

— Слушаю ваши предложения, — угрюмо выдавил из себя Всеволод Михалыч. — Нам осталось провести в чемпионате всего одиннадцать игр, и вместо того, чтобы собраться и добиться заслуженных медалей, мы ломаем друг друга во время тренировочных занятий. Что предлагаете с этим делать?

— А ничего делать и не надо, — так же угрюмо произнес Лёша Мишин. — Гастролёры, — он кивнул в мою сторону, — играют своей пятёркой, мы своими двумя. Свистухина сажаем на лавку, а вместо него выпускаем Витю Доброхотова.

— В принципе я поддерживаю, — согласился второй тренер Чистовский, который уже готовился после Бобров принять горьковское «Торпедо».

— А я нет! — Громко сказал я. — Свистухин показал себя в играх против очень сильной Чехословакии, а мы его за то, что он уходит в конце сезона, на лавку сажаем «мариновать»?

— Какой ты видишь выход? — Спросил Сева Бобров.

— К Свистухину ставим на левый фланг Ковина, а направо Доброхотова. — Предложил

я. — Ребята за три месяца заметно заматерели, килограмм восемь мышечной массы нарастили. И отыграют не хуже Смагина и Шигонцева.

— Ну, ты, Тафгай, молодец, только о себе «печёшься», — накинулся на меня Игорь Чистовский. — Вы отчалите, а у меня в команде, только одна наигранная пятёрка останется. Всеволод Михалыч, я тебя конечно уважаю, но так дело не пойдёт.

Сева Бобров посмотрел на меня. Я же снова почесал затылок и внёс новое предложение, которое могло устроить всех:

— Хорошо! В мою пятёрку вместо Сашки Скворцова переходит Коля Свистухин. Атакующая мощь у нас снизится, зато в обороне будет без пожаров. А в третью пятёрку собираем молодежь. Ковин — направо, Доброхотов — в центр и Скворцов на свой любимый левый фланг. И когда мы отчалим, — я мстительно посмотрел на второго тренера Чистовского, — в «Торпедо» останутся две наигранные хорошие пятёрки. Ваша, ветеранская, и перспективная молодёжная.

* * *

На живом хоккее Варя Варшавская оказалась в первый раз в жизни. Когда её младший брат-школьник и папа, главный бухгалтер «Кондитерской фабрики 1 Мая», кричали перед телевизором: «Шайбу! Шайбу!», это было не в счёт. На катке всё совсем по-другому. Первое — ледяное поле обозревалось целиком, второе — видно эту маленькую и юркую шайбу, третье — чувствуется нерв игры. Особенно волнительным было наблюдать, когда хоккеисты, сталкиваясь друг с другом и матерясь, грохались на лёд. А Иван Тафгаев, который просто притягивал взгляд, носился по полю как гора и колотил обидчиков игроков своей пятёрки. Сам же первым никогда никого не трогал.

— Здравствуйтесь девушка, — к Варваре, которая почти в одиночестве сидела на центральной трибуне, подсел невысокий мужчина. — Меня зовут Иосиф Львович Шапиро. Я начальник этой команды. Статью будете о нас писать? Или просто интервью запишите с Всеволодом Михалычем?

— Там видно будет, но главред требует большой развёрнутый материал, — пожалала плечиками девушка. — Сами понимаете, Новый год только что отпраздновали, писать пока особо не о чём.

— Понимаю, понимаю, — задумался Иосиф Львович. — Просьба у меня к вам большая вы не пишите, что в команде не здоровая атмосфера.

В подтверждении его слов на льду прямо в десяти метрах от тех мест, где сидели начальник команды и журналистка, вспыхнула драка. Тафгаев один бил двоих, а третьему кричал, чтоб тот не лез, если жизнь дорога. Наконец, главный тренер Всеволод Бобров дунул в свисток, и хоккеисты разъехались на разные половины площадки.

— Дааа, — тяжело вздохнул товарищ Шапиро. — Я сейчас всё объясню, некоторые игроки по окончании сезона переходят в московские команды, а другим ребятам обидно. А так парни хорошие, и команда отличная, а это всё скоро утрясётся. У нас 6-го игра, 9-го опять игра, а 12-го с самим ЦСКА будем биться в Москве. Не до распрей станет мальчишкам, помирятся.

— Мы тоже иногда с младшим братом соримся, — улыбнулась Варвара. — Бывает. А ответьте мне на такой вопрос — зачем у вас на базе живут коты и кошки? Вы даже домики

для них какие-то построили.

— Ну, коты, — важно заметил Иосиф Львович. — Как говорили древние египтяне: «Глазами кошки смотрит Бог». Ещё наши предки в новый дом первой запускали кошку, на удачу. Вот и у нас коты живут для спортивной удачи. Вон, Ивана идея. — На этих словах пятёрка Ивана Тафгаева, разыграв красивую размашистую комбинацию, забросила шайбу в ворота. — Смех смехом, суеверия суевериями, а «Торпедо» идёт на первом месте — это раз. Девочка наша фигуристка из школы олимпийского резерва Женя Соколова выиграла чемпионат СССР и отобралась на Олимпиаду в Саппоро — это два. А какой тренер к нам приехал, мировая легенда, Всеволод Бобров — это три.

— Интересно, — протянула Варя Варшавская, поглядывая украдкой на самого большого хоккеиста на площадке.

* * *

«Смешно с журналисткой получилось, — усмехнулся я про себя, когда присел на лавку на минутный перекур. — Чуть её в интересную позу сразу же около дверей не поставил. Всё, пора завязывать шашни с женской сборной по лыжным гонкам. Вот чем могут закончиться для одинокого и холостого мужчины новогодние танцы шмансы и последующие в своей отдельной комнате обжимансы. Сначала одной безобразнице сделал «массаж», а она взяла и на следующий день показала лучшее время на трассе, затем потянулись её подруги. Ведь все хотят в основной состав пробиться. А я что? Мне свободному мужчине не жалко. Только во всём должен быть порядок, график работы, выходные дни, часы отдыха. Но теперь всё. Впереди «Динамо», ЦСКА и японская Олимпиада. А эта новенькая Варвара ничего так красивая. Волосы длинные и золотистые, глаза большие, нос прямой. Если бы сейчас снимали сериалы, то она вполне бы могла сыграть отличницу, которая закончив ВУЗ, пришла на первую свою работу».

— Тафгай! Не спи! — Крикнул, проезжая на коньках мимо моей лавки Всеволод Михалыч. — Вечером отдыхать будешь, если конечно твои вечера можно назвать отдыхом. — Язвительно ухмыльнулся главный тренер.

— Если бы молодость знала, если б старость могла. — Пробурчал я и полез на лёд.

— Что? Старость? Только попробуй завтра динамовцам одну не положить! Я тебе ещё припомню женскую сборную по лыжным гонкам! — Погрозил мне в спину кулаком Всеволод Михалыч. — Массажист, мать твою!

* * *

— Скажите, пожалуйста, с какими мыслями вы пришли три месяца назад работать в команду и о чём думаете сейчас? — Задала очередной вопрос Варвара Варшавская Севе Боброву, когда после тренировочного занятия мы разместились в тренерской комнате.

Мы — это начальник команды Иосиф Львович, главный тренер Бобров, журналистка из «Горьковского рабочего» и я собственной персоной.

— Сложно сказать, — тяжело вздохнул Всеволод Михалыч. — Вы лучше спросите у товарища Тафгаева, с какими мыслями приняли меня сами хоккеисты и оправдал ли я их

ожидания.

— Иван отвечай скорее нам ехать пора, — толкнул меня в бок начальник Йося Шапиро, который торопил меня в ателье делать дизайн новой хоккейной формы для сборной СССР.

Вообще Федерация хоккея — «молодцы». Когда я на заседании в спорткомитете обратил внимание, что в таких драных старомодных свитерах, какие сейчас в распоряжении главной команды страны, играть в год пятидесятилетия СССР — идеологическая диверсия, они поступили просто, скинули эту проблему на нашего начальника команды. Проявил инициативу, получи и распишись.

— Когда приехал в Горький Всеволод Бобров, тренировать нас, деревенщину неотёсанную, мысли у нас в голове былхорошие, — ответил я. — Мы верили твёрдо в героя спорта. Ведь нам победа как воздух нужна. Мы хотим всем рекордам наши звонкие дать имена. Хорошо сказал? — Улыбнулся я, посмотрев на Михалыча. — Всё, мы ушли.

— Куда? — Выпалалила журналистка Варвара.

— Сегодня 5 января, а уже 3 февраля начало хоккейного турнира на Олимпиаде в Саппоро. А у сборной команды свитеров пока нормальных нет. — Сказал я, встав с места и накидывая на себя пальто. — Шить поедем с товарищем Шапиро хоккейные фуфайки.

— А можно я с вами? — Вскочила с места и Варвара Варшавская. — А интервью мы допишем завтра после игры. Это же так интересно — шить.

— Я, собственно говоря, всё сказал, — облегчённо выдохнул главный тренер Сева Бобров.

* * *

В Горьковском доме моды мы были уже спустя пятнадцать минут. Улицы к тому времени усилиями очистительной техники и героических горожан удалось более-менее расчистить. Да и самому снегу надоело забрасывать город на пересечении рек Волги и Оки метровыми сугробами. Ведь все напасти, когда-нибудь да проходят. А вот в кабинете модельера Самуила Абрамовича, который больше специализировался на одежде для детей, поэтому в хоккейных свитерах уже кое-что понимал, завязался отчаянный спор.

— Ну, почему вы, Иван, не хотите оставить большие буквы «СССР» на груди?! — Не унимался модельер.

— Логотип, то есть картинка на груди — это универсальный информационный символ! — Вспылил и я, так как объяснять по семь раз простейшие вещи не любил. — У всех народов разный алфавит, разное написание. У нас — это СССР. У американцев, канадцев и англичан — USSR. А для японцев наши гордые буквы — это набор непонятных иероглифов.

— То есть, вот такая звезда и внутри неё серп и молот, — Самуил Абрамович принялся черкать на листе бумаги А4-го формата карандашом. — Это пойму все? Что они должны здесь понять?!

— Самуилушка, можно чуть потише, вдруг нас не так услышат? — Осторожно покосился на дверь начальник команды Йося.

— Расшифровываю, — я выхватил эскиз из рук модельера. — Звезда — это символ человека. Есть так же ещё звёзды-крепости. Внутри у человека-крепости «серп и молот» символ всех творческих людей труда. Вы только представьте такую картину, на лёд японского Саппоро выкатываются звезды, и не просто звёзды хоккея, а команда звезда! Даже

представители далёких планет Вселенной поймут, кто здесь кто, увидев у нас на груди огромные пятиконечные логотипы. Шведы, между прочим, рисуют три короны, чехословаки и финны — льва, а канадцы вообще обозрев, помещают на грудь кленовый лист, который больше похож на царскую корону. Цари, твою так.

— Иван, мне кажется, прав, — тихо произнесла журналистка Варя варшавская, которая сидела в углу ниже травы и тише воды.

— А я не согласен! — Хлопнул кулаком по столу модельер Самуил Абрамович.

— Тогда я вас сейчас посажу на шкаф, — я сделал шаг на встречу к настороженному модельеру. — И с высоты его, вы быстро осознаете мою правоту.

— Не надо на шкаф, — отмахнулся Самуил Абрамович. — Хорошо, но сначала эскизы отошлём в Москву в Кремль. Влез я с вами в передрагу, морока!

— Так это, Самуил, не за просто так сотрудничаем. — Улыбнулся начальник Йося Шапиро. — А премия, а Всесоюзное признание? Мы ещё в историю войдём, помяни моё слово.

В четверг 6 января казалось, что половина города Горького спешит во дворец спорта «Торпедо». Варя Варшавская, держа за руку младшего брата пятиклассника Игоря, с трудом пробивалась к входным дверям здания, на котором весёлый Дед Мороз со Снегурочкой приветствовали и поздравляли горожан. Да и сам дворец светился как новогодняя елка, украшенный по бокам большими круглыми гирляндами. Кстати, и сама высоченная городская ёлка то же всё ещё стояла на площади.

— А ты, правда, с Бобровым разговаривала? — Приставал Игорь к старшей сестре.

— Правда-правда, — пробормотала Варвара.

— Везуха! А с Тафгаем тоже говорила? — Присвистнул паренёк.

— Говорила-говорила.

— А правда он сегодня будет с Валеркой Васильевым драться? — Спросил Игорь, когда они пристроились к очереди, которая тонким ручейком уже просачивалась внутрь дворца сквозь двух строгих бабушек-билетёров, одетых в строгие синие костюмы.

— Будет-будет, — автоматически протараторила Варвара. — Стой, почему они будут драться?

— Ну, ты и темнота, они ведь в каждой игре дерутся. Это же хоккей, а не балет «Лебединое озеро». — Усмехнулся Игорь, и за «темноту» получил легкий подзатыльник, к которым в принципе уже привык.

В холле спортивного дворца журналистка Варя вновь удивилась, встретив группу одетых в хоккейные свитера болельщиков, которых было примерно человек тридцать. Один парень из этой группы стучал в большой басовый барабан, а остальные дружно пели простенько четверостишие:

Вместе, мы с тобой «Торпедо»!

Город Горький часть души моей!

Сердце бьётся за победу...

— Мужики, а вы «Мурку» можете? — Подошёл к странной группе болельщиков какой-то мужчина в кепочке.

— Топай дальше, дядя! — Рыкнул толстый и здоровый как медведь барабанщик. — Не нарывайся.

— Ты чё толстый попутал? — «Полез в бутылку» мужчина в кепочке.

Варвара видя, что назревает неприятный конфликт, тут же потянула брата за руку дальше на трибуны спортивной ледовой арены.

— Эх, Варька, никуда с тобой пойти нельзя, от такой заварухи утащила, — махнул рукой расстроенный паренёк. — Вот чё я завтра пацанам во дворе расскажу? Это же фанаты были, понимать надо!

— Что за фанаты? — Резко остановилась девушка, которая до недавнего времени жила совсем другими интересами. — Это те, которые в спортивных футболках?

— Не в футболках, а в свитерах, — важно пояснил Игорь сестре. — Они гимн команды везде поют, кричат кричалки и ездят за нашим «Торпедо» на выезды. А ещё старшие пацки говорили, они дерутся с фанатами из других команд. И наши пока «шишку» держат.

— Только попробуй у меня связаться с фанатами, всё отцу скажу! — Варя погрозила

пальцем младшему брату-обалдую.

— Да ладно, — пробормотал Игорь и получил ещё одну затрещину.

* * *

Наставник московского «Динамо» Аркадий Чернышёв на очередную календарную игру в Горький, где родился сам в далёком 1914 году, тогда ещё город назывался Нижним Новгородом, приехал с тяжёлым сердцем. И причин этому было множество.

Первая причина — это внезапное отстранение от руководства сборной СССР. Очень хотелось Аркадию Ивановичу закончить свою карьеру в главной команде страны победой на Олимпиаде в Саппоро. Но осечка с разгромным счётом 5: 1 в товарищеской игре против команды Севы Боброва вызвала такой шквал критики в прессе, что обижаться оставалось лишь на себя самого и на Толю Тарасова. Ведь спорили до хрипоты, что Тафгаева нужно брать в свою первую сборную, но разве Толю переубедишь? Вот и загремели под фанфары.

Причина вторая — слух о том, что со следующего сезона его родное детище, московское «Динамо», будет уже тренировать Всеволод Бобров, полностью подтвердился. Сам товарищ Юрий Андропов в частной беседе поблагодарил и предложил пост директора над всеми динамовскими командами. Обидно, досадно, но ладно.

И когда Чернышёв уже смирился с тем, что переберётся на более спокойную работу, внезапно у него состоялся очень странный разговор. За два дня до Нового года, к нему домой пришёл незнакомый человек, который показал корочки офицера ГРУ. И в результате короткой беседы сотрудник военной разведки сообщил буквально следующее, что в ЦК есть мнение в случае неудачи Всеволода Боброва на японской Олимпиаде вернуть Аркадия Ивановича обратно на тренерский мостик сборной страны. В подтверждение своих слов офицер уверил, что вопрос о его включении в состав спортивной делегации на Олимпиаду уже решён.

«Как так? — недоумевал Аркадий Чернышёв. — Причём здесь военная разведка, ЦК и спорт? И почему под Севой Бобровым «закачался» тренерский стул, когда команда под его руководством играет отлично? И кстати, про его напарника Анатолия Тарасова офицер не сказал ни слова».

— Вместе сила! — Дружно выкрикнули с трибун перед стартовым вбрасыванием самые странные болельщики, которых когда-либо видел Аркадий Иванович.

Чернышёв поднял голову и с удивлением посмотрел на людей скандирующих простенькую кричалку, что вместе мы с тобой «Торпедо», что город Горький часть души моей. Примерно сотня молодых здоровых человек была облачена в оранжево-синие свитеры горьковской хоккейной команды с эмблемой кота на груди, и ещё один из этих болельщиков, большой и толстый, колотил в басовый барабан.

«Странно всё это, — подумал главный тренер «Динамо», — даже в Канаде такого нет, а у нас есть. И весь сезон какой-то не такой получается. А всё из-за него, — Аркадий Иванович посмотрел на лёд, где его команда, прижавшись к воротам Саши Пашкова, отбивалась от атаки первой пятёрки «Торпедо», которую возглавлял Иван Тафгаев. — И откуда он взялся на мою голову? До двадцати пяти лет этого Тафгая никто не знал и не замечал, а сейчас он лидер атак и сборной страны и автозаводской команды. Что характерно хоккейная школа у Тафгаева чувствуется, только учили его играть в хоккей непонятно кто и

непонятно где. Что-то проскальзывает в игре центрфорварда канадское, а что-то определённо наше, советское».

— Иваныч, — обратился к Чернышёву ветеран команды Володя Юрзинов, на которого он иногда оставлял команду, когда сам уезжал в сборную. — Смотри, опять что-то горьковчане задумали. В пятёрке Тафгаева справа вышел Коля Свистухин. К чему бы это? И пары защитников они поменяли.

— Да хрен его знает, что они опять придумали. — Отмахнулся Аркадий Иванович. — Играем строго по плану. Дальше видно будет.

— Хоть бы ничейку здесь зацепить, уже хорошо, — пробормотал нападающий Юрзинов.

* * *

К моему удивлению, несмотря на дразги внутри команды, которые лишь со временем смогут утрястись, первый период против «Динамо» начали замечательно. Прижали к воротам более именитую московскую команду капитально. И если бы не удачная игра Пашкова и самоотверженные действия защитников гостей, то голу быть. А сами же белоголубые за десять минут не больше трёх, четырёх раз побеспокоили нашего вратаря Витю Коноваленко. Ну а болельщики, которые соскучились по большому хоккею, так активно гнали команду вперёд, что даже я сам ощутил — шайба вот-вот влетит в сетку.

— Свист, — обратился я к Коле Свистухину, когда моя пятёрка вновь оказалась на льду. — Смотри сюда, вбрасывание я сейчас беру, и как только полезу на пятак, подключайся и ты тоже. Нечего в сторонке «курить». В чемпионате СССР за курево очки не начисляют.

— А если шайба отскочит на правый край, а меня там нет? — Спросил Коля, которому очень не хотелось получать удары от защитников на пятачке.

— Не писюгань, оборона подчистит. — Я кивнул на двух наших оборонцев Сашу Куликова и Юру Фёдорова и въехал в правый круг вбрасывания в зоне атаки.

Напротив меня встал Володя Юрзинов. Не знаю почему, но наставник гостей против моей пятёрки с шестой минуты игры начал выпускать не Мальцева с партнёрами, а более опытного Юрзинова с Юрием Репсом и Игорем Самочерновым. Наш же главный тренер Сева Бобров, на такие изменения внимания не обратил.

«А мне что, больше всех надо?» — подумал я, выигрывая вбрасывание одним чётким уверенным и отработанным до автоматизма движением.

— Кулик переводи! — Гаркнул я, видя, что на Сашу резко набросился Самочернов.

Куликов же вместо перевода шайбы с правого на левый край, прочертил, гад такой, диагональ в левый угол на Борьку Александрова. И быть бы обреза и опасной динамовской контратаке, но наш юный гений прорыва, красиво обыграл Юрия Репса, ловко прокинув тому шайбу между коньков, и выкатился на убойную позицию. Замах, и защитник Валерий Васильев, подражая подвигу Александра Матросова, бросился грудью на шайбу. Однако это он сейчас сделал зря, так как хитрец Боря, катнул черный диск на меня. А дальше было дело техники, которая сработала, как в инструкции написано. Красный фонарь за воротами Пашкова вспыхнул точнёхонько, лишь только шайба от моей клюшки коснулась сетки ворот, 1: 0.

— Гооол! — Заревела и без того возбуждённая толпа народа.

— Вместе сила! — Гаркнули дружно первые советские хоккейные фанаты и запели под музыку гимн горьковского «Торпедо». — Вместе мы с тобой «Торпедо»...

— А чё ты мне говорил, чтобы я на пятак-то лез? — Обиделся Свистухин. — А сам даже шайбой не поделился.

— В раздевалке половину для тебя специально отпилю, — усмехнулся я. — Что ты с ней делать-то будешь? Дома поставишь под стекло?

— Да иди ты, — отмахнулся нападающий.

* * *

— Сердце бьётся за победу! И «Торпедо» с нами всех сильнее! — Заорал, подпевая фанатам, младший брат Варвары Варшавской. — Зыкинско Тафгай забил! Правда? И разыграли как по нотам! Бах, бах и данц!

— Не маши руками, это не прилично, — осадила мальчишку журналистка.

— Лучше бы сегодня с батей у телевизора остался, — пробубнил обиженно Игорь, и тут же позабыв о сестре, принялся кричать со всем стадионом. — Шайбу! Шайбу!

«Что-то, конечно, в этом виде спорта есть, — подумала Варя. — Хоккеисты всего-навсего забили гол, а народ вокруг уже готов пуститься в пляс, как будто люди выиграли крупную сумму в лотерею. И сила какая-то чувствуется, мощь, энергия, эмоции так и плещут через край. И даже голова немного кружится, как во время поцелуя с любимым мужчиной».

— Шайбу! Шайбу! — Неожиданно для себя вскрикнула девушка.

— Тафгай давай! — Словно труба парохода заголосил болельщик с нижнего ряда.

— Тафгай давай! — Поддержали горластого болельщика весь сектор вокруг, а так же и сама Варя и её младший брат Игорь.

* * *

— Держим оборону мальчишки! — Стал активно подбадривать своих подопечных на скамейке запасных Аркадий Чернышёв. — Первый период нужно просто выстоять! Внимательней сзади!

«Чёрт побери, кто бы сказал в начале сезона, что придётся еле-еле отбиваться, играя с горьковским «Торпедо», не поверил бы, — Аркадий Иванович вытащил носовой платок из внутреннего кармана пиджака и вытер на лбу пот. — Хорошо сегодня Саша Пашков в воротах тащит все, что летит в него».

Чернышёв опять вытер со лба пот, ведь прямо на его глазах вторая пятёрка хозяев поля разыграла убойную комбинацию и вывела центрального нападающего Федотова один на один. Бросок и в великолепном прыжке Пашков отбивает шайбу в угол площадки.

— Терпеть мальчишки, терпеть! — Крикнул Аркадий Иванович. — Орлов, играй проще, выбрось шайбу из зоны! Смена! — Облегчённо выдохнул наставник бело-голубых, когда судья из Челябинска Егоров свистнул проброс.

«Жаль не удалось дожать, — думал я, попивая горький горячий чай в перерыве после первого периода. — Как бы нам эти нереализованные моменты не аукнулись в конце игры. Ведь не забиваешь ты, забивают — тебе. Да и сам я тоже хорош, мог же ещё одну заковырять! Ладно, нечего себя накручивать, играем дальше».

— Молодёжь! — Одёрнул я разбушевавшихся «пионеров», Ковина, Скворцова и Доброхотова, которые уже строили планы, как проведут сегодняшний вечер после матча и куда поведут своих подружек. — В обороне внимательней, обрезаетесь часто. Только попробуйте мне привезти во втором и в третьем периоде. Завтра на тренировке отдельно с вами поговорю.

— А ты, Тафгай, не командуй, — вступился за молодёжную тройку нападения капитан Лёша Мишин. — И без твоих замечаний разделаем твоё «Динамо», будь спокоен.

Я резко вскочил, и мои пудовые кулаки моментально сжались в две мощные боевые единицы. Мишин отшатнулся на пару метров и растеряно застыл. И быть бы беде, но я, так же быстро успев взять свои воинственные инстинкты под контроль, выдавил из себя скупую мужскую улыбку.

— Корона никому случайно на уши не давит? — Спросил я притихших хоккеистов. — Могу помочь с лишними ушами.

— Иван давай только без ушей сегодня обойдёмся, нормально же пока играем, — попросил, сидящий рядом Коля Свистухин, и кое-где раздались кроткие и тихие смешки.

— Нам в чемпионате ещё играть и играть, и этот матч ещё нужно довести до победы, — громко отчеканил я. — Допустим, мы — гастролёры-предатели, но счёт на табло сделан нашими усилиями! Где товарищи патриоты ваши заброшенные шайбы? Против нас играет опытейшая команда, с отличными мастерами в составе. Чуть-чуть дадим слабину, и глазом моргнуть не успеем, как победа тю-тю.

Вдруг дверь раздевалки отварила, и внутрь заглянул главный тренер Сева Бобров:

— Вы чего на лёд не идёте? Тафгай опять речи толкаешь?

— Да так, Михалыч, рассказываю вкратце товарищам хоккеистам, как угнетают в Северо-Американских штатах негров на плантациях. — Выдохнул я.

— Если сегодня потеряете хоть очко, то завтра на дневной тренировке вы ещё позавидуете товарищам неграм на этой, на уборке картофеля и сахарной свёклы. — Ухмыльнулся Всеволод Михалыч. — Давай на лёд! Пошли! Пошли! — Главный тренер несколько раз громко хлопнул в ладоши.

Конечно в угрозу, что завтра на тренировке будем вкалывать как негры, которые, кстати, не такие уж большие любители работать на износ, никто не поверил. Да и смысла упахиваться сейчас, когда матчи пойдут через два дня на третий, нет никакого. Однако второй период начали ещё сильнее, чем первый. Сначала Федотовская пятёрка в самом начале второй двадцатиминутки едва не отличилась, а затем молодёжное звено вроде разыграло шайбу до верного, но в последний момент Саша Скворцов не попал в пустой угол.

— Сейчас в зону атаки войдём не спешим палить по воротам, — предупредил я свою пятёрку. — Надо бы немного пофинтить. Хватит поливать Пашкова со всех точек, он уже приспособился.

— Если пофинтить — это не ко мне, — угрюмо пробормотал Свистухин, глянув на

Борю Александрова.

— Нет в тебе Николай никакой изюминки, — усмехнулся «Мальш».

— Чего? Да во мне килограмм изюма, сам его потом понюхаешь, если захочешь. — Тут же улыбнулся нападающий, которого как теперь только в раздевалке не называли и Свистуха, и Свист и даже пан Свистухин. — Поехали Тафгай, пофинтим если народ просит.

Вбрасывание в средней зоне к своему удивлению динамовцу Володе Юрзинову я проиграл, вот что значит, когда в голове мысли посторонние трутся друг о дружку, не давая сосредоточиться на главном. Даже Свистухин удивлённо присвистнул, увидев, что шайба перешла к защитникам гостей Васильеву и Давыдову.

— Не щёлкай! — Рыкнул я на Кольку Свистухина, выкатываясь на Виталия Давыдова.

Всем был хорош защитник «Динамо» Виталий Семёнович, по прозвищу «Сыграем не нолик». И хоккеист смелый, и поле видит хорошо, и позицию выбирает правильно, но неумолимое развитие хоккея диктовало свои правила игры, по которым с такими скромными габаритами как у Давыдова играть в защите нельзя. С его ростом 173 сантиметра и весом чуть больше 70-ти килограмм, бороться против меня «гориллы» толстомордой было нереально. Ещё в первом периоде я Виталия Семёновича два раза в борт впечатал, а с пятачка перед воротами выносил, даже не замечая присутствия его на льду.

Вот и сейчас Давыдов вместо того, чтобы быстро передать шайбу напарнику Валере Васильеву, решил меня обмануть и обыграть. И закончилось всё это печально, я, стараясь спрятать локти, чтоб не сломать челюсть прославленному хоккеисту, не глядя на шайбу, тупо на всем ходу воткнулся в тело динамовца. Куда улетел Виталий Семёнович я не заметил, да и не до того было, ведь шайба выкатилась точно на крюк клюшки. Резкая диагональ на «Мальша» и уже Боря Александров на всех порах помчался на ворота Пашкова.

— Шайбу! Шайбу! — Заголосили зрители на трибунах.

— Свист помогай! — Выкрикнул я на всякий случай, чтобы Николай тоже подключился к атаке.

Но Свистухин, что делать в таком случае знал прекрасно и без меня. И пока я, потеряв скорость после силового приёма, стал разгоняться и катить следом, Александров улетел от динамовского защитника Васильева, вытащил на себя вратаря Пашкова и скинул на накатывающего параллельным курсом Кольку Свистухина. И Николай, чтоб перестраховаться, шайбу в пустые ворота буквально завёз, 2: 0.

— Вместе сила! — Гракнула с трибун группа первых хоккейных фанатов в СССР и заиграл наш победный гимн.

— Виталий Семёныч, ты как, рёбра целы? — Спросил я у печально катящего на лавку защитника Давыдова.

— Целы, целы, — пробубнил он, — зуб, сука, шатается. Если массово, такие как ты «бегемоты» начнут в хоккей играть, то в следующем году на тренерскую пойду.

— Девятикратному чемпиону мира всегда есть о чём детям рассказать, — хмыкнул я.

— И дважды олимпийскому чемпиону, — добавил, криво усмехнувшись, Виталий Давыдов.

* * *

Счёт 3: 1 после второго периода не был для «Динамо» смертельным, но по игре шансов

даже на ничью было не много. Ведь после шайб Свистухина и молодёжной тройки нападения горьковчан, в которой отличился юный Скворцов, отыграли одну шайбу почти случайно. Толя Мотовилов здорово сыграл индивидуально. Сначала обокрал нападающего «Торпедо», затем убежал в контратаку, где сделал хороший пас на Витю Шилова. А Виктор, хоть и не голеадор, но, бросив сильно и точно, сухой счёт на табло «размочил».

«3: 1, и никакой организованной командной игры нет, — думал наставник москвичей Аркадий Чернышёв, молча прохаживаясь по раздевалке своей команды. — Если так дело пойдёт, то в конце игры устанем и ещё парочку получим. Что ж предпринять?»

— Иваныч, — обратился к главному тренеру защитник Виталий Давыдов. — Против Тафгая меня больше не выпускай, он только за счёт массы как «бегемот» давит, сука.

— Да, «Буржуй», — усмехнулся Саша Мальцев, который за аккуратность и щепетильность звал своего капитана этим обидным прозвищем. — Против Тафгая биться — это тебе не на даче огурцы с помидорками поливать. Слушай, Иваныч, я ведь в сборной с Тафгаем в одной тройке нападения играю, левого крайнего. А если меня сейчас на левый край из центра перевести, мне же по краю проще разогнаться и в дриблинг идти, может что и получится?

— Все, б...ь, умные такие стали, — зло бросил нападающий Володя Юрзинов. — Тебе главный сказал, играть в центре, значит играй в центре, б...ь. И ты, Семёныч, дай клюшкой Тафгаю в спину, чтоб меньше выёживался. 3: 1 — за двадцать минут отыграем. Биться надо от ножа, сука!

— Всё правильно, — кивнул головой Аркадий Иваныч Чернышёв. — Время ещё есть Толя Мотовилов перейдешь в центр. Саша Мальцев встанешь налево и попытайся там финтами своего оппонента раскрутить на удаление. Против тебя ведь Мишин будет действовать, у него скорость меньше, вот и помотай его. И ещё Виталий Семёнович поменяйся с Сашей Филипповым в защите, против Тафгая с твоими габаритами тяжело. Моя ошибка. Давайте, мальчишки, прибавим в последние двадцать минут! За «Динамо»!

* * *

В третьем заключительном периоде, плохо разбирающаяся в хоккее Варя Варшавская интуитивно почувствовала, что что-то в матче пошло не так. И болельщики на трибунах начали больше материться и волноваться, и опасные моменты у наших ворот стали возникать гораздо чаще.

— Мишин! Мать твою ..., куда клюшку свою суешь, сука?! — Заорал трёхэтажным матом очень нервный болельщик слева.

— Товарищ не материтесь при ребёнке, — зло цыкнула на мужчину Варвара.

— Что? А? — Мужик в свитере и пиджаке, что надет был сверху, увидев младшего братишку журналистки, сделал виноватое лицо и пророкотал. — Извини малец, всякая х...ня сама на язык лезет. Ну, кто так играет, сука?! — Загудел он, когда наша команда во второй раз осталась в меньшинстве. — Витя держи!

— Витя! Витя! — Стали скандировать трибуны, призывая голкипера Виктора Коноваленко держать свои ворота на замке.

— Игорь, почему мы опять играем четверо против пяти? — Варвара дёрнула за руку своего младшего брата. — Это же не честно!

— Ничего Варька ты в хоккее не сечёшь, — отмахнулся мальчишка. — Мишин второй раз клюшкой зацепил Мальцева. А за подножку две минуты в меньшинстве дают. Эх, лучше бы дома остался с отцом! Витя держи!

— Витя! Витя! — Закричала вместе со всеми, хлопая в ладоши, и журналистка Варвара.

И горьковский прославленный вратарь, творил в «рамке» настоящие чудеса, он отбивал и дальние броски, и щелчки с близкого расстояния. Однако в толчее на небольшом пятачке кто-то пропихнул шайбу в сетку ворот и весь стадион разочарованно ухнул.

— Три два, блин, а ещё играть и играть, — Игорь от обиды шлёпнул кулаком себе в ладонь.

— Что за выражения, Игорь, это что за «блин»? — Одёрнула мальчика старшая сестра.

— Да ладно, — отмахнулся паренёк и тут же получил ещё одну затрещину.

* * *

Счёт 3: 2 продержался на табло дворца спорта «Торпедо» почти до 58-ой минуты. И чем ближе был финальный свиток, тем хуже действовали мы и тем сильнее московское «Динамо». Колька Свистухин очень старался, работая в моей пятёрке, и шайбу забросил хорошую, но играя на фланге — это не для него. И скорости стартовой не хватает и дриблинг слабенький, да и «наелись» мы основательно. Три раза в третьем периоде пришлось отбиваться в меньшинстве. Чернышёв очень грамотно перестроил игру в перерыве, переведя Мальцева на левый фланг и спрятав от меня защитника ветерана Виталия Давыдова, из-за этого у нас всё и посыпалось. И окончательно рассыпалось на мелкие кусочки, когда нашу молодёжную пятёрку поймал на ошибке Анатолий Севидов, игрок про которого я, честно говоря, никогда и не слышал. Динамовец вышел один на один и хорошо бросил над ловушкой, Коноваленко же к сожалению выручить не смог, 3: 3.

— Михалыч, нужно шестого полевого срочно выпускать. — Вскочив с лаки, зашептал я Севе Боброву на ухо. — Вбрасывание я возьму — железно и с пятака запихаем не в первый раз.

— Обидно, такую игру сдали, — процедил сквозь зубы Всеволод Михалыч. — Хрен с тобой, Тафгай! Возьмёшь в свою пятёрку Скворцова и действуй. Коноваленко Виктор Сергеич, давай на лавку! — Крикнул главный тренер нашему голкиперу.

— Входим в зону атаки через заброс в одно из закруглений, — сказал я, прикрыв крагой рот Скворцову и Александрову, и добавил специально для Свистухина. — Свист, полезешь со мной на пятак. Ясно?

— Для пятака, значит, изюминки во мне достаточно? — Пробубнил Николай.

— Для него в тебе изюму килограмм, — усмехнулся «Мальш» Боря Александров.

— Смотри не рассыпь, — поддакнул защитник Саша Куликов.

«Хорошо, что у ребят настроение боевое», — подумал я, встав на вбрасывание в центре площадки напротив Володи Юрзинова. Именно его тройку нападения с защитниками Васильевым и Филипповым бросил в бой на последние полторы минуты Аркадий Чернышёв.

— Тебе что ль Чернышёв машет? — Спросил я у Юрзинова и выбил шайбу в доли мгновения на своего правого защитника Куликова.

За «подкол» я получил от Володи Юрзинова лёгкий тычок клюшкой в спину и открылся для обратной передачи. Куликов перевёл шайбу на своего напарника по обороне Юру

Фёдорова, а тот дальше на меня. За счёт хороших габаритов и длинных рук я легко отодвинул Юрзинова в бок и навесил шайбу в левое закругление площадки, где вперёд всех оказался Боря Александров.

— «Мальш» не спи! — Гаркнул ему защитник Фёдоров, «закрывая» синюю линию.

Борис и не спал, он ловко ушёл от силового приёма, за счёт которого Валера Васильев его попытался размазать об борт и перевёл шайбу по этому самому борту за воротами на правого нападающего Сашку Скворцова. Скворцов, недолго думая, отпасовал на Куликова.

— Кулик, смотри внимательней! — Заревел я врываясь на пятак, где как следует вмазал в плечо динамовцу Саше Филиппову. — Свист, ты где, мать твою?!

Я лишь успел оглянуться, в поисках Свитухина, как Сашка Куликов бросил навесиком по воротам Пашкова. Хорошо, что на тренировках такие моменты отрабатываем по десятку раз на дню, поэтому я, махнув клюшкой на «автомате» умудрился зацепить шайбу. И быть бы голу, если бы на пути чёрного резинового диска не вырос, как из-под льда, наш Николай пан Свистухин, изюм ему в одно место.

— Сука! — Крикнул я, когда шайба отлетела направо, где оттолкнув Скворцова, ей завладел динамовец Игорь Самочернов.

* * *

— Давай, мальчишки! — Заголосил всегда выдержанный Аркадий Иванович Чернышёв.

Наставник «Динамо» перегнулся через борт, чтобы убедиться, что пас от Самочернова дойдет по адресу, точнёхонька на убегающего, на пустые ворота Володю Юрзинова. Но вдруг защитник горьковчан Куликов прыгнул как футбольный вратарь и невероятным образом прервал передачу на верный сто процентный гол. Шайба, ударившись в черенок клюшки, подскочила вверх и к огромному разочарованию всей динамовской команды даже не вылетела за синюю линию.

— Мальчишки, держать! — Заорал Аркадий Иванович.

* * *

— Мальчики, мальчики! — Кричала, вскочив со своего места, как и весь стадион, Варя Варшавская, когда шайба заметалась в зоне московских гостей.

— Пасуй Тафгаю! — Прыгал рядом её младший брат Игорь.

— Тафгаю отдай, б...ь! — Ревел как медведь болельщик слева.

И услышав призыв почти тысяч человеческих глоток невысокий, зато техничный Боря Александров вновь набросил шайбу на пятачок динамовских ворот. «Мама дорогая!» — схватилась за голову Варвара, ведь эта маленькая черная шайбочка словно магнитом притянувшись к клюшке высоченного Вани Тафгаева, вновь отрикошетила в ворота и ударила в штангу.

* * *

«Да чтоб тебя!» — выругался я про себя и прыгнул добивать шайбу, которая отскочив от штанги, плюхнулась на свободный лед. Но тут же к ней бросились и защитники «Динамо». Один из них Валера Васильев, не мудрствуя лукаво, прыгнул мне на спину, а другой Саша Филиппов тоже в прыжке схватил руками мою клюшку и дернул в сторону. И тут раздалась финальная сирена.

Я поднялся со льда, посмотрел укоризненно на главного судью Егорова из Челябинска, затем бросил взгляд на криво ухмыляющегося Валерку Васильева, что с него взять, захребетника, и покатил к своей скамейке запасных. Что кричали люди с трибун я, сосредоточившись на своих переживаниях, не слушал и не слышал. Злость кипела буквально в каждой клеточке моего огромного и здорового организма. «Сейчас в раздевалочке поговорим», — решил я, глядя искоса на своих партнёров по команде. А между тем хоккеисты московского «Динамо» радовались выстраданной ничьей 3: 3, словно победе в кубке страны.

Пока я громыхал коньками, с зачехлёнными лезвиями, по резиновой дорожке подтрибунного помещения, злость медленно, но верно сошла на нет. «Да, победу упустили, но могли упустить и ничью, не в этом дело, — думал я. — В команде созрела такая гадкая зараза как зависть, которая принялась разъедать, словно кислота крепкий мужской коллектив. Мы не были такими друзьями, чтоб в гланды целоваться, но все чётко понимали, что грёбём сидя в одной лодке, и каждый знал, даже выходя на несколько минут в матче, что нужно отдать всё для победы».

Когда я вошёл в раздевалку многие, особенно капитан команды Лёша Мишин и его партнёры по тройке нападения, Саша Федотов и Толя Фролов заметно напряглись. «Отхерачть бы вас всех троих как следует», — мелькнула глупая мысль, а затем пришло чёткое спокойное осознание, что из бессмысленного и резкого решения ничего кроме вреда не получится. Посеешь ветер, пожнёшь бурю.

— Вопрос на сообразительность, — сказал я, посмотрев на хоккеистов. — Почему сегодня нам не везло? Почему мы, загубив с десятков моментов, не удержали победу?

— Так это, котиков сегодня плохо покормили, — ответил первым Коля Свистухин, почесав свой «гениальный» затылок. — Или может им меню поменять пора?

— Не гони, — возразил ему защитник Саша Куликов, — у них скоро морды — во будут! Им скоро домики нужно будет других размеров строить, чтобы они туда свободно, не застревая, пролазили.

— Да, зажрались наши коты, — поддакнул ему другой защитник Юра Фёдоров.

— Удача отвернулась, потому что каждый одеяло стал тянуть на себя, — пророкотал вратарь Витя Коноваленко. — Я всё молчал, ждал, чем дело закончится, но сейчас скажу. — Виктор Сергеевич встал с лавки. — Мужики после окончания чемпионата перейдут в другие клубы, переедут в Москву. Что ж поделать, судьба такая у всех периферийных команд. Как только кто-нибудь выстрелит, лучших сразу разбирают. Иван рассказывал, что в НХЛ не так, там стараются примерный равный уровень поддерживать, но мы-то не в НХЛ. Мы живём и играем здесь и сейчас, поэтому должны друг друга простить, собраться и доиграть чемпионат единым кулаком, не делясь на «патриотов» и «гастролёров». Тогда и удача будет с нами.

Внезапно дверь раздевалки распахнулась и ударила в мою широкую спину.

— Вы чё тут устроили? — Протиснулся в помещение Сева Бобров, оттолкнув меня. — Я вам покажу драться! — Главный тренер показал нам всем кулак. — Значит, смотри сюда. — Всеволод Михалыч прошёл к белой металлической доске, где были расставлены фишки-хоккеисты и прикрепил на одну такую магнитную фишку лист бумаги:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Торпедо (Г.)	21	15	4	2	100 — 59	34
ЦСКА (М.)	20	15	3	2	129 — 68	33
Динамо (М.)	22	13	5	4	84 — 57	31

— Только что в Москве закончился матч ЦСКА — «Спартак». — Продолжил главный тренер, тыча пальцем в турнирную таблицу. — Армейцы победили 8: 6, Володя Викулов хет-трик намострячил, и теперь у него 27 заброшенных шайб, лучший результат среди всех

нападающих в чемпионате. А нам мужики больше отступать некуда, нужно только побеждать. Поэтому давайте не будем пороть горячку, завтра все к одиннадцати приедем на тренировку и там уже поговорим по душам. А сейчас расходимся, кто домой, кто на базу, и без драк. Этого ещё не хватало.

* * *

Минут через пятнадцать, когда хоккеисты сложили форму в баулы и привели себя в порядок, группами и по одному команда потянулась на выход. После обидной ничьей на выходе из служебных дверей дворца спорта большого ажиотажа болельщиков не наблюдалось. Люди вообще склонны быстро привыкать к хорошему. Ещё в прошлом сезоне сгонять с одним из лидеров отечественного хоккея 3: 3 — было бы успехом, а сейчас — это уже неудача.

Сложив баулы с хоккейной формой и личные клюшки в командный автобус, я вместе с Александровым, Ковиным, Скворцовым и Доброхотовым угрюмо пошагал к пока ещё моей «Волге». Молодёжь уже о чём-то своём посмеивалась и строила планы на завтрашний вечер. Ведь когда тебе нет ещё и двадцати грустить просто некогда, потому что впереди долгая и счастливая жизнь, где ждёт множество побед и удач.

— Здравствуйте Иван, — неожиданно поздоровалась со мной журналистка Варвара Варшавская, которая держала за руку какого-то мальчика.

— Здравствуйте, — опешил я. — Это ваш сын? Какой уже большой. В каком классе учишься хоккеист?

— Вот ещё, сеструха это моя, в пятом, — пробубнил под хохот моих молодых партнёров по команде мальчик. — Что ж вы дядя Тафгай в конце-то не забили? Я весь голос сорвал. — Спросил паренёк, чем вызвал новый взрыв хохота моих «пионеров».

— В хоккее, как и вообще в большом спорте очень много зависит от игровой удачи, — начал объяснять я. — Сегодня не повезло в концовке...

— Завтра повезёт в любви, — давась от смеха, выпалил Боря Александров.

— Значит так! — Не выдержал я подколов. — Дуйте в автобус, а я товарища журналиста с младшим братом до дома доведу. Поздно уже. Вы где живёте?

— На площади Горького, — промямлила Варя Варшавская.

И хоть на нас падал лишь тусклый свет фонарей, мне показалось, что Варвара немного покраснела. В машину же кроме неё и младшего братишки влез ещё и Боря Александров, мотивирую это тем, что меня одного оставлять нельзя, мало ли что в дороге может произойти. Учитывая, что опять повалил снег, и видимость значительно ухудшилась, в чём-то Боря был прав. Поэтому я сильно возражать не стал.

— А вы знаете, мне игра понравилась, — призналась Варвара, когда мы только отъехали от дворца спорта «Торпедо». — Я почувствовала себя словно в театре на незнакомой захватывающей пьесе, где определить финал до самой последней секунды было решительно невозможно.

— Чё не возможно-то? Верную победу прошляпили, — пробубнил младший брат журналистки Игорь.

— А эмоции в самом конце матча так всех захлестнули, что люди не сговариваясь повскакивали с мест, и досматривали игру стоя! — Восторженно продолжила журналистка.

— Это ещё что, вот 12-го в Москве с ЦСКА заруба будет на льду не шуточная, — хмыкнул Александров. — Может быть, за первое место биться будем. Вот там настоящие эмоции. А в феврале Олимпиада, даже подумать страшно, какая там ответственность. Весь Мир по телевизору смотреть на нас будет.

— Да ерунда, — махнул рукой Игорь. — Я вот завтра пацанам расскажу, что в машине ехал с самим Тафгаем и с лучших нападающим приза «Известий» Борисом Александровым, вот это настоящие эмоции! Только не поверят. Вон тут поверните, приехали уже, четвёртый дом.

Дорога от дворца спорта до дома журналистки Варвары действительно заняла всего пять минут. Я пока вел машину, искоса поглядывал на девушку. Красивая барышня. Большие глаза, умное симпатичное лицо.

«Не туда ты, Ваня, смотришь, — зашептал вкрадчиво, как змей искуситель, голос в голове, из-за чего я невольно вздрогнул. — Я же тебе уже говорил, женщины, карьера в партии — это всё глупости, временное. Деньги нужно большие зарабатывать, о будущем думать, о вечном».

Проснулся этот мерзкий голосок в новогоднюю ночь, точнее он никогда и не спал, просто переосмысливал своё место в жизни, накапливал информацию. И вот теперь я, по его мнению, должен был начать зарабатывать миллионы рублей. На моё возражение, что таких денег в Советском союзе не платят даже высокопоставленным государственным чиновникам, голос равнодушно отвечал, что если не платят в этой стране, то ищи ту, где платить будут много. Я же пока «выключал дурака» и слал голос на все начальные буквы русских матерных слов.

— Спасибо за хоккей и спасибо, что подвезли, — сказала, мило улыбнувшись Варвара, выходя из «Волги».

— Я до подъезда провожу, мало ли маньяков по ночам шляется, — пробурчал я «Мальшу», выскочив следом. — Варвара! — Окрикнул я девушку и догнал её у самых дверей подъезда. — Можно я вам один на один кое-что скажу?

— Про хоккей? — Удивилась журналистка.

— Да. Про клюшку, шайбу и коньки, — я взял её под локоток, завёл в подъезд, посмотрел, далеко ли убежал её младший брат и назло голосу в голове поцеловал в мягкие, красивые губы.

— Вам мало «досталось» от меня в прошлый раз в вашей комнате? — Девушка сделала строгое и недовольное лицо.

— Нам хоккеистам ещё не так во время игры прилетает. — Прокашлялся я и добавил. — А давайте с вами вечером куда-нибудь сходим, или просто по набережной погуляем? Там сейчас красиво, всё белое, в снегу.

— Я подумаю, — быстро ответила Варя и убежала от меня вверх по лестнице.

«Идиот», — прошипел противный голос.

« Попрошу в моей голове такими словами не выражаться, — ответил я, выходя из подъезда. — Это ещё спорный вопрос, кто из нас князь Мышкин».

«Деньги надо делать! Деньги! — «Вскипел» голос. — А не с девочками по подъездам обжиматься».

— Дай мне время, дай мне срок, будет тебе белка, будет и свисток, — сказал я неожиданно вслух, усаживаясь за руль автомобиля.

— Что? — Спросил немного задумавшийся о чём-то Борис. — Свисток?

— Да я всё сегодняшнюю концовку игры переживаю. — Я снял машину с ручника. — Мог ведь судья из Челябинска свистнуть нарушение на мне? Ничего, прорвёмся.

— Прорвёмся, — засмеялся Александров. — Что атака с ходу на местную журналистику не удалась? От ворот поворот?

— Поворот, но не от ворот, — хмыкнул я, выезжая из проулка на площадь Максима Горького. — Смотри, как непогода разыгралась. Как бы нам до «Зелёного города» доехать без приключений.

— Прорвёмся, — улыбнулся Борис.

Однако дорога на самом деле оказалась не простой. Без навигатора, от которого я ещё не успел отвыкнуть, при плохой видимости из-за снега и поднявшейся метели один раз не в том месте свернул, один раз проехал отворот на Казанское шоссе. Но как говорится: «Упорство и труд, куда угодно завезут». И когда за окном промелькнула деревня Афонино, с характерными мелкими частыми домиками по разным краям дороги, я успокоился. Ведь оставалось лишь доползти до Опалихи, а дальше отворот направо и почти дома. Но именно на последних пяти километрах пути произошло совершенно фантастическое происшествие.

«Малыш» на переднем пассажирском кресле закемарил. Вьюга среди высоких сосен лесного массива, где пряталась наша спортивная база, стихла, и лишь плотный белый снег мелькал в световых лучах автомобильных фар. И вдруг проснулся голос в голове: «Тормози! Срочно тормози! Жми на тормоз быстрее!». Естественно, я мгновенно нажал на педаль тормоза, мало ли что? Когда видимость — ноль, всегда лучше немного перестраховаться. И внезапно передок моей «Волги» чуть не влетел в фигуру пошатывавшегося человека, который снял с головы шапку ушанку, ослабил в бессмысленной пьяной улыбке и поклонился мне.

— Сволочь пьяная! — Гаркнул я, разбудив перепуганного Бориса, и выскочил из машины. — Дебилоид! Ещё бы немного и ты бы лёг в могилу, а я бы сел за решетку!

— Всё нормально, брат, — еле ворочая языком, пробормотал мужик в телогрейке, в валенках и каких-то непонятного пошива штанах. — Поехали уже домой...

В следующую секунду я залепил с левой, более слабой, руки по макушке ненормальному бродяге и когда он по инерции нырнул в придорожный сугроб, зачерпнул горсть снега и размазал себе по лицу. Из автомобиля вышел так же и Боря Александров.

— «Малыш», помоги этого смертника запихать на заднее сиденье. Сдадим его охране, пусть вызванивают полицию, милицию и «карету» скорой помощи, — пробормотал я.

— И как ты только среагировал? — Почесал затылок мой юный одноклубник. — Ещё бы чуть-чуть...

— И прощай Олимпиада в Саппоро, — закончил я фразу за Бориса.

— Мужики, а выпить есть? — Спросил первым делом, оказавшись в теплой машине, ненормальный мужик. — Что-то я продрох на снегу.

— Ты хоть дебилоид понимаешь, что в рубашке родился? — Зло рыкнул я, теперь уже осторожно катясь по дороге на спортивную базу, а то вдруг тут ещё такие же «пассажиры» бегают.

— Что наша жизнь? — Икнул незнакомец, выпучив пьяные глаза. — Игра. Наливай.

— Извини, руки заняты, — сказал я, скрипнув зубами. — Сейчас Боря тебе с правой «нальет».

Из-за дикого происшествия в пути я долго не мог уснуть. Даже встал примерно в два часа ночи и вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Снег к тому времени прекратился, и сквозь черные ночные облака кое-где показались яркие и мелкие, словно золотые песчинки, звёзды.

«Слышишь, там, в голове, как ты узнал, что впереди за сотню метров на дороге стоит человек?» — мысленно спросил я.

«Испугался, — тихо засмеялся голос. — Не знаю. Почувствовал опасность и предупредил. Теперь понимаешь, что мы должны дружить?»

«Перед Олимпиадой наша сборная поедет на товарищеские матчи в Финляндию и Швецию, я там чего-нибудь куплю, тут продам. Схема простейшая только детали нужно продумать. Так тебя на первых парах устроит?» — спросил я, понимая, что в таких обстоятельствах просто обязан с голосом в голове сотрудничать.

«Да», — прошипел он.

На следующий день, 7 января, после утренней сорокаминутной тренировки, где наш героический хоккейный коллектив «зарыв топор войны», поклялся друг перед другом, что расшибёмся в лепёшку, но за золотые медали зацепимся, я решился на серьёзный разговор с Борей Александровым. Под надуманным предлогом, сказав Ковину, Скворцову и Доброхотову, что нас с «Малышом» ждут до обеда небольшие, но серьёзные дела, я сначала на «Волге» проехал на набережную к памятнику Валерию Чкалову, и предложил там своему юному другу прогуляться.

— Боря у меня к тебе один серьёзный вопрос, — начал я, спускаясь по «Чкаловской» лестнице. — Как ты видишь своё будущее?

— Как? — Засмеялся Борис. — Буду бегать с клюшкой на коньках, пока ноги держат, примерно так до 1990 года, минимум. — Александров поднял многозначительно указательный палец вверх. — Тем более через восемь лет у нас в СССР наступит коммунизм, о чём ещё можно думать? Живи и радуйся.

— Да, — тяжело вздохнул я, — ходи и жмурься, с утра встал сразу за дрель. Кхе. Хочу сказать тебе по большому секрету, что ни через восемь, ни через восемнадцать, ни через тридцать восемь лет коммунизм не наступит.

— Да, б...ь, не может быть? — Опешил «Малыш».

— Чтобы наступил коммунизм, сначала ведь должен установиться социализм, — начал я объяснять смену общественно-экономических формаций по Марксу, которого за прошедшие дни начитался до одурения.

— Ну, так, а у нас чё, б...ь? — Не выдержал Боря.

— Не перебивай, — осадил я его. — Не сбивай с мысли. Социализм — это когда земля принадлежит крестьянам, а фабрики и заводы рабочим, так? Вот скажи, может хотя бы один колхозник продать кусок колхозной земли или рабочий продать станок, за которым трудится?

— Подсудное дело, — усмехнулся паренёк.

— Социализм — это сложная система взаимодействия большой государственной собственности и малого частного бизнеса, чтобы хотя бы часть людей прогрессировала, росла над собой. Училась вести деловую документацию, выстраивать бизнес модель, планировать развитие своего малого предприятия, изобретать новые уникальные товары и услуги. И тогда слово дефицит навсегда исчезнет из нашего лексикона. Но таким обществом очень сложно управлять. Пару тупых законов и весь нормальный общественно-полезный бизнес сразу вымрет или уйдёт в «тень». А так же люди, которые сами создают рабочие места, всегда будут правительство спрашивать: «А на что пошли наши налоги?». Плюс возникает много и других проблем. И за перекупами нужен глаз да глаз, и микрозаёмные организации нужно безжалостно давить, и рэкетиров к стенке ставить, и чиновников-взяточников сажать.

— Чего, кого, куда? — Почесал затылок Александров.

— Не важно, — махнул рукой я. — Просто поверь, настоящий социализм очень сложен в управлении. Это всё равно, что для сильной хоккейной команды нужен только очень эрудированный и грамотный тренер с такими же помощниками, а для команды из ЖЭКа достаточно и простого физрука.

— Ну, допустим, и что? — Уставился на меня мой юный друг.

— А то, что деньги никуда не исчезнут. И кроме тебя самого в будущем, никто за тебя решать ничего не будет. Поэтому я сейчас предлагаю не надеяться на нищенскую пенсию, а самим начать откладывать и зарабатывать капитал. Тем более Москва, в которую мы через год переедем, город дорогой.

— Тьфу, ты! — Сплюнул «Мальш». — Напугал. Социализм, коммунизм, Маркс и Энгельс. Ты мне что, фарцевать предлагаешь? Да я сам об этом уже думал. Закупим в загранке джинсов или пластинок, а тут сдадим.

— Хорошая электрогитара в Швеции стоит примерно 300 долларов, а здесь её можно продать за 3 тысячи рублей. — Предложил я немного другой бизнес-план.

— Ага, нам дадут всего по сотне на руки. — Расстроился Боря.

— А мы третьего найдём — Вовку Минеева, нашего будущего динамовского одноклубника. — Я хлопнул «Мальша» по плечу. — Потом ещё придумаем, как эти деньги приумножить в Японии. С джинсами же одна морока, ещё на таможенном досмотре прицепятся. А гитара — она одна, чтобы играть для себя любимого.

— Похоронный марш на одной струне, — пробурчал Боря Александров.

Ночь на 8-ое января тоже выдалась беспокойной. И сны такие неприятные снились, что хоть снова возвращайся к разгульному и беззаботному образу жизни. В этих сновидениях я куда-то всё время бежал, карабкался на скалы, срывался, падал, и снова полз вверх. Потом почему-то брёл через топи и болота, проваливаясь в трясину по грудь. А в конце странный черный куст на маленьком болотном островке, куда я вылез отдохнуть, вставил мне в нос гибкую, как волосатая змея, ветку.

— Блин! — Вскрикнул я и открыл глаза.

— Мяу! — Недовольно мяукнул кот Фокс, который хвостом щекотал мой нос.

— Бум! Бум! — Кто-то тут же постучал в дверь.

Я бросил взгляд на будильник, стрелки которого показали чуть больше семи часов утра.

— Кому не спиться в ночь глухую? — Громко спросил я и встал с кровати.

— Открывай — это я! — Послышался из-за двери голос Сева Боброва. — Поехали на лыжах, перед тренировкой пробежимся. — Сказал он, когда я приоткрыл дверь комнаты.

— На лыжах? — Переспросил я, думая как бы получше «отмазаться». — Бери самое дорогое, что у меня есть — Фокса и беги с Богом, только обратно не забудь вернуть.

— Не смешно, — хмыкнул Всеволод Михалыч и, бросив взгляд на кота, который сообразив, что дело пахнет керосином, мигом спрятался под шкаф, добавил. — Пройдёмся на лыжах, пошепчемся.

Почему Сева Бобров решил шептаться во время лыжной прогулки, я примерно догадался, но не думал, что всё так серьезно. Поэтому первый километр мы по хорошо накатанной трассе пробежали в приличном темпе молча. Лично я на лыжах в детстве любил кататься исключительно с горки, но представление как переставлять палки, как передвигать эти самые лыжи имел. За счёт чего отстал от Всеволода Михалыча всего-то на метров двадцать.

— Слабак, — усмехнулся главный тренер, когда я его подъехал ближе.

— Не слабак, а человек, который на лыжах стоит посредственно, ввиду малой практики, — пробубнил я. — О чём пошептаться захотелось? Не юли, Михалыч. Я — могила.

— Помнишь последнюю товарищескую игру с Чехословакией, где нас в третьей двадцатиминутке засудили? — Начал «из далека» Бобров. — Я ведь поспрашивал работников дворца спорта о том, кто входил в судейскую комнату перед третьим периодом. Сказали, что это был человек с военной выправкой. Вот я и ломаю голову — кому я дорогу перешёл? Брежнев — за меня, Андропов тоже за меня. Остаётся маршал Гречко Андрей Антонович. Больше никому.

— Думал я про это. — Признался я. — Гречко ведь курирует ЦСКА. Если Анатолий Тарасов не будет тренировать сборную, он же больше времени сможет уделить игре армейского клуба, а ты наоборот меньше будешь заниматься конкурентом за чемпионство — нашим горьковским «Торпедо». Невыгодно товарищу маршалу ввязываться в эту странную и опасную для него авантюру.

— Ну, тогда я ничего не понимаю. — Тяжело вздохнул Сева Бобров и медленно покатил по лыжне. — Тымне как-то говорил, что будущее современного хоккея видел? Припомни из-за чего после Олимпиады в Саппоро Чернышёв и Тарасов ушли из сборной команды СССР?

— Много есть предположений, — задумался ненадолго я. — Первое — это они сами заранее попросились на отдых. Лично я в это не верю, им сейчас обоим нет и 60-ти лет. У них сейчас самый рассвет тренерской карьеры. Второе — ходил такой слух, что якобы наш прославленный дуэт специалистов чиновники попросили сыграть вничью с чехами в последней игре олимпийского турнира, чтобы СССР взял золото, а чехословаки — серебро. Тоже ерунда, так как в этом последнем матче решалась судьба первого места. Допустим играют команды 2: 2, а чехи берут и забрасывают шальную шайбу за минуту до конца, и всё — золото у них, а мы — вторые. И третье — это чехословацкая делегация обратилась в наш спорткомитет, чтобы Тарасова на чемпионат мира в Праге не было, так как он обзывал их игроков — фашистами.

— Тоже чушь, — Сева Бобров о злости даже стукнул лыжной палкой по близлежащим кустам. — Чернышёв Аркадий Иванович мог и один поехать. Он и без Тарасова и Олимпиаду выигрывал, и чемпионат мира брал. Чернышёв — специалист вполне самодостаточный, авторитетный. Тут что-то не то.

— Михалыч, — жалостливым голосом попроси я. — Давай сначала выиграем Олимпиаду, а дальше видно будет. Кто-нибудь где-нибудь проговориться и мы сами всё узнаем. Сейчас ещё просто мало информации, чтобы делать выводы.

— ЦСКА бы сначала обыграть, — зло пробубнил Сева Бобров. — А потом уже Олимпиаду. Кстати, посоветоваться хочу — Петрова и Михайлова брать в сборную или нет?

— Если извинились перед тобой, то — да, ну а если нет — и без них сыграем. Хотя мастера они великолепные. — Тяжело вздохнул я и прибавил шагу, ведь очень хотелось ещё чуть-чуть поспать перед дневной тренировкой.

— Если 12-го не извинятся, то хрен с ними. — Хорошим раскатистым лыжным шагом припустил Всеволод Михалыч. — Догоняй, слабак!

— А я срежу! — Засмеялся я, поворачивая в другую сторону.

* * *

Сегодняшнюю небольшую часовую тренировку Всеволод Михалыч решил посвятить исключительно быстрым атакам два в один и три в два.

— ЦСКА в Москве побежит без оглядки на тылы в атаку, — пояснил свою гениальную мысль Сева Бобров, собрав нас в центре хоккейной площадки. — Поэтому у нас появится возможность много и опасно контратаковать. Нужно мужики все эти моменты реализовать с пролетарской беспощадностью! — Главный тренер показал нам кулак. — Всё тройки нападения и двойки защитников возвращаем к доновогодней расстановке. Смагин и Шигонцев переходят в тройку к Свистухину. Скворцов идёт на свой левый фланг к Тафгаеву и «Мальшу», эээ, Александрову.

— Мальшсандрову, — брякнул под всеобщий хохот Свистухин.

— Далее, — усмехнулся и сам Бобров. — Гордеев возвращается к Куликову, а Астафьев к Фёдорову. Ну, чё стоим? Поехали! — Всеволод Михалыч дунул в свисток.

«Возможно, Михалыч, и прав, — думал я, разыгрывая с Борисом выход на одного защитника Куликова и вратаря Володю Минеева. — Тарасов ведь бешенный. Накрутит своих так, что понесутся армейцы на наши ворота, как угорелые».

— Смена! — Дунул снова в свисток Сева Бобров и мы с Александровым отъехали в

бортику.

— Я с Минеем поговорил, — заявил мне мой юный и резвый друг, кивнув на нашего второго вратаря. — Он фарцевать согласный. Даже обрадовался. Я вот что думаю, может нам ещё здесь в Союзе что-нибудь такое купить, чтобы там в Швеции продать и привезти не одну гитару, а целых три.

— А давай мы почку твою продадим для опытов, — посмотрел я серьезно на «Малыша». — Орган у тебя что надо, алкоголем не испорченный. Нам за него не три электрогитары дадут, а четыре. Во будет навар!

— Иди ты, почку, — обиделся Александров.

— Ладно, плохая шутка. Золотишка бы где достать? — Почесал я свой затылок через хоккейный шлем. — За золото в Швеции можно было бы чего-нибудь и выторговать.

— Да уж, но где его взять? — Так же почесал свой затылок и Борис.

— Смена! — Крикнул нам главный тренер.

«А ты с бандитами местными переговори, — подключился к мозговому штурму вкрадчивый голос в голове. — Ты ведь с Зараном уже знаком. Он человек с понятием, деньги же всем нужны».

«Разберёмся», — мысленно ответил я, щёлкая в касание по воротам Володи Минеева.

Примерно в таком духе и прошла первая часть тренировочного занятия. Сначала отработка два в одного, а затем небольшая пауза, во время которой мы думали, где намыть золотишка. Как не крути, а все дороги вели к товарищам советским бандитам. Поэтому временно отбросив эту моральную дилемму, я сосредоточился на наигрывании комбинации три в два. Ведь пару раз моя тройка нападения с Александровым и Скворцовым безуспешно пыталась обыграть пару защитников Астафьева и Фёдорова. И во время небольшой паузы, вдруг в голову пришла хорошая и интересная идея.

— «Пионеры» смотри сюда, — сказал я своим юным одноклубникам. — Слишком шаблонно мы стали играть. Может быть для московского «Локомотива» этого и будет достаточно, но для ЦСКА нужно сработать похитрее.

— Предлагаешь смену позиций? — Спросил Сашка Скворцов.

— Лучше. — Я повертел головой, где и как бы мне новую комбинацию нарисовать, и не найдя ничего подходящего, стал резать коньком искусственный лед около борта. — Допустим, по левому краю с шайбой в зону атаки вкатываешься ты, Боря. — Я прочертил линию на льду. — Мы идём параллельным курсом, я по центру, Скворец справа. — Я сделал ещё две линии. — И ты «Малыш» вместо ускорения, наоборот сбрасываешь скорость, а я через центр ускоряюсь и вылетаю на левую штангу. — Я прорезал длинную диагональную линию. — Один защитник блокирует тебя, и вот вопрос — что будет делать второй игрок обороны?

— Ясное дело, тебя, Иван, клюшкой зацепит и покатится следом. — Первым ответил Скворцов. — Тогда у меня открывается чистый лёд на одинокого кипера. — Нападающий кивнул на ворота, где в поте лица трудился Володя Минеев.

— То же самое можно разыграть и зеркально, — сказал Боря, который понял, что в таком раскладе ему забрасывать шайбы не светит, так как путь к воротам мы расчищаем для партнёра справа.

— Можно, — согласился я. — А если второй защитник за мной не пойдёт, то пас через борт «Малыш» сделай на меня. И кстати, если кто-то чувствует, что вратаря обыграть не получается, тоже пасуйте на дальнюю штангу, то есть мне.

— Смена! — Свистнул нам Сева Бобров.

— Ну, ты Иван и жук, — пробормотал Скворцов.

Комбинацию, которой мы тут же удивили наших защитников, решено было назвать — «Гоп со смыком». Гоп — это был мой резкий рывок через центр, а смык — это то, что следовало дальше, то есть заброшенная шайба.

— Чё это вы тут такое накрутили? — Встал как вкопанный Всеволод Михалыч, когда мы забросили третью подряд «банку». — Повторите помедленней, я записываю. — Сказал главный тренер, вынув блокнот из кармана спортивных штанов.

— Называется, Михалыч, «Гоп со смыком», — под хохот парней подсказал название комбинации Боря Александров.

— Толково придумали, — пробурчал Сева Бобров, видя, как мы растаскиваем защитников, и громко добавил. — Все теперь будут репетировать этот «Гоп со смыком»! Смена!

Ближе к концу тренировки на трибунах появилась красавица журналистка Варя Варшавская и хоккеисты все как один принялись выделяться, то есть играть, позабыв о партнёре по команде.

— Вы мне тут чего фигурное катание устроили! — Гаркнул недовольный главный тренер. — А? Здравствуйте. — Заметил, наконец, и он красивую девушку. — Как продвигается статья?

— Главный редактор сказал, что неплохо было бы рассказать о том, где играл до «Торпедо» ваш центральный нападающий Иван Тафгаев. — Мило улыбнулась Варвара. — Слишком мало об этом информации.

— «Гоп со смыком», — пробормотал Всеволод Михалыч. — Тафгай иди уже в раздевалку, всё равно от тебя одна головная боль. Извините, — улыбнулся он журналистке.

— А чем вы сегодня вечером занимаетесь? — Спросил Варвару, подъехавший чуть ближе Коля Свистухин.

— Сиди дома не гуляй, Николай! — Сказал я, проезжая миом и шлепнув по шлему Свистухина под всеобщий гогот.

* * *

Смешная вещь — эти людские слухи. Непонятно каким образом весть о том, что я якобы отсидел в тюрьме, долетела и до редакции газеты «Горьковский рабочий». Кто-то ляпнул, не подумав, кто-то добавил от себя своих личных странных фантазий и вот теперь я доказываю Варе Варшавской, что не верблюд, а настоящий советский человек. Как призналась сама Варвара, главный редактор даже решил статью о нашем «Торпедо» временно отложить в очень укромный дальний ящик, если моя биография так неоднозначна. Пришлось везти девушку на свой родной для этой жизни автозавод «ГАЗ».

Пятнадцать минут езды на авто, полчаса, чтобы оформить временный пропуск, ещё семь минут, чтобы пройти по территории завода до Кузовного корпуса, подняться на второй этаж в профком и вот я представляю для журналистки Варвары первого своего свидетеля.

— Познакомьтесь, — сказал я, подтолкнув в спину немного оробевшего физорга Самсонова. — Это наш физорг, товарищ Самсонов. Это наш кубок заводской спартакиады, который мы взяли осенью прошлого года. Расскажи Олег Палыч всем нашим городским

журналистам о том, как мы с тобой познакомились?

— Ну, а что тут говорить? — Замялся Олег Палыч.

— Скажите, как давно Иван занимается хоккеем? — Уточнила мой вопрос Варя. — Правда, что он отработал на заводе много лет?

— Иван? — Посмотрел на меня Олег Палыч. — Скажу без ложной скромности, это с его открыл. Иван всегда был спортивным парнем, но не теми видами спорта увлекался, не хоккеем. И ещё были у него и другие увлечения.

— Вы хотели сказать, что Иван имел какое-то хобби? — С уважением посмотрела на меня журналистка.

— Да, — Самсонов покосился на меня и прокашлялся. — Ваня Тафгаев был у нас большим коллекционером, именно это ему помешало раньше раскрыться в хоккее.

— И что же я собирал? — Рыкнул я.

— Ты? — Олег Палыч немного внезапно взмок, сообразив, что ляпнул что-то не то. — Иван коллекционировал это, — физорг изобразил руками некую сферу, — этикетки разных производителей.

— Вы хотели сказать марки? — Уточнила моё увлечение прошлого Варя.

— И марки тоже, — выдохнул физорг. — У нас тут многие этим увлекаются, после работы. А что? Каждый советский человек имеет своё законное право на хобби в культурной обстановке конечно.

— Филателия в СССР — для всех раскрывает новые горизонты жизни, — вовремя влез я, пока Самсонова не понесло дальше, чем Остапа Ибрагимовича. — Спасибо Олег Палыч сказал от души! — Я пожал руку физоргу и повёл от греха Варвару дальше по коридору.

— Это наша столовая, тут я обедал, — я открыл перед девушкой дверь в царство парки, варки и поджарки и мысленно перекрестился, так как ни одного знакомого человека в помещении не оказалось.

Однако меня узнали все, причём очень быстро. Мужики в промасленных робах тут же кинулись с раздачи и из-за обеденных столов жать мне руку и требовать немедленной победы над ЦСКА. На мои слова, что сначала 9-го мы играем с «Локомотивом», а уже потом 12-го с ЦСКА, работяги внимания не обращали.

— Вот Варя смотрите, народ меня здесь помнит и уважает. — Шепнул я журналистке.

— Иван, а ты когда мне рубль отдашь? — Вылез передо мной какой-то мужичок. — Ты у меня ещё летом, когда штаны сжёг, в займы брал, помнишь?

— Держи отец, извини, закрутился с клюшкой и шайбой, — я тут же сунул в жилистую руку рабочего свой трудовой хоккейным потом заработанный рубль. — Выручил ты меня тогда знатно. На марку из Бурунди редкую немного не хватило. — Сказал я специально для Варвары и потащил её из столовой прочь.

В коридоре я провёл девушку мимо медпункта, нечего там было показывать, и напрямик направился в заводскую библиотеку.

— Вот здесь долгими вечерами я готовился к поступлению в МГУ на факультет международных отношений, — соврал я, водя руками в разные стороны.

— Ты хотел поступить в МГУ? — Удивилась Варя.

— Глупые мечты, напрасные надежды, — отмахнулся я. — Сейчас ещё покажу, где я каждую смену пахал за станком, и думаю, что все вопросы отпадут по поводу моей трудовой биографии?

— А что за штаны ты сжёг этим летом? — Спросила девушка, когда я её вёл уже по

лестнице на первый этаж, туда, где гремели и урчали стальные станки.

— Что значит какие? — Возмутился я. — Ведь чучело Зимы сжигают же на праздник Масленицы? Вот и мы с коллегами решили этим летом после трудовой стахановской вахты, сжечь чучело проклятого империализма. Чтоб значит, на всей планете был Миру — Мир, и все разжигатели мировых войны, захлебнувшись в собственной ядовитой злобе, очистили нашу Землю от своего поганого и мерзкого существования. Вот так в статье и напиши.

— Не слишком ли это будет в статье про хоккей? — Улыбнулась Варя Варшавская.

— В самую точку, — выдохнул я, когда подвёл девушку к своему родному фрезерному станку, за которым пока никто не работал.

— Иван! Ванечка! Ванюша! — Вскрикнул Данилыч, каким-то необъяснимым образом разглядев меня из-за металлических стеллажей с заготовками и стопками различных чертежей.

Целых пять минут Трофим Данилыч и выбежавший следом Казимир Петрович меня обнимали, пускали скупую мужскую слезу и жали руку. Даже я, «чёрствый сухарь», немного прослезился.

— Запишите девушка, это мы с Казимиром Ване всегда твердили, показывая пальцем в телевизор, — тараторил Данилыч. — Вот с кого ты должен брать пример. С братьев Майоровых, со Старшиновых и с этих...

— С Рагулиных, — подсказал коллеге Казимир.

— Ты, Иван, теперь за всех нас, за тех, у кого судьба не сложилась, играть должен. — Смахнул ещё одну слезинку Трофим Данилыч. — За простых работяг, которые тут всю войну вкалывали по двенадцать часов, и всё здоровье здесь оставили.

— Ну, всё, всё, — стал утешать друга Казимир Петрович.

— Не перебивай! — Взвизгнул Данилыч. — Ты должен обыграть ЦСКА в чемпионате выиграть Олимпиаду в Японии и чемпионат мира в Праге. Вот теперь достаточно.

— Между прочим, у нас в соседнем цехе ещё одни знаменитости работали, — похвастался Казимир. — Вот там за станками стояли Анатолий Чернов и Николай Серёгин. Сейчас скажу... ВИА «Лейся, песня» они недавно в новогоднем огоньке ещё спели «Всё, что в жизни есть у меня».

— Так это они сейчас исполняют «Всё пройдёт и печаль, и радость»? — Удивилась Варвара. — Мне очень нравится.

— Ерунда ваше «Всё пройдёт»! — Завелся Трофим Данилыч. — Заботится сердце Сердце моё волнуется! Потому что мой адрес — Советский союз! Это наша песня настоящая заводская. Про них тоже надо написать в ваш журнал.

* * *

К редакции газеты «Горьковский рабочий», окна которой смотрели на Белую башню Нижегородского кремля, я привёз Варвару лишь к четырём часам дня. И прежде чем мы попрощались, я несколько минут не без удовольствия целовал сладкие губы замечательной девушки.

— Скажи, а где теперь твоя коллекция марок и этикеток? — Неожиданно спросила она, отстранившись.

— Коллекция? Мужикам раздал на заводе. — Ответил я, ругая себя за вынужденное

вранье. — Им сейчас марки и этикетки нужнее, чтобы они хотя бы знали, что Мир огромный и разнообразный и не заключается между проходной завода, собственной малогабаритной квартирой и дачей на берегу Оки. Чем не мечта поехать и посмотреть Мир?

— Я бы съездила, — улыбнулась Варя и сама поцеловала меня.

9 января в воскресенье за десять минут до выхода на предматчевую раскатку в нашей раздевалке во дворце спорта ЦСКА, пятёрка Свистухина резалась в преферанс, вратари Коноваленко, Минеев и их личный тренер Котомкин «забивали» в домино «козла», а пятёрка Федотова играла в покер по десять копеек ставка. Лишь я своих «пионеров» заставил, надавив стокилограммовым авторитетом на психику, делать обычную разминку.

— Запомните, любого соперника нужно уважать, хотя бы в глубине души, — бурчал я, косясь на остальную беззаботную команду. — Московский «Локомотив» — это конечно не «Динамо» и ЦСКА, но у них в составе много опытных ребят. Например: Виктор Якушев двукратный олимпийский чемпион.

— Да когда это было, — отмахнулся Коля Свистухин. — Кстати, а хорошо, что матч дневной, правда? — Спросил он уже у остальных хоккеистов. — Вечером по-человечески сядем в ресторане и посидим, как люди. А давайте махнём в ресторан гостиницы «Советской»? А чё? Там все хоккеисты Москвы отдыхают, в культурном смысле, конечно.

— Я тебе махну! — В раздевалку вошёл главный тренер Сева Бобров, который относил в судейскую комнату заполненный протокол нашей команды. — Мало вам осечки с «Динамо»? Карты, шашки и домино убрать. — Всеволод Михалыч тяжело вздохнул, подошёл к доске с расставленными на ней магнитиками, и снова обвёл нас взглядом. — Установка на игру будет короткой.

— Краткость — сестра таланта, — хохотнул Свистухин и народ в раздевалке дружно заулыбался.

— У тебя Николай вторая фамилия не Чехов случайно? — Сязвил главный тренер. — Вот и помолчи. Комбинацию, которую мы наигрывали на последней тренировке не использовать. На матче присутствует Костя Локтев помощник Тарасова. Нечего раньше времени раскрывать перед ЦСКА все карты. Ну, что на меня смотрите? Пошли на лёд! — Сева Бобров дважды громко хлопнул в ладоши. — Тафгаев, я же сказал шашки, домино и карты убрать! — Гаркнул он на меня, когда заметил в моих руках футляр от маленьких магнитных шахмат.

— Михалыч, это мне на заводе сделали презент. — Я открыл крышку футляра, внутри которого оказалось миниатюрное хоккейное поле, а на нём двенадцать маленьких фигурок хоккеистов двух команд, чёрных и белых. — Наши местные умельцы постарались.

— Хоккейные шахматы, — пробормотал Всеволод Михалыч. — Добро, это можно. Совсем вы у меня распустились.

* * *

Тридцативосьмилетний тренер ЦСКА Константин Борисович Локтев, который ещё успел поиграть в одной команде с великим Всеволодом Бобровым, сегодня, устроившись на трибунах родного дворца спорта, подрабатывал спортивным наблюдателем. Его непосредственный руководитель, старший тренер Анатолий Тарасов буквально потребовал точнейшего отчёта об игре «Торпедо». В каких сочетаниях горьковчане выходят на лёд, кто в лучшей форме, кто в худшей, есть ли травмированные, какая пара защитников чаще

ошибается, какие новинки приготовил Всеволод Михалыч?

«Когда такое было, чтоб ЦСКА изучал игру предстоящего соперника? — криво усмехнулся Константин Борисович. — У ЦСКА главное правило — только вперёд, только победа! Вышел на лёд, прижал с первых минут своего соперника к воротам, набросал полную авоську и тогда уже отдыхай. Но в этом 26-ом чемпионате СССР всё пошло наперекосяк. Ещё до старта нового сезона была чёткая уверенность, что достойного противника в чемпионате нет, и не будет. У «Динамо» слишком много ветеранов. У «Крыльев советов» слишком много молодёжи. У «Спартака» чехарда на тренерском мостике. Но вдруг как чёрт из табакерки выскочило это горьковское «Торпедо». Первый матч им проиграли — недооценили, но 23-го ноября второе поражение — было закономерным! — Локтев полистал программку матча, никаких изменений в составе горьковчан не наблюдалось. — Если 12-го проиграем ещё раз, и не дай Бог займём в чемпионате место ниже первого, маршал Гречко Анатолию Владимировичу этого не простит».

Тем временем на льду главный судья Захаров вбросил шайбу, и горьковчане понеслись в атаку. «Первая пятёрка, — записал в записной книжке Константин Локтев. — Нападающие: Александров, Тафгаев и Скворцов, и пара защитников: Гордеев и Куликов. Иван Тафгаев — вот кто корень наших бед, — подумал тренер ЦСКА. — Что он вытворяет на пяточке! Даже сидя здесь на трибунах видно, как защитникам всех команд становится страшно, когда он идёт на добивание. Ничего у нас Саша Рагулин от травмы оправился, теперь покажет ему — кто перед воротами настоящий хозяин».

— Тафгай, поддай! — Выкрикнул один болельщик с нижнего ряда и его поддержали с других концов зала.

«У «Торпедо» уже свои болельщики в Москве? — удивился Константин Локтев. — Какой же странный этот 26-ой чемпионат СССР».

* * *

— Что, товарищи хоккеисты? — Спросил, нервно пройдя за спинами игроков Сева Бобров. — Не помогает в матче ваш покер, преферанс и домино? Пять минут, а на табло одни нули, совсем забурели?

— То ли дело, Михалыч, вы в своё время, — хмыкнул я. — Только на лёд вышли, игра можно сказать ещё не началась, а счёт уже 3: 0 в вашу пользу. В этом и заключалось настоящее чудо русского хоккея.

— Раз махнул, три забил, — поддакнул Свистухин и весь народ на скамейке запасных тихо захихикал.

Тем временем на смену прикатила пятёрка Саши Федотова и Коля Свистухин со своей веселой компанией через калиточку, друг за другом пошли биться об защиту московских железнодорожников. Всеволод Михалыч очень серьёзно посмотрел на меня и, поиграв желваками на мужественном лице, произнёс:

— Если в следующей смене первую не забросите, то всё...

Что «всё» Всеволод Михалыч уточнять не стал. «Всё» — закончилась казачья вольница, будете жить на спортивной базе? Или «всё» — прощай премия в квартал? А может «всё» — я больше с вами не разговариваю?

«Ладно, — подумал я. — Хватит шутки шутить, пора дело делать».

— Кулик, — окликнул я защитника Сашу Куликова. — Полезешь со мной на пятак дело делать, то есть шайбы забрасывать.

— А если обрежемся? — Резонно заметил защитник.

— Скворец, — обратился я к Саше Скворцову. — Как только Кулик пойдёт на пятак, отойдёшь на синюю линию, подстрахуешь. А то окопался «Локомотив», как финны на линии Маннергейма.

— Что-то я про такого тренера не слышал, Маннергейм, — почесал затылок Боря Александров. — Немец, что ли какой?

— Хуже, — усмехнулся я. — Это генерал-лейтенант русской армии.

— Антанта, — презрительно высказался Скворцов.

— Смена! — Скомандовал Всеволод Михалыч и моя пятёрка пошла на лёд.

* * *

Первая заброшенная шайба в матче Константина Локтева и озадачила, и разочаровала. Для неё не понадобилось ни высокого индивидуального мастерства, ни красивой на загляденья комбинации. Тафгаев выиграл вбрасывание в зоне московского «Локомотива», после чего торпедовцы по-хозяйски расставились и устроили небольшой перепас. Затем здоровенный Тафгай залез на пятак и ему на помощь прибежал защитник Куликов. И именно неожиданное подключение игрока обороны, на которого отвлеклись москвичи, и решило эпизод в пользу «Торпедо».

«Шайбу с передачи Куликова № 6 забросил Иван Тафгаев № 30, — записал себе в книжку второй тренер ЦСКА. — Гол забит с пятачка после тридцатисекундной позиционной атаки. А ведь ещё недавно «Локомотив» побеждал в кубке Шпенглера. — Подумал Константин Борисович. — А сейчас в своих куцах белых свитерах на фоне красивых оранжево-синих гостей, у которых красуется морда кота на груди, «Локомотив» выглядит, как команда класса «Б» против элитного клуба, что заскочил в захолустье на товарищескую игру».

А через минуту ещё более обидной вышла вторая шайба горьковчан. «Локомотив» вдруг вспомнив, что играет дома при своих болельщиках, побежал отыгрываться и тут же наткнулся на резкую и убийственную контратаку.

«Шайбу с передачи Мишина № 12 забросил Фролов № 11. — Сделал новую запись Локтев. — Гол забит после быстрой контратаки, выхода два в одного. Суши вёсла «Локомотив»! Сейчас горьковчане ещё поднажмут, и игра будет сделана».

И через полторы минуты в середине первого периода, Константин Борисович осознал, что мысль иногда бывает материальной, причём совершенно внезапно. Так как когда на льду вновь оказался Тафгаев со своими партнёрами счёт стал уже 0: 3. Защитник гостей Гордеев легким кистевым броском шмальнул шайбу в сторону вратаря москвичей Валерия Зубарева, а торпедовский центральный нападающий подставил под прострел черенок клюшки! И сделал он это сознательно, как на тренировке. Никакой случайности в таком рикошете не было!

«И откуда же этот Тафгай взялся на нашу голову? — Хлопнул себя по бедру второй тренер ЦСКА. — Вот где так играют? Даже в Канаде я такого не видел, чтобы подставляли под прострел черенок клюшки. И что сейчас я должен записать в книжку? Что я должен

сказать Анатолию Владимировичу, чтобы его успокоить? Второй месяц весь тренерский штаб, как на пороховой бочке. Нового года у команды просто не было. Хоккеисты нервничают, ругаются, ежедневно две тренировки в день. А итог? — Сам себя спросил Локтев и тут же ответил. — Шею нам «намылят» — вот и весь итог».

— Константин Борисович, — обратился внезапно какой-то болельщик в годах, сидящий по правую руку. — Как думаете с «Торпедо» 12-го числа сыграть? Не нравится мне их № 30, наворотит он дел с нашим ЦСКА.

— Спокойно, отец, разберёмся, Тарасов и не таких обламывал, — «покривил душой» второй тренер столичных армейцев.

— Нужно Анатолию Владимировичу сказать, чтобы он объединил обратно Михайлова, Петрова и Харламова, а с Викуловым и Фирсовым пусть Блинов играет. — Сильно надтреснутым голосом, стал раздавать «ценнейшие» советы странный болельщик, не то «Локомотива, не то ЦСКА.

— Разберёмся, отец, разберёмся, — пробормотал Локтев и тут же на льду родного армейского дворца спорта молоденький новичок горьковской команды Борис Александров сотворил маленький хоккейный шедевр. Он в одиночку от своих ворот обвёл всех железнодорожников, которые сейчас находились на льду, и закатил 4-ую шайбу в сетку ворот Валерия Зубарева.

— Талантище, — прошептал болельщик справа. — Прошляпили паренька. — Добавил он, обиженно посмотрев на Константина Локтева. — И Тафгая тоже проворонили селекционеры, мать вашу.

Локтев захотел было что-то обидное ответить знатоку спорта, но наконец-то прозвучал свисток на перерыв и болельщики массово потянулись в буфет пить холодное пиво. Кто с радости, кто с горя, а кто ради удовольствия. А на табло после первого периода горели безнадёжные для «Локомотива» цифры 0: 4.

* * *

— Ты хет-трик у меня сегодня делать собираешься или нет? — Грозно сверкнув глазами, спросил меня Сева Бобров в перерыве после второй двадцатиминутки, в которой отличились Николай Свистухин, Алексей Мишин и Александр Скворцов.

Вообще второй период стал копией первого. Сначала «Локомотив» героически оборонялся, затем Свистухин с пяточка заковырял одну шайбу и тут же вратарь хозяев Зубарев в течение одной минуты пропустил ещё две штуки. Наш же страж ворот Володя Минеев в матче откровенно скучал и мёрз. Побеспокоили его несколько раз издалека и вся работа, хоть за пивом в буфет беги. А на главного тренера московской команды Анатолия Кострюкова жалко было смотреть. Сейчас бы ему оченьгодились его воспитанники Михайлов, Мишаков, Зимин и вратарь Пашков. Но судьба некоторых специалистов так складывается, что они находят и раскрывают хоккейные таланты, а другие тренеры этими талантами выигрывают чемпионаты мира, олимпийские игры и чемпионаты страны. Скоро Кострюков поедет в Челябинск, где откроет миру Сергея Макарова, Сергея Старикова, Сергея Мыльников и выиграет с Трактором третье место, а московский «Локомотив» навсегда отправится на запасной путь.

— Не слышу от тебя внятного ответа. — Насел на меня наш грозный наставник.

— Михалыч, тебя, что за муха укусила? — Удивился я настырности главного тренера. — Здесь что, во дворце ЦСКА летают какие-то специальные двукрылые насекомые? Не велика честь забивать аутсайдеру. Уже 0: 7, зачем тебе мой хет-трик?

— А гонка бомбардиров? — Всеволод Михалыч, не обращая внимания, что совсем рядом нагло рубятся в преферанс, сверлил глазами одного меня. — У Викулова 27 шайб плюс 6 передач, а у тебя пока всего 26 плюс 11!

— Так это, по системе гол плюс пас у Ивана же больше, — заступился за меня Боря Александров.

— А меня передачи не интересуют! — Вспылил на ровном месте главный тренер. — Ты мне шайбу давай! Шайбу!

— Вся Америка в страшном смятенье, Эйзенхауэр бредит войной, — тихо пробормотал я.

— Что ты сказал? — Навис надо мной Бобров.

— Я говорю настырный ты, Михалыч, как блок НАТО, тебя в дверь, а ты в окно, — махнул я рукой, не на шутку заведясь. — Сейчас выхожу, одну «банку» забрасываю, а дальше пусть Доброхотов играет, молодым везде у нас дорога, старикам до пенсии б дожить.

— Что? Я — НАТО? — Вскрикнул Всеволод Михалыч.

— Иван сказал, раз вы сказали — надо, то значит надо, — опять вступился за меня «Мальш», произнеся букву «дэ», как «тэ».

* * *

— Чего это они так забегали? — Спросил Константин Локтев соседа справа, когда побежали последние двадцать минут в матче. — Игра ведь уже сделана.

— Это специально, чтобы наш ЦСКА запугать, — пробурчал седовласый сосед. — Разницу забитых и пропущенных шайб хотят улучшить. Вы с этим «Торпедо» на рожон не лезьте, сыграйте осторожно от обороны. И главное бейте Тафгая исподтишка.

— Вот все знают, как страной управлять, как в футбол играть, и как в хоккей тренировать, — не выдержал Локтев нравоучений от неизвестного человека.

А в это время здоровяк Иван Тафгаев на высокой скорости влетел в зону атаки, с кистей бросил по воротам, а когда вратарь москвичей шайбу отбил, то этот настырный № 30 рванул на добивание. При этом по пути к воротам он растолкал двух защитников московского «Локомотива» и, яростно работая клюшкой, зло впихнул черный резиновый диск в сетку. Немногие болельщики горьковской команды редкими аплодисментами вяло поприветствовали очередную шайбу «Торпедо».

«0: 8, — записал в маленькую книжечку Локтев. — Свою третью шайбу в игре забросил № 30 Тафгаев, затолкав её с пятачка. Как его будем сдерживать?» — Последнее предложение Константин Борисович дважды подчеркнул.

* * *

Жил в гостинице «Советской» несоветский человек, — так пел в своей пародийной песне на дешёвые детективы Владимир Высоцкий, который, между прочим, сам бывал и в

этой гостинице, и в этом дорогом элитном ресторане, где мы этим вечером после матча собрались. Вообще-то это увеселительное заведение, которое ещё при «проклятом» царизме называли «Яр», располагалось на Ленинградском проспекте в шаговой доступности от дворца спорта ЦСКА и неофициально считалось армейским. Однако в гардеробе, узнав наши горьковские хоккейные лица, очень уважительно с нами поздоровался работающий здесь отставной генерал дядя Саша. Как мне рассказывал Валера Харламов, у дяди Саши всегда можно было одолжить денег под залог часов или ещё чего-нибудь ценного, то есть мужик он был «в доску свой».

— Победу отмечаете? — Усмехнулся дядя Саша. — Кстати, «Динамо» сегодня в Челябинске проиграло «Трактору» 6: 5. За первое место теперь бьются только наш ЦСКА и вы.

— «Трактор» на своём поле соперник серьёзный, — хмыкнул я.

— А как в эти минуты ваш ЦСКА в «Лужниках» играет с Ленинградом? — Поинтересовался с деловым видом Коля Свистухин.

— После первого периода 2: 0, наши ведут, — засиял словно начищенный самовар гардеробщик. — Может тоже после победы сюда пожалуют.

— Я бы на это не надеялся. — Сказал я и сдал свое пальто. — Раньше 12-го января ни Харламова, ни Петрова, ни Михайлова вы здесь точно не увидите. И то, если ЦСКА на обыграет.

— Сплюнь три раза, — пробурчал Боря Александров. — Ждите своих в гости не раньше конца января, если их Тарасов вообще куда-нибудь отпустит.

— Самонадеянная у вас команда, — вновь криво усмехнулся дядя Саша, принимая наши вещи. — А почему вас только шестеро? Как-никак десять безответных шайб «Локомотиву» набросали, могли бы собраться и всей командой?

— Жмоты, — махнул рукой Коля Свистухин.

Справедливости ради надо оговориться, что в ресторан хотели пойти многие. Но, во-первых, после новогодних праздников почти все поиздержались, а во-вторых, например защитники Куликов и Фёдоров решили копить деньги для зарубежной поездки. И план пара защитников составила следующий. В Горьком они приобретают красную икру, в Швеции или в Финляндии её продают, а сюда везут джинсы и болоньевые плащи, как у актёра Аллен Делона. Всё бы ничего, если только знать, где купить икру у нас и где её продать там. Но в целом идею ребят я одобрил, и даже сам пообещал поучаствовать.

Поэтому в ресторане наша небольшая компания уместилась за одним прямоугольным столиком. Лицом к сцене расположились: я, Боря Александров и Володя Астафьев, спиной к месту, где настраивался дать музыкальное представление какой-то ансамбль, уселись: Коля Свистухин, Серёжа Мошкарлов и Слава Ушмаков.

— Три защитника и три нападающих, — хохотнул Свистухин, изучая меню.

В отличие от Николая я без всякого меню заказал кофе, молочный коктейль и фруктовую нарезку, а дальше решил поглядеть — как пойдёт. Я вообще поехал в ресторан лишь по просьбе главного тренера Севы Боброва. Очень уж его беспокоили три наших игрока обороны: Мошкарлов, Ушмаков и Астафьев. Особенно последний. Володя Астафьев являлся седьмым, запасным защитником сборной команды страны, и потерять его по глупости накануне Олимпиады не хотелось. Я же со своей стороны пообещал Всеволоду Михалычу, что если понадобится пригляжу и стукну. На вопрос главного тренера: «Кому?», я ответил: «Тому, кто больше этого заслужит».

И хоть спустя полчаса, веселье протекало мирно и спокойно, я всё равно был начеку, так как за соседними столиками веселье било через край. Там отмечали удачную торговлю цветами гости с жаркого юга, они толкали длинные и витиеватые кавказские тосты и звонко чокались бокалами с красным вином. Музыканты на сцене начали программу с лёгких инструментальных композиций, чтобы народ успел побольше «принять на грудь», а уже потом, швыряя деньгами, полез бы заказывать зарубежные и отечественные хиты. Я же заказал себе ещё кофе.

— Красиво здесь, — шепнул Боря Александров. — Лепнина, свечи, люстра, как во дворце у царя.

— Царь, Боря, плохо кончил. Не помогла ему лепнина. — Я встал из-за стола. — Пригляди здесь за мужиками, я в гардероб, узнаю, как там ЦСКА играет с армейцами Ленинграда. У дяди Саши в гардеробе телевизор стоит. Надеюсь, за десять минут тут ничего не случится.

Однако ровно через десять минут — случилось. Когда Блинов у ЦСКА забросил пятую шайбу и за шесть минут до конца встречи счёт стал 5: 2 в пользу москвичей, прибежал взволнованный Александров, который к слову сегодня сделал в игре дубль, и тяжело вздохнув, тихо шепнул мне на ухо:

— Иван, в туалете наших бьют.

— Вот, все говорят, что зря Тарасов разбил тройку Михайлов, Петров и Харламов, — улыбнулся дядя Саша. — А ведь Михайлов, Петров и Блинов сегодня всю игру сделали. Нет, Анатолий Владимирович специалист высочайшего уровня. У него чутьё на игроков есть.

— Понял тебя, дядя Саша, — я посмотрел на пританцовывающего от нетерпения встревоженного «Мальша». — При встрече Анатолию Владимировичу твои слова обязательно передам. Пойду я станцюю рок-н-ролл.

— Отдыхайте ребятки, — усмехнулся отставной генерал и добавил, — пока молодые.

«Отдыхайте! Отдохнёшь тут, не успел отвернуться, а уже кого-то бьют», — подумал я, прибавив шаг за бегущим трусцой к туалету юным гением прорыва. По пути Боря сообщил, что бьют по непонятной причине Свистухина, а остальные наши «гаврики» куда-то ушли курить и искать их — нет времени. На дверях в укромное, но очень важное для точек общепита заведение стоял, словно часовой на посту, гражданин из жаркого юга.

— Там всё занято дорогой, — кисло улыбнулся он.

— Ничего, я по-маленькому. — В следующее мгновение дверь в туалет я открыл вместе с ненужным в данное непростое время «постовым». — Коля ты где? — Крикнул я, раздавая удары налево и направо. — Свист отзовись! — Я опрокинул ещё двоих, пытаюсь разобраться, кто здесь свой, а кто чужой, и есть ли тут вообще свои.

— Ты Тофика Беримова знаешь? — Зачем-то спросил один южанин, который этим именем меня либо хотел остановить, либо напугать.

— Знаю! — Ляпнул я, при этом хлопнув по физиономии. — Кому ещё добавки? — Я как тигр крутанулся на месте.

— Зачем добавки, давай разговаривать, — наконец-то согласился один из товарищей южан, с невысокой, но квадратной фигурой. — Он к моей женщине приставать.

Из-за одной кабинки вышел Свистухин, глаз его был подбит, губа распухла, новый выходной костюм значительно помят, рубаха порвана.

— Что за женщина? Жена? Сестра? Мать? — Решил я уточнить кое-что в этом странном деле.

— Зачем так говоришь? — Обиделся мужчина. — Просто хороший женщина.

Я открыл кран с холодной водой и сунул под неё свои разбитые костяшки. По кулакам мгновенно расползся живительный холод.

— Теперь инцидент исчерпан? — Зло сквозь зубы спросил я.

— Иван, они мне рубашку порвали, — пожаловался Николай.

— Я тебе попозже ещё кое-что оборву, — шикнул я. — Топай в зал.

Свистухин немного помялся на месте и угрюмо вышел из туалета.

— «Малыш» встань в дверях и никого не выпускай, — скомандовал я Боре Александрову, который тоже немного помахался, судя по внешнему виду. — Итак, граждане с жаркого юга. — Я закрыл кран с холодной водой и обвел торговцев одним тяжёлым взглядом исподлобья. — Вижу, гуляете на широкую ногу, значит коммерция, там цветы купил, тут привез, продал — процветает.

— Зачем так говоришь? Мы в гости приехать, — соврал обиженный Свистухиным товарищ.

— Ага, мавзолей посмотреть, посетить Большой театр, Третьяковскую галерею, — я вновь стал разминать костяшки, громко пощёлкивая ими. — Обидели вы меня товарищи торговцы. Не по-нашему это, не по-советски говорить неправду. За это дело при отце народа сами знаете, что было.

— Сейчас время другой, — насупился один из южан, который пугал меня Тофиком Беримовым.

— Правильно сказал, берите пример с вашего товарища, — я ткнул пальцем в мужчину. — Время сейчас другое, и время — это деньги. Гоните тысячу рублей и инцидент будем считать исчерпанным. Да я на лекарства больше потрачу, — я показал огромные разбитые кулаки.

— Зачем так говоришь? — Уже не так радужно пробормотал обиженный Свистухиным торговец цветами.

— Мужчины не тяните время, а то там всех ваших женщин разберут, — усмехнулся Боря Александров. — Неужели опять драться полезете? Сами должны понимать, не маленькие, что драка — это некрасиво.

— Да, товарищи, — поддакнул я. — За все глупости в этой жизни нужно платить.

Понедельник 10 января. До матча с ЦСКА два дня, а мысли о чём угодно, только не с хоккеем. Прямо во время тренировки в лужниковском дворце «Кристалл» пришлось решать сложную математическую задачу в уме. Имеется 1000 советских рублей, которые передали в фонд сохранения мира во всём Мире вежливые торговцы цветами из южных республик. Жестяная банка красной икры весом 125 граммов на чёрном рынке стоит примерно 10 рублей. И таких банок в качестве сувениров советская таможня пропускает не больше 5-ти килограмм в одни руки. Вопрос сколько долларов в Стокгольме можно выручить при курсе шведской кроны пять к одному, если за такую банку скупые, но честные шведские купцы дают примерно всего 40 крон?

— Тафгаев не о том думаешь! — Дунул в свисток Сева Бобров, когда я опять растянулся на льду. — Куда бежишь? Куда пасуешь?

— Всё правильно Всеволод Михалыч, — согласился я. — Какой смысл менять крону на доллары, если потом всё равно платить кронами? Дурак, исправлюсь! — Козырнул я и снова побежал в атаку.

«Значит так, 40 банок сувениров везу я, Александров и вратарь Минеев, — думал я, автоматически толкаясь на пяточке. — Это значит, мы должны потратить 1200 рублей на их приобретение здесь, а у нас всего 1000, вопрос, где взять остальную сумму?».

— Иван ты сегодня тренироваться будешь или как? — Психанул Боря Александров, когда я вовремя не открылся на дальней штанге.

— Подожди «Мальш», Тафгай думать будет, — отмахнулся я. — А ты давай в защиту отработывай, сейчас я ещё кое-что умножу и разделю. А хорошо вчера в ресторан ходили.

— Чё хорошего, мне все пуговицы вчера на пиджаке оторвали, — смахнул пот со лба Александров и полетел в защиту, так как с меня «взятки гладки».

Уже в раздевалке после душа ко мне в голову пришла ещё одна гениальная идея.

— Сейчас после обеда, — шепнул я «Мальшу», — поедем на репетиционную базу ансамбля «Лейся, песня». Я знаю, где ребята репетируют, сам их туда отвозил. Понимаешь для чего?

— Нет, — зло бросил Александров, потому с таким разгромным счётом мы ещё никогда не проигрывали в тренировочной двусторонке.

— Хорошая гитара у нас стоит от двух с половиной до трёх тысяч, — подмигнул я. — Ты осознаёшь теперь, сколько у нас на брата получается? Примерно по две восемьсот.

— Сколько? — Присвистнул Борис и почесал затылок. — В самом деле, хорошо вчера в ресторан ходили.

— Но я вам эти деньги не отдам, они нам для Японии пригодятся. — Обломал я мечты своего юного друга на новые заграничные шмотки. — И триста наших общих долларов тоже конфискую.

— Грабёж, — прошептал он.

— Всё пустим в дело там, в стране восходящего солнца. — Я показал рукой в сторону наших душевых кабинок, из которых вышел всем довольный Володя Минеев с баннным полотенцем, завязанным вокруг талии. — Минею пока ничего не говорим, сюрприз будет.

В небольшой скромный ДК на Варшавском шоссе, где по моим прикидкам должны были разучивать новые хиты и репетировать со старым материалом Коля, Толя и ансамбль «Лейся, песня», мы с Александровым приехали примерно около четырёх часов дня. Однако пробежавшись по всем этажам, я пришёл к неутешительному выводу, что ребята либо на гастролях, либо пока ещё спят. Ибо тяжела и неказиста жизнь советского артиста.

— Пошли в буфет, что-то я по новой проголодался, — пробубнил я. — И вообще я, когда ем, лучше соображаю.

— Правильно, ты давай соображай лучше, а то привезём в Союз твои электрогитары, а нам за них вместо денег впают статью за спекуляцию, — тяжело вздохнул Борис. — Может ну его, этот бизнес, лучше купим себе шикарные джинсовые костюмы, подарки родным и близким. Я Алёнке косметику обещал.

— Да, — протянул я. — Во всех сферах тотальный дефицит, и при этом существует статья за спекуляцию. Это какие же «гении» управляют там всем наверху? Не понимают элементарных вещей — ты либо решай проблему с дефицитом, либо отменяй статью за спекуляцию. Фантастическая у нас страна.

— Широка страна моя родная, — пропел, подражая оперному певцу мой юный друг.

В буфете вместе с нами в небольшое помещение набились пионеры с авиамodelьного кружка. Что характерно пить чай, заедая его пирожками, юные авиаконструкторы заявили со своими крылатыми моделями. Лично мне некоторые авиамodelи напомнили турецкий беспилотник «Байрактар». И я даже стал кумекать, как такую идею продвинуть в вооружённые силы Варшавского блока и ещё срубить за это бабла. Но как не крути, выходило, что такой этажеркой без соответствующей электронной начинки только гусей в огороде пугать. А с электроникой в стране победившего неизвестно кого социализма дело обстояло ту же некуда. Вот с чугуном был полный порядок и с плавками стали тоже.

— Поехали обратно в «Юность», — толкнул меня в плечо Борис. — Давай записку в дверь репетиционной комнаты воткнём и всё.

— Да, вся интеллектуальная мощь государства ушла в плавки, — неожиданно для себя я вслух продолжил свою мысль. — Записку? Давай ещё полчаса посидим, сок томатный будешь? Я угощаю.

Внезапно в буфет заглянул продюсер Миша Плоткин. Одет он был в дорогую дублёнку, а на голове у него сидела большая рыжая меховая шапка. Пионеры очень удачно потянулись обратно к своим напильникам, лобзикам и наждачной бумаге. Неожиданной встрече со мной Плоткин почему-то не удивился.

— Здравствуй Иван! — Обрадовался продюсер. — Принёс новую песню? Вот и правильно, нам со дня на день нужно первую собственную пластинку записать, и как раз одной вещицы не хватает. Цена за песню прежняя?

— С учётом инфляции двести рублей, — пробурчал я, пытаясь на ходу какую-нибудь популярную песню вспомнить. — И ещё имеются три гитары фирмы «Gibson», возьмешь, не глядя на цену вопроса?

— Тысячи за две за инструмент можно, — почесал затылок Миша Плоткин. — Если конечно это фирма.

— Три, — выпалил мой юный друг. — Иначе отдадим со скидкой вашим прямым конкурентам, чтоб они больше концертов дали. Кто там у нас сейчас в лидерах? — Спросил Боря меня.

— «Поющие гитары», — еле сдерживая улыбку, ответил я.

— Самое главное в таких серьезных финансовых вопросах не нервничать и не поддаваться панике. — Тяжело вздохнул Плоткин, уже, наверное, прикидывая, где взять финансы на высококачественные инструменты. — А ты, Иван, пока я кое-куда позвоню, слова песни приготовь. Тексты у тебя мировые, актуальные, поэтому заплачу двести двадцать сразу. Хрен с ней с грабительской инфляцией.

И пока продюсер убежал кое-куда звонить, я подошёл к окну и уставился на унылый белый пейзаж. «Малыш», уже привыкший к тому, как я сочиняют, тихо взял себе томатный сок и принялся ждать нового песенного шедевра. А за окном дворник в нелепой драной шапке деревянной лопатой чистил пешеходную дорожку, что-то бубня себе под нос. «Смешно, — подумал я. — А вдруг этот дворник, какой-нибудь Венечка Ерофеев, который сочиняет прямо сейчас свою поэму «Москва — Петушки», а я жалкий плагиатчик, который тырит хиты из будущего. Но ведь ничего страшного для человечества в глобальном плане не произойдёт, если люди услышат хорошие песни гораздо раньше, чем их напишут другие. Поэтому чего зря терзаться?».

— Иван, гони песню, — раздался голос за моей спиной.

— Значит песня такая, — я посмотрел по сторонам, — нужна ручка и лист бумаги. И главное чтобы ручка писала хорошо, а не через точку и тире.

— Вот тебе ручка, вот тебе блокнот, — Миша Плоткин за пару секунд всё организовал. сразу видно — хороший продюсер.

— Ну, Ваня не подведи, — брякнул из-за столика Александров и уставился на меня.

— Не могу писать в блокнот, — я раздражённо вернул продюсеру его исчерканный ежедневник. — Мне нужен лист... нормальный. Стоп! — Гаркнул резко я и продолжил уже в стихотворной форме:

Листья желтые над городом кружатся,
С тихим шорохом нам под ноги ложатся,
И от осени не спрятаться, не скрыться,
Листья желтые, скажите, что вам снится...

— А музыка? — Заёрзал от нетерпения на стуле продюсер Миша, аккуратно пряча во внутренний карман пиджака свой блокнот, в который я записал и простенькие куплеты, и припев новой старой песни.

— Музыка Раймонда Паулса, — отмахнулся я от мелкой и пустяковой проблемы. — Я эту вещь слышал по радио, там что-то пели на латышском языке. Поэтому ритм нужно взять более ритмичный и молодёжный, более танцевальный и хоккейный. Мамаша, пойдёмте в закрома!

— Я должен гитары осмотреть лично, — пискнул Плоткин, когда пришло время отсчитывать денежки.

— 25-го января, когда из Швеции прилетим сразу же и завезём, — улыбнулся мой юный друг. — Фирма всякой ерунды не вяжет.

* * *

После тренировки во вторник 11 января Всеволод Бобров неожиданно попросил, чтобы

я съездил с ним к нему домой и помог отодвинуть или наоборот придвинуть какой-то шкаф. Я тактично намекнул на службу быта, на так называемое передвижное «Бюро добрых услуг», которое могло по нужному адресу приехать, и пока один работники двигали бы шкаф, другие отремонтировали бы розетки, а третьи сделали бы ещё хорошую причёску. Но главный тренер сказал, чтоб я слишком не умничал, дескать, это мне не к лицу, и усаживался в его персональную московскую «Волгу». Борю Александрова, который сунулся было следом, Всеволод Михалыч не взял.

— Пошептаться или поговорить? — Спросил я главного тренера, пока он выруливал на Ленинградский проспект, что вел к его элитному «генеральскому» дому.

— Посоветоваться хочу, — пробурчал Сева Бобров. — На Олимпиаду в Саппоро в заявке должно быть двадцать человек, а на товарищеские матчи в Финляндию и в Швецию двадцать два. Кого брать железно, а кого ещё проверить в играх с сильным соперником? Я имею в виду шведов, которые сам знаешь, недавно дважды обыграли вторую очень приличную по составу сборную СССР. Не нравится мне их новый главный тренер.

— Хамло? — Спросил я. — Так давай я с ним как бы случайно в туалет выйду покурить. Я конечно не Макаренко, но тоже кое-что в воспитании понимаю.

— Скажешь тоже, — покосился на мой разбитый кулак в недавней драке Всеволод Михалыч. — Тренера шведской сборной зовут Билли Харрис. Бывший игрок НХЛ, где в составе «Торонто... эээ... Лифс» три раза выигрывал кубок Стэнли.

— Ясно, поставил канадец шведам жесткий заокеанский стиль и все задумки Чернышёва и Тарасова пошли прахом. — Хмыкнул я. — Кстати, на Олимпиаде как раз против шведов и сыграли вничью. В том будущем, конечно.

На кухне у главного тренера под хороший бразильский кофеёк я сначала внимательно выслушал, какой состав сборной видит сам, наш хоккейный «генералиссимус». По вратарям выходило без вопросов и изменений: первый номер команды — Коноваленко, запасной — Минеев. По защитникам: первая пара Васильев — Гусев, вторая Фёдоров — Куликов, третья Паладьев — Ляпкин, и седьмой запасной защитник — Астафьев.

— Брать ещё кого из игроков обороны на товарищеские игры или нет? — Сева Бобров ткнул пальцем в предварительный список. — Честно признаюсь — не знаю.

— Эти парни знают твои требования, знают стиль нашей игры, — отмахнулся я. — Нам этих «семеро смелых» — за глаза. Поехали по нападающим, мне ещё шкаф твой двигать.

— Нападающие, — очень грустно и тяжело вздохнул Сева Бобров. — Первая тройка Александров — Тафгаев — Мальцев, вторая Михайлов — Петров — Харламов, третья Шалимов — Свистухин — Саша Якушев. Нужно ещё двух запасных. Одного я думаю взять центрального нападающего Сашу Федотова, а на фланг Володю Викулова. Он сейчас один из лучших бомбардиров, надо брать. Иначе народ нас не поймёт.

— Прекрасный выбор, — я встал и пожал руку главному тренеру. — А в чём ты, Михалыч, сомневаешься?

— Петров и Михайлов до сих пор не извинились, — вновь тяжело вздохнул он.

— Если не извинились, то поступим так, — я почесал свой огромный лоб. — Вторая тройка нападения теперь будет такой: Викулов, Федотов и Харламов. А в запас возьмём Володю Шадрина и Женю Зими́на из «Спартака».

— «Спартак» сейчас играет не очень, — задумался на несколько секунд Сева Бобров. — Давай вместо Шадрина возьмём динамовского ветерана Володю Юрзинова. Так будет лучше.

«Лучшее — враг хорошего, — подумал я и, согласившись с нашим наставником, кивнул головой. — Ничего завтра с Петровым и Михайловым на игре поговорю тет-а-тет. Врежу пару раз, об борт размажу, быстро прибегут извиняться».

— Толково придумано, Всеволод Михалыч, — я ещё раз пожал руку главному тренеру. — Показывай, какой шкаф уронить, то есть сдвинуть?

— Завтра на игре с ЦСКА покажу, кого двигать, а кого ронять, — хитро улыбнулся «конспиратор» Бобров.

Заслуженный мастер спорта по большому теннису, а так же заслуженный артист РСФСР Николай Николаевич Озеров к первому в этом 1972 году своему телевизионному репортажу готовился с особой тщательностью. Он собрал всю доступную ему информацию о сегодняшних соперниках, разложил на дикторском столе составы московского ЦСКА и горьковского «Торпедо» и принялся прямо на них делать свои пометочки. Сначала Николай Николаевич выписал лучших бомбардиров, потому что когда на льду идёт смена составов, или случается какая иная игровая пауза всегда можно сказать несколько слов о самих хоккеистах. Сколько шайб они забросили, сколько результативных передач отдали и так далее. И у телекомментатора получилась прелюбопытная картина. В ЦСКА к двадцать четвёртому туру чемпионата, в котором многие команды провели разное количество игр, больше двадцати очков по системе «гол плюс пас» набрали: Харламов, Викулов, Петров, Блинов, Михайлов и Фирсов. А в «Торпедо» необычной для новичка результативностью выделялся только один загадочный нападающий Иван Тафгаев. Более того он в последней игре тонущему московскому «Локомотиву» забросил три шайбы, и ещё две передачи отдал, после чего вырвался на первое место в гонке бомбардиров.

«Тафгаев — 27+12, Харламов — 22+13, Викулов — 27+6 и Блинов — 19+8», — записал Николай Николаевич под составами играющих команд и выглянул из окна комментаторской кабины на лёд, где уже заканчивал делать заливку ледовый комбайн. Трибуны дворца спорта центрального стадиона имени Ленина сегодня были забиты под завязку, все 14 тысяч билетов разлетелись как горячие пирожки на морозе. Лишь одна правительственная ложа почему-то пустовала.

«Тафгаев № 30, — пробормотал про себя Николай Озеров. — Итак, что пишет о нём местная пресса? — комментатор вынул последний номер «Горьковского рабочего», где была большая статья про «Торпедо», про главного тренера Всеволода Боброва и их лучшего бомбардира Ивана Тафгаев. — Работал на автозаводе фрезеровщиком, участвовал в заводских спартакиадах и в свободное от работы время собирал почтовые марки и спичечные этикетки. — Прочитал он с удивлением. — Интересно, это он так на марках наловчился колошматить всех защитников чемпионата СССР? Что-то тут не то. «Не верю», — как бы сказал Станиславский», — засомневался в правдивости данной информации заслуженный артист РСФСР.

— Николай Николаевич! — В комментаторскую кабину забежал взъерошенный режиссёр спортивной трансляции. — Через пять минут выходим в прямой эфир на второй программе. У вас все готово?

— У меня всё под контролем. — Улыбнулся Озеров. — После трансляции нужно записать небольшое интервью для программы «Время» с нападающим «Торпедо» Иваном Тафгаевым. Оператора мне с техникой выделишь?

— Сделаем, — выдохнул режиссёр, — работать после новогодних праздников — морока! У одного зуб болит, у другого голова, а у третьего провода не контактят. Никакой дисциплины! Хорошо, что у вас всё под контролем. Лоботрясы! — Режиссёр погрозил кому-то в коридоре кулаком.

Странное дело никакого предстартового волнения лично я перед игрой не испытывал. Наоборот, во мне проснулся азарт первобытного охотника, который гонит свою жертву в ловушку, где её и прикончит, воткнув в горло своё копьё с каменным наконечником. И я даже представил, как зажарю этого «армейского кабанчика» на костре, а из шкуры дикого зверя моя женщина сошьёт тёплую и стильную накидку для меня. Впрочем, она может сделать себе и воротник для праздничного платья. Осталось дело за «малым» — загнать, убить и съесть.

Перед самым стартовым вбрасыванием я подмигнул своим «пионерам» Боре Александрову и Саше Скворцову, а так же хлопнул по плечу защитников Сашу Куликова и Володю Гордеева.

— Спокойно мужики, разделаем сегодня ЦСКА под орех. — Улыбнулся я и, кивнув на наших соперников, добавил. — На них же лица нет. Все нервы им Тарасов вынес, заперев базу. Ну, вы то чё скукожились?

— Волнительно, — пробормотал защитник Саша Куликов.

— Ничего, сейчас полегчает, — усмехнулся я и поехал на точку.

Против моей креативной пятёрки наставник ЦСКА бросил в бой сдерживающее звено, в центре которого вышел Евгений Мишаков. Игрок сильный, волевой, не боящийся ни боли, ни крови, ни жёсткого мужского хоккея. По краям же у ЦСКА вышли Волченков и Моисеев, а в защите пара игроков Лутченко и Ромишевский. «Будут вязать по рукам и ногам», — понял я простую задумку армейского тренерского штаба.

— Бей Тафгая! — Вдруг донёсся до меня высокий голос Анатолия Тарасова, который сам готов был броситься на площадку вместе со своим ЦСКА.

— Убью сука, — шепнул мне Мишаков, когда я выиграл стартовое вбрасывание.

В самые первые секунды закрутился немного хаотичный хоккей, посыпались нелепые ошибки и с нашей стороны и со стороны армейцев. Мишаков цеплял меня в центре площадки клюшкой, как крюком, не давая набрать скорость, и чего-то там бухтел про звездюли. И вдруг Боря Александров, получив шайбу по своему левому флангу обманул, опекающего его Волчкова и полетел в атаку, но немного не рассчитал скорость и защитник москвичей Ромишевский жестко встретил его у самого борта. «Малыш» ударившись о жёсткий деревянный борт, рухнул на лёд. Зрители на трибунах, которые буквально кожей ощущали предстоящую жестокую драку, тут же заорали и засвистели со своих мест.

— Ромик так его! — Похвалил защитника Тарасов, который метался словно лев вдоль бортика на своей скамейке запасных, около которой и произошло боестолкновение.

В моей голове мгновенно что-то переключилось, и пока Ромик копался с шайбой, я разогнался и влетел в защитника, словно пригородная электричка. Удар получился очень мощным. Ромишевский воткнулся в деревянное ограждение и повалился рядом с Борей Александровым. И только я оправился от своего же силового приёма, в меня на всех порах тут же врзался армеец Мишаков. Всё что я успел сделать, это немного наклонить корпус вперёд.

— Дави! — Заорали на трибунах заведённые до предела неверные зрители, когда Евгений Мишаков внезапно после столкновения неловко спиной грохнулся вниз, сказала разница в росте и весе.

А я? Что я? Тоже немного прилёг, но тут же вскочил, выцарапал шайбу, про которую все забыли и отпасовал на свободного Скворцова. Однако киевский судья Осипчук дунув в свисток, остановил игру. Боря Александров вскочил на ноги и сам на своих двоих покатил на

смену. А вот Ромишевскому и Мишакову помогли подняться партнеры. Первый больно ударился об борт, второй — получил повреждение после неудачного падения на лёд.

— Товарищ судья я требую удаления Тафгаева до конца матча! — Заревел Тарасов, не стесняясь того, что я стою здесь же рядом. — Это же бандит на льду! Он мне всех игроков переломает!

— Анатолий Владимирович, — ответил я в место судья. — Вы лучше напишите в Спортлото, так-то и так-то, Тафгаев жизни не даёт, требую выдать мне выигрышный билет на сумму 5 тысяч рублей. Вот тогда может и полегчает.

— Сука! — Коротко ответил мне хоккейный мэтр.

* * *

— Да, уважаемые товарищи телезрители, не простой нас ждёт сегодня поединок двух сильнейших команд чемпионата СССР. — Николай Озеров краем глаза кинул взгляд на трибуны, где зрители свистели, кричали и требовали «шайбы». — На табло третья минута матча, счёт не открыт, зато какая на льду идёт бескомпромиссная силовая борьба? Вот шайба у Викулова, он передает её Фирсову, и Анатолий Фирсов попадет в так называемую «коробочку», столкнувшись с защитником гостей Юрием Фёдоровым, к которому его привёз центрфорвард второй тройки нападения Александр Федотов. Какое неприятное падение. Видно, как Анатолию больно, но он мужественный спортсмен и сейчас продолжит игру. Вечер перестает быть томным. — Николай Озеров достал платок из внутреннего кармана и протёр лоб.

«Как бы драки команда на команду не случилось. Это же скандал», — подумал телекомментатор и, посмотрев на пустую ложу для первых лиц государства, мысленно перекрестился.

* * *

— Вы чего как с цепи сорвались? — Грозно глянул на нас Всеволод Михалыч. — Драться сюда приехали или в хоккей играть?

— Так они сами лезут, — пробубнил Коля Свистухин.

— Не, мужики, — сказал я со своего места на лавке. — Всё верно говорит Михалыч. Помахались чуть-чуть и хватит. Пора огорчить Владика Третьяка. Сейчас силовой игры минимум, а заброшенных шайб максимум. А если кому больно или страшно, путь в раздевалку открыт.

— Смена! — Скомандовал наш главнокомандующий Всеволод Бобров. — Давай Тафгаев иди сам и показывай пример.

— Точно, — поддакнул главному тренеру Свистухин. — А то толкать речи, мы все горазды.

После столкновения с Мишаковым на первой минуте матча, где Евгений получил какое-то повреждение в центр нападения ЦСКА против меня вышел играть Сергей Глазов. Признаться честно, никогда я про такого хоккеиста не слышал. А это означало, что от своей тактики сдерживать мою пятерку, во что бы то ни стало, наставник москвичей не отказался.

И как только судья из Киева Осипчук произвёл вбрасывание в средней зоне, а я отбросил шайбу своему защитнику, тут же получил чувствительный колющий удар клюшкой в бок. Сразу несколько идей пронеслось в моей голове, и все они касались немедленной и жестокой расправы. Но я, сжав зубы, побежал в атаку, тем более по правому краю ловко обыграв своего оппонента, уже пересёк центральную красную линию Саша Скворцов. Параллельным курсом слева ускорился Александров.

«Отличная позиция для «гопа со смыком», — подумал я и прибавил скорости. — Нас трое, а защитников всего два». Скворцов словно читая мои мысли войдя в зону атаки, резко ударил по тормозам, я же напротив полетел напролом между двух армейцев Лутченко и Ромишевского, уводя последнего за собой на левый край. «Малыш» на всех парах, улыбаясь во все свои ещё целые зубы, влетел в свободную и открытую пред армейским голкипером зону, получил своевременный пас от Скворцова и замахнулся. Третьяк, выкатившись далеко навстречу нашему юному гению прорыва, ринулся спасать команду. Но вместо убойного броска прямо в пузо вратарю москвичей, последовала хитрая передача на левую штангу, где уже дежурил я и висящий на моей спине защитник ЦСКА Ромишевский. Что мог сделать игрок армейской обороны, пока я забрасывал шайбу в пустые ворота? Ничего! Однако как только резиновый диск затрепетал в сетке, Ромишевский как бы случайно махнул клюшкой так, что она опустилось точно на предплечье моей левой руки. И вместо того, чтобы заорать со своими одноклубниками «гол», я зло прошептал Ромику:

— Этого я тебе никогда не забуду.

После чего я медленно покатил на смену.

— Вот! — Радовался на скамейке запасных Сева Бобров. — Все берите пример с Вани Тафгаева, его бьют, а он только крепчает! Молодец, вот теперь я тебя зауважал. — Похлопал меня по плечу главный тренер.

Я же усевшись на лавку, скрипнул зубами от злости и потребовал от врача команды срочную заморозку.

* * *

— Какой сегодня в лужниковском дворце спорта замечательный хоккей, — комментировал и улыбался Николай Озеров, так как после первых минут матча, когда игроки только и делали, что колотили друг друга, игра внезапно преобразилась. Сначала отличился любитель собирать почтовые марки Иван Тафгаев, затем размашистую и красивую комбинацию разыграла вторая пятёрка горьковского «Торпедо» и капитан команды Мишин сделал счёт 0: 2. И прямо сейчас блеснул индивидуальным мастерством молодой нападающий Борис Александров. Он обвёл троих армейцев, сильно и точно бросил, но Владислав Третьяк шайбу зафиксировал «намертво».

— Вбрасывание в зоне ЦСКА, — прокомментировал Николай Николаевич. — Нелегко сейчас приходится армейскому коллективу. До конца первого периода осталось пять минут, а вратарь горьковчан Виктор Коноваленко практически без работы. Итак, на поле появляются следующие сочетания игроков, у «Торпедо» — это пятёрка Свистухина, а у ЦСКА — Михайлов, Петров, Блинов и защитники: капитан команды Кузькин и Юрий Блохин. Судья в поле Осипчук произвёл вбрасывание, шайба вновь досталась горьковской команде. Как здорово на точке сегодня действуют подопечные Боброва. Мало ещё в нашем

хоккее уделяется внимание этому важнейшему компоненту игры, который сразу же позволяет захватить игровую инициативу. Вот и сейчас ЦСКА вынужден героически отбиваться. Передача в край на Смагина, бросок по воротам Третьяка, шайба отскакивает прямо на пятак... Какой опасный момент, лишь в последнюю секунду Виктор Кузькин отвёл угрозу, но атака ещё не закончена. Защитник «Торпедо» Мошкарёв остановил шайбу на синей линии, снова бросок по воротам и Николай Свистухин с лёту подправляет летящую навесом шайбу. Гол. Счёт 0: 3 и играть ещё четыре минуты в первом периоде. Вот что значит проигранное вбрасывание в своей зоне. Посмотрим, что предпримет теперь Анатолий Тарасов.

* * *

Непривычно, когда после заброшенной шайбы на трибунах такая тишина. Но сегодня здесь за нас болеют от силы человек двести, остальные тринадцать тысяч восемьсот за ЦСКА. Но это пустяки, в хоккее главное — счёт на табло, а так же зарплата, премиальные и крепкое здоровье.

— Красавчик Коля, — похлопал я Свистухина по плечу, который кое-чему от меня уже научился, и на вбрасывании уверенно действует и с лёту по шайбе иногда попадает.

— Сегодня ещё заброшу, — хмыкнул наглец Николай.

— Не надорвись, — ухмыльнулся Боря Александров, выезжая на лёд.

— Держи себя в руках Иван! — Окрикнул меня Всеволод Михалыч, когда я тоже покатил следом за юным гением прорыва.

А Анатолий Тарасов после третьей банки решился на первые изменения в составе. Против нас вышла новая пара защитников: Цыганков и Рагулин, который исподлобья сверлил меня взглядом. Так же в центр нападения вернулся Евгений Мишаков, возможно, повреждение оказалось не таким серьезными или как обычно Евгений вышел на морально-волевых. Но на чём бы Женя Мишаков не играл, шайбу после вбрасывания опять выиграл я, после чего откатился к своей синей линии.

Мы ещё на скамейке запасных договорились всей пятеркой, что разыграем комбинацию, при которой «Мальш» разгонится со своего левого фланга на правый и сам привезёт шайбу в зону ЦСКА. Поэтому я получил обратный пас от защитника Куликова и тут же ко мне прилип как «баный лист» Мишаков, прихватив меня клюшкой. Но скорость я уже набрал, и словно конь, запряжённый в сани, протащил Женю Мишакова вперёд и откинул шайбу не глядя себе за спину. И вроде комбинацию эту мы уже разыгрывали, но для той пятёрки, которая, по мнению Тарасова должна была сдерживать нас сегодня, маневр стал истинным откровением. Борис шайбу подхватил на высокой скорости легко ушёл от растерянного Волчкова, затем пересёк синюю линию армейцев, на замахе напугал Цыганкова, а сам как юркая мышка пронёсся дальше и, заложив крутой вираж, заехал за ворота Третьяка.

Хаос, который воцарился у армейцев в защите, где никто не понимал, кто кого должен держать я использовал на все сто. Во-первых, ещё раньше сбросил с плеч Женю Мишакова, я ему не лошадь ездая. Во-вторых, вовремя открылся по левому борту и получил передачу от «Мальша». Затем без раздумий последовал резкий и мощный прострел вдоль ворот. И Сашка Скворцов, про которого все уже давно позабыли, в касание ловко воткнул ещё одну шайбу в

сетку ворот Владислава Третьяка. Красный фонарь, что вспыхнул тут же, подвёл жирную черту под всеми напрасными страданиями сдерживающий пятёрки ЦСКА. Анатолий Тарасов, который всегда очень импульсивно реагировал на любое действие своих и чужих игроков, сейчас печально смотрел в одну известную только ему точку.

На первый перерыв, потирая шишки и ушибы мы шагали в раздевалку с легким сердцем, так как на электронном табло горели красивые и достойные цифры — 0: 4. Как вдруг меня окликнул знакомый голос, который принадлежал армейцу Саше Гусеву.

— Тафгай! — Повторил он, затем оглянулся, не видит ли его кто из его же команды, подошёл ко мне и пожал руку. — Мне от московского горисполкома ордер на квартиру дали. В конце января въезжаем. Спасибо тебе, что слово тогда за меня замолвил.

— Поздравляю, — улыбнулся я. — Чего тебя Тарасов на лавке маринует, горите же?

— Тарас сказал, что я в сборной потом наиграюсь, — грустно усмехнулся защитник.

— Кстати, про сборную. Передай Михайлову и Петрову, чтобы срочно после игры извинились перед Севой Бобровым. Иначе в Саппоро поедут другие за честь страны биться. Желающих, сам понимаешь, вагон и большая тележка. Давай, не унывай. — Я ещё раз пожал руку Саше Гусеву.

* * *

Вечером в среду 12-го января вся мужская часть семьи Варшавских, отец семейства Вячеслав Анатольевич и младший сын Игорь оккупировали в гостиной единственный общий телевизор марки «Рекорд-6». Мужчины как всегда сдвинули два кресла на середину комнаты и уставились в черно-белый экран, где мелькали хоккеисты в темной и светлой форме. Естественно разговора о том, чтобы переключить телевизор на первый канал, где сейчас шла премьера телеспектакля «Свободный час», супруга Ирина Игоревна даже и не заводила. Она взяла на кухню журнал про вязание, моток шерстяных ниток, спицы, крючки, и принялась разучивать новый для себя узор, отсчитывая, сколько петель нужно сделать в одну сторону, а сколько в другую.

Однако муж, каждый раз, когда любимое горьковское «Торпедо» забрасывало шайбу, так бурно радовался, выкрикивая «гол», победно вскидывая кулаки и бегая по комнате, что со счёта Ирина Игоревна сбилась уже четыре раза.

— Четыре ноль, четыре ноль, четыре ноль, — пропел муж, зайдя на кухню. — Ледовой бой ведет весёлая дружина... Ириночка, а давай по случаю скорой нашей победы выпьем кофейка?

— Слава у тебя же сердце, — недовольно пробормотала супруга, но всё же, достав из шкафчика кофейную турку, принялась готовить настоящий молотый кофе.

В прихожей хлопнула дверь и прямо с порога, не снимая пальто, в квартиру ворвалась старшая дочь Варвара.

— Какой счёт папа? — Выпалила она.

— Четыре ноль, всё хоккей, — улыбнулся отец семейства.

— С каких это пор тебя интересует этот спорт? — Удивилась мама Ирина Игоревна.

— Какой спорт? — Захохотал, заглянув на кухню, младший сын Игорь. — Наша Варька с хоккеистом Иваном Тафгаевым встречается. И мне все пацаны во дворе теперь завидуют.

— Правда? — Ещё сильнее удивилась Ирина Игоревна.

— Правда, правда, они уже один раз целовались, — сдал сестру с потрохами вредный парнишка, из-за чего получил от неё заслуженную затрещину. — Второй период начался! Быстрее!

— Интересное кино, — пробормотал отец семейства. — Может его нужно сначала пригласит в гости, познакомить с нами?

— Я уже большая, я институт закончила, разберусь, — обиженно бросила Варвара и побежала смотреть хоккей.

* * *

Первые секунды второй двадцатиминутки Николай Озеров напомнил для товарищей телезрителей составы играющих команд и постепенно перешёл к непосредственному хоккейному действию на ледовом поле.

— А вот и первые изменения в составе ЦСКА, — сказал он, когда на крупном плане заметил, что на ворота армейцев вышел играть другой вратарь. — Старший тренер Тарасов бросил в бой Николая Толстикова. Да, не сложился для Владислава Третьяка первый период. Но это спорт, в нём всегда есть место и победам, и поражениям. Нужно просто ещё больше тренироваться и верить в свои силы, и тогда удача обязательно придёт. Внимание, шайба у Валерия Харламова, какой великолепный дриблинг демонстрирует нам 17-ый номер ЦСКА. Однако и эта атака захлебнулась в вязкой и очень грамотной обороне, которую выстроил в «Торпедо» Всеволод Бобров. Кстати, не все восторженно встретили появления Всеволода Михайловича на тренерском мостике первой сборной СССР накануне Олимпиады в Саппоро. Но теперь уже с уверенностью можно сказать, что федерация хоккея поступила очень мудро. И команду у Боброва, что надо и сборная.

* * *

— Сука, — выругался я, усевшись на лавку после очередной смены. — У меня уже рука скоро отнимется, она ведь у меня не из легированной стали. Я ведь не киборг.

— Кто? — Почти одновременно спросили Александров и Скворцов.

— Терминатор, вот кто, — я потёр левое предплечье, по которому армейцы колотили словно сговорившись. — Ещё немного и держите меня семеро, если удержите.

* * *

В квартире Варшавских на второй период уже вся семья собралась у телевизора. Младшего сына отправили досматривать хоккей на диван, а его место в кресле занял старшая сестра Варвара. А мама Ирина Игоревна, решив лишь одним глазком взглянуть на предполагаемого будущего зятя, встала за креслом мужа.

— Какой Варя он у тебя большой, — пробормотала она. — Почти всех в телевизоре выше на голову.

— Мама он нормальный, — хмыкнула недовольно Варвара и впиалась глазами в экран,

где её парень боролся за шайбу, которую было плохо видно, с каким-то игроком в тёмной форме.

— Это же хоккей, а не шахматы, здесь нужен рост и ширина, — с видом знатока заметил отец. — Хороший парень, как из Москвы прилетит, приведи в гости, познакомимся.

— Обалдеть Варька выходит за Тафгая замуж! — Присвистнул с дивана младший бат Игорь. — Скажу пацанам, ведь не поверят.

— Дурак, — бросила ему старшая сестра.

Однако внезапно там, по ту сторону экрана, случилось настоящее ЧП. Ожесточённая битва перед воротами ЦСКА вдруг оборвалась, и на лёд рухнул коренастый игрок в тёмной форме, которая в оригинале почти наверняка была красной.

— Опасная игра высокоподнятой клюшкой. — Сказал диктор из телевизора голосом Николая Озерова. — Если у Евгения Мишакова пойдёт кровь, то это двойной малый штраф, четыре минуты в меньшинстве. Не прав в данном эпизоде оказался № 30 Иван Тафгаев.

— Да чё не прав-то?! — Вскрикнул Игорь. — Мишаков его всю игру клюшкой по рукам колотил, а тут Тафгай случайно вмазал и сразу четыре минуты. Пап ну, скажи!

— Ты уроки выучил? — Гаркнул отец. — Пока математику не покажешь, хоккей смотреть у меня не сидешь!

— Итак, сегодня с дивана смотрю, — пробубнил мальчишка и угрюмо прошёл в маленькую комнату, из которой, чуть-чуть приоткрыв дверь, он всё же продолжил смотреть интереснейший матч.

— Не нравится мне твой ухажёр Варвара, — пробубнил папа Вячеслава Анатольевич. — Глупо сыграл.

— Сколько можно повторять, я уже взрослая, — обиделась девушка.

* * *

— Гол, товарищи, это гол! — Вскрикнул Николай Озеров, когда после пушечного выстрела Геннадия Цыганкова первым на добивании оказался Анатолий Фирсов и размочил сухой счёт. — 1: 4. Но ещё много играть горьковскому «Торпедо» в меньшинстве. Да, двойной малый штраф — это не шутки, всю игру можно за эти четыре минуты перевернуть. Итак, Анатолий Тарасов не меняет отыгравший одну шайбу состав. Викулов, Фирсов, Харламов, Рагулин и Цыганков снова буду штурмовать ворота Виктора Коноваленко. Мало у него сегодня было работы и вот, пожалуйста, двойной малый штраф. У горьковчан защищаются Фёдоров, Куликов, Свистухин и Смагин. Шайба в средней зоне, Викулов передает её на Харламова, и Валерий спокойно врывается в зону атаки. Очень хорошо расставились армейские хоккеисты. Ведь заброшенная шайба всегда придает сил и уверенности. Резкий пас на Фирсова, бросок в касание и великолепно действует Коноваленко. Шайба вновь усилиями защитника «Торпедо» Куликова выброшена из зоны. Но надолго ли? ЦСКА откатывается в среднюю зону, чтобы не было вне игры и снова идёт в атаку. Викулов прорывается по краю, прострел на Харламова, но пас прерывает внезапно защитник Федоров, какой момент! Фирсов подхватывает шайбу, обманное движение и пас уже на пустые ворота. Гол, товарищи! Это гол. Владимир Викулов с передачи Фирсова делает счёт 2: 4. И вся игра ещё впереди. Дорого обошлась горьковскому «Торпедо» опасная игра клюшкой лидера их атак Ивана Тафгаева. И такое тоже случается в быстрой и

— Извините мужики, — это первое, что я сказал команде в раздевалке после окончания второго периода. — Сам не понимаю, как так махнулось.

— Да ладно, — стёр полотенцем пот с лица Коля Свистухин. — Сами плохо в меньшинстве сработали. Вот перед перерывом третью пропустили, это уже тревожно. — Николай посмотрел на капитана команды Алексея Мишина, который поскользнулся на своей синей линии и подарил шайбу Борису Михайлову, после чего Михайлов сократил отставание до минимума.

— И я тоже, хочу извиниться, — пророкотал Виктор Коноваленко. — Третья шайба была берущаяся, да и в первом эпизоде сыграл не верно. Исправлюсь.

— Я за свой косяк, расшибусь в лепёшку, но в третьем периоде отработаю, — хмуро бросил капитан команды Мишин. — Подсознательно расслабились вот и посыпались промахи. Нужно мужики собраться.

— Что грустим? — Вошёл в раздевалку с улыбкой на лице Всеволод Бобров. — Спокойно, мы играем за котов, за нами удача. Только раньше времени не отправьте меня в больницу, у меня ведь не два сердца, поэтому сыграйте от души и понадежнее. Я в вас верю.

Иногда бывает полезно в драке получить по «хлебалу», это ставит мозги на место, и помогает отыскать где-то в глубине своей потаённой души дополнительные силы на борьбу, главное, чтобы «хлебало» не треснуло. И у нас после «холодного душа» второго периода, когда мы получили три безответные шайбы от ЦСКА, и с мозгами всё стало нормально, и дополнительные силы нашлись.

— Нечего тут понимаешь выделываться, — тихо бубнил себе под нос, как старый дед, Коля Свистухин, когда моя пятёрка выехала на стартовое вбрасывание. — Мужики, покажите кто в доме хозяин! — Крикнул он нам вслед.

«Ясное дело кто хозяин — коты, — усмехнулся я про себя, встав на точку. — Шерсть везде разбрасают, все обои издерут и лежат довольные собой, нежатся». Напротив меня поставил клюшку на лед, не убиваемый Евгений Мишаков. Под правой скулой — фингал, над левым глазом пластырем заклеенная бровь, которую я же и разбил.

— Сейчас мы вас, б...ь, расхирачим, — прошипел он, проигрывая вбрасывание мне.

И как только шайба отлетела игрокам обороны моей пятёрки, я почти в ту же секунду двинул плечом в плечо Мишакова так, что тот от неожиданности пошатнулся и, откатившись на два метра, не успел зацепить меня клюшкой.

— Пас! Пас! — Гаркнул я защитнику Куликову. — Не спи Кулик!

Саша Куликов, видя, что я на свободном льду, тут же отдал под самую красную линию. Два защитника ЦСКА Цыганков и Рагулин, медленно откатываясь к своим воротам, пока не предпринимали никаких действий, ожидая, что буду делать я. Либо пойду сам, либо сыграю через край. Однако и Александров и Скворцов оказались плотно прикрыты, поэтому простейший план созрел в голове сам собой. Я ломанулся прямо по центру. И когда уже Александр Палыч Рагулин готов был вцепиться в меня железной борцовской хваткой, я навесом бросил по воротам Николая Толстикова. И в то же мгновение с разгону воткнулся в Рагулина и, повалив его на лёд, бросился на ворота армейцев. Толстикова спокойно упал на шайбу всем телом, а главный судья свистнул вбрасывание в зоне ЦСКА.

— Нормально, — сказал я своим «пионерам», прикрыв крагой рот. — Сейчас вбрасывание берём, шайбу немного по зоне покатаем и, когда Кулик побежит помогать мне на пятак...

— Да знаю я, что делать, — отмахнулся Саша Скворцов. — Уйду на место защитника.

— Умные все стали, прямо оторопь берёт, — хмыкнул я и покатился на вбрасывание в правый круг.

Вот в чём сила игры на точке, инициатива всегда в твоих руках. Это как в шахматных задачах, белые начинают и дают мат в три хода. Кстати, именно сегодня мы играли в белых свитерах. Вот только до мата дело не дошло. Нет, вбрасывание в очередной раз я взял, и шайбу мы покатали в зоне атаки грамотно, и даже на решающий бой перед воротами Толстикова вышли, как задумывалось, но хоккей — это не шахматы. Шахматные фигуры друг друга колошматить не могут. И когда я пробился на удобную позицию на пятаке, а Куликов побежал мне на помощь, Рагулин словно медведь вцепился в мой свитер своими мощными «оглоблями».

— Удавлю, сука, — зашептал он мне на ухо, стараясь бросить на лёд.

И тут же пошёл навес на ворота, его сделал защитник Вова Гордеев, а я, падая вниз, так

как армейский богатырь меня всё же повалил, махнул клюшкой так, что шайба отрикошетила не в ворота, а на оставшегося одного Женю Мишакова. Мишаков конечно не растерялся и двинул её дальше в среднюю зону. И вот уже атака пошла на наши ворота.

— Б...ь! — Выругался я и, вскочив, бросился в защиту, догонять армейских нападающих Волчкова и Моисеева.

Благо нападающие ЦСКА «закопались» в средней зоне, так как одно дело — это не давать нам играть, а другое дело самим что-нибудь изобретать в атаке. С последним у тройки нападения Мишакова сегодня было туго. Поэтому один не удачный пас от Моисеева на того же Мишакова оказался банальным «обрезом», ведь эту шайбу перехватил я и в касание отдал на «Мальша».

Создалась классическая позиция три в два множество раз отрепетированная на тренировках. Александров, я и Скворцов впереди «на лихих конях», Цыганков и Рагулин «в окопах» перед нами в обороне. Что делать мы решили, не сговариваясь, так как в игре много не побазаришь. Боря Александров по левому краю пересёк синюю линию и, резко затормозив, выманил на себя Рагулина. Я же бросился через центр вперёд на тот же левый край, чтобы разыграть «Гоп со смыком». Но «Мальш», испугавшись армейского великана, слишком рано отдал поперечную передачу на вкатывающегося справа Сашку Скворцова и шайба полетела точно мне в коньки. Я же без раздумий, автоматически махнув клюшкой мимо шайбы и чуть-чуть подпрыгнув, пропустил резиновый диск дальше. Этот немудрёный финт сыграл с армейцами злую шутку. Второй защитник москвичей Цыганков и вратарь Толстиков, поверив на одну секунду, что шайба у меня, разом сдвинулись влево. А в это время Скворцов с пятнадцати метров с лёту бросил шайбу по пустым воротам с правого фланга атаки.

Вместо весёлого крика «гол» на трибунах раздался громкий мужской мат. И пока красный фонарь тревожно горел за воротами московского клуба, а киевский судья Осипчук, дунув в свисток, указывал рукой на центр, мы радовались на все двести процентов.

— Да, б...ь! Да, б...ь! — Орал Скворцов, который сегодня уже сделал дубль, и возможно проводил пока лучший матч в своей короткой карьере.

— Красавец, ты сука, Скворец! — Обнимал его Александров. — Красавец!

— Молодчики, «пионеры»! — Хлопал я их крагой сверху по плечам и хоккейным шлемам. — Будьте готовы, всегда, б...ь, готовы!

* * *

— Вот так уважаемые товарищи болельщики, быстро меняется игровая ситуация на ледовом поле, — скороговоркой выпалил Николай Озеров в дикторский микрофон. — Казалось бы, что подопечные Анатолия Тарасова во втором периоде уже переломили неудачный ход игры в свою пользу, как в третью двадцатиминутку горьковские хоккеисты вновь довели разницу в счёте да двух шайб и снова перехватили инициативу. Бесперывно идут атаки на ворота Николая Толстикова, который после первого периода заменил неудачно сыгравшего Владислава Третьяка. Интересно, какие слова нашёл для своей команды Всеволод Бобров в перерыве матча. Внимание, с шайбой № 11 Анатолий Фролов, обыгрывает одного игрока, входит в зону ЦСКА, и отдаёт обратный пас на защитника Астафьева. Мощнейший щелчок от синей линии! И бросившись под шайбу, очень

самоотверженно сыграл капитан москвичей Виктор Кузькин. Олимпийскому чемпиону Инсбрука и Гренобля в этом году уже исполнится тридцать два года, нелегко Виктору Григорьевичу, как и всем московским армейцам, даётся сегодняшняя битва двух лидеров чемпионата. Но нужно бороться, терпеть и верить в победу. Вбрасывание в зоне хозяев льда.

* * *

После пропущенной шайбы, и это почувствовал не только я, но и почти вся наша команда из ЦСКА как будто «выпустили пар». Мы как стадо диких бизонов полетели вперёд, а они прижались к воротам и даже не помышляли о контригре. Тренер москвичей Анатолий Тарасов грустно и обессиленно смотрел на то, что творится на льду, а армейские хоккеисты играли, словно по инерции, что-то важное в них надломилось, и улетучилась в неизвестном направлении вера в свои собственные силы. Но справедливости ради надо признать, один боец всё же остался — это Евгений Мишаков. Он единственный кто, покрикивал на всю армейскую команду и заставлял партнёров хотя бы избежать разгрома.

— Надо бы «Мишу» успокоить, — тихо сказал мне Боря Александров, когда мы своей пятёркой вышли на свою смену.

— Предлагаешь ударить больно, но аккуратно? — Усмехнулся я.

— Примерно как-то так, — пожал плечами «Мальш».

— Тогда сейчас в средней зоне отдашь пас не мне, а Мишакову в крюк, — сказал я и встал на точку.

Атаковать игрока, не владеющего шайбой — это против правил не только хоккейных, но и моральных. Что касается морали, то мы тут все не подарки, а что касается правил игры, то их, как и уголовный кодекс, нужно чтить хотя бы формально. Поэтому когда мы стали «плести кружева» в средней зоне, одну передачу, как бы случайно Боря Александров подарил Евгению Мишакову. Евгений опустив голову, простодушно потянулся за шайбой, а я, разогнавшись, в момент кода эта шайба легла ему на крюк, врезал. Метра три пролетел Олимпийский чемпион и чемпион мира надо льдом, возможно вспомнив за время, проведённое в воздухе, всю свою яркую хоккейную карьеру. Я тоже вспомнил, что у меня есть ребра, и этим ребрам иногда бывает очень больно.

Силовой приём на трибунах ожидаемо вызвал всплеск ненависти к моей скромной персоне. И выразилась она свистом и матом-перематом с мест. Но больше всех меня огорчил судья Осипчук, который взял и выписал две минуты штрафа.

— За что?! — Развел я руки в стороны.

— По совокупности, — пробормотал киевский рефери.

А Всеволод Михалыч Бобров недобро улыбаясь со скамейки запасных, показал мне кулак, как будто я кулаков никогда в жизни не видел. Пришлось катить в бокс для штрафников, в котором я сегодня постоянный клиент.

* * *

— Ты смотри Варька, что твой хулиган на льду вытворяет! — Вскрикнул Вячеслав Анатольевич Варшавский. — Мало ему четыре минуты в прошлый раз судья выписал, так он

ещё захотел. Чтоб ноги его в нашем доме не было!

— А может быть, Ивана довели до этого? — Возразила Варя. — Мама ну скажи ты ему!

— Слава, поверь моему женскому опыту, всё закончится сегодня хорошо, — пробормотала Ирина Игоревна, которая позабыв про вязание, оставленное на кухне, тоже присела около телевизора.

Для женщины неожиданно оказалось, что хоккей очень захватывающая и интригующая игра, особенно когда наши играют против не наших, когда ситуация в матче меняется со скоростью калейдоскопа, и когда наш вратарь отбивает, казалось бы, не берущиеся шайбы.

— Держи Виктор Сергеевич! Держи! — Закричал глава семейства, и Виктор Коноваленко поймал намертво шайбу, выпущенную в упор. — Минуту продержались. Молодцы! Трус не играет в хоккей!

* * *

Когда одна бригада меньшинства героически отстояла наши ворота. Сева Бобров, ненадолго задумался, кого теперь выпустить на лёд, так как я-то, специалист по игре в неравных составах, вне игры, точнее в боксе для штрафников.

— Михалыч, выпускай «Мальша»! — Крикнул я с места своего временного заключения.

Не знаю, услышал меня главный тренер или нет, но обороняться вышли: защитники Гордеев и Куликов, а так же центральный нападающий Свистухин и крайний форвард Борис Александров. При таком подавляющем преимуществе на точке, что имели мы в матче, такой рискованный ход напрашивался сам собой. Я встал с лавки, и следующие тяжелейшие секунды решил досматривать стоя. Судья Осипчук вбросил шайбу, Свистухин уверенно поборолся, а «Мальш» так же уверенно полетел на центральную красную линию.

— Давай! — Заорал я. — Гордей, мать твою!

И защитник Гордеев закинул шайбу точно на Борю Александрова. Враз вся наша и армейская скамейки запасных встали. Народ на трибунах яростно засвистел, а Борис красиво пронёсся половину хоккейной площадки и, ловко обманув голкипера хозяев Толстикова, забросил шестую шайбу в ворота.

— Ну «Мальшатино»! Ну, сукин сын! Ну, молодец! — Орал я, так как за десять минут до конца это уже была чистая победа.

* * *

— Вот так незаметно сегодня пролетели пятьдесят девять минут интереснейшей встречи, — сказал в микрофон Николай Озеров. — Счёт на табло 3: 7, и я хочу напомнить авторов заброшенных шайб. У ЦСКА отличились Фирсов, Викулов и Борис Михайлов. У гостей же отметились Тафгаев, дважды юный нападающий Скворцов, Николай Свистухин, Алексей Мишин, и после замечательной шайбы в меньшинстве от совсем молодого Бориса Александрова, с передачи Мишина седьмую шайбу забросил Александр Федотов. Откровенно не получилась игра у подопечных Анатолия Владимировича Тарасова в третьем периоде. Но в чемпионате СССР вся борьба ещё впереди. И уже 17 февраля сразу после Олимпиады в японском Саппоро состоится ещё одна встреча ЦСКА и «Торпедо» из города

Горький. Мне осталось лишь поблагодарить режиссера сегодняшней трансляции, хотя постойте... Постойте... С шайбой опять настырный Борис Александров, какой замечательный дриблинг демонстрирует он. Ещё один финт, ловкий уход от силового приёма, выход один на один, бросок и великолепная игра Николая Толстикова! Но действуя, словно таран первым на добивании оказывается Иван Тафгаев № 30. Вот теперь уже точно всё, гол. Счёт 3: 8, и до скорых встреч в эфире. До свидания, уважаемые товарищи телезрители.

* * *

— До свиданья, до свиданья, добрый вечер, — пропел Вячеслав Анатольевич Варшавский и, обведя победным взором всё своё семейство сказал. — Не плохой хоккеист твой ухажёр Варвара, можешь пригласить его в гости, не возражаю.

— Вот и отлично, а я, пирогов напеку, — добавила, улыбнувшись, Ирина Игоревна.

— А можно я завтра математику порешаю? — Заканючил младший сын Игорь, который два последних периода смотрел тайком из дверей маленькой комнаты.

— По такому случаю можно, — махнул рукой отец. — Но если схлопочешь пару, то не обижайся. Мой армейский ремень всегда к твоим услугам, ибо он есть самый настоящий ускоритель всех мыслительных процессов в голове. Ясно?

— Чё сразу ремень-то? — Обиженно шмыгнув носом, пробубнил Игорь и пошёл решать задачки по несносной математике.

* * *

После традиционного рукопожатия, где я напомнил Борису Михайлову и Володе Петрову, чтоб не забыли сейчас же извиниться перед Всеволодом Михайловичем, если конечно желание выиграть золото Олимпиады ещё не пропало, меня перехватил какой-то замороченный мужчина в модном кожаном пиджаке.

— Так, сюда, сюда, встаньте вот так, лицом к трибунам, то есть наоборот, лицом к хоккейной площадке, сейчас запишем интервью для программы время.

— А ничего, что я мокрый от пота? То есть потный с головы до пят? — Криво усмехнулся я.

— И на птицефабриках, и в коровниках уже наши телевизионщики работали, так что таким ароматом у нас никого не удивить, — отмахнулся телевизионный режиссёр. — Николай Николаевич, ну время же идёт! — Крикнул мужчина высокому и грузному телекомментатору Озерову, который не спеша спускался из дикторской кабины.

И пока режиссёр с комментатором о чём-то договаривались, мне прямо в шары направили большой квадратный фонарь. Я похлопал глазами старясь привыкнуть к такому необычному типу освещения и тяжело вздохнул. Наконец, Николай Озеров, взял в руки микрофон на длинном металлическом держателе, пожал мне руку, поблагодарив за игру, и сказал оператору, что он готов.

— Запись, — пробурчал недовольный дополнительной работой телевизионщик за здоровенной камерой.

— Первый вопрос, скажите Иван, как вы оцениваете сегодняшнюю игру? — Спросил Николай Николаевич.

— По моему субъективному мнению не всё получилось у нас в этом матче, как мы задумывали. Второй период провели из рук вон плохо, — ответил я. — Что не удивительно, ведь ЦСКА более чем достойный соперник. Многократный победил чемпионатов СССР и Кубка Европейских чемпионов. «Но и на старуху бывает проруха», — как сказала польская красавица Инга Зайонц в одном очень известном литературном произведении. Причём «дали прикурить» армейцам Москвы уже в третий раз. Поэтому с большим нетерпением ждём ЦСКА и персонально товарища Тарасова Анатолия Владимировича 17 февраля в гости. Шикарный приём гарантируем, за это я отвечаю. А специальный сувенирный совочек, чтоб проще было выгребать шайбы из ворот, изготовят и подарят дорогим московским гостям простые работники Автозавода «ГАЗ».

В этот момент мимо телевизионной группы как раз прошли игроки ЦСКА и Анатолий Тарасов, который был невероятно зол, правда, не понятно на кого, что-то нелитературное выказал очень тихо себе под нос.

— Тогда вопрос такой, — улыбнулся Николай Озеров. — Чем вы объясняете такой прогресс вашей заводской команды?

— Секрет очень прост, и я даже могу сформулировать его одним словом. Надо? — Спросил я комментатора, и когда он утвердительно кивнул, я ответил. — Этот секрет — Бобров, главный тренер нашей команды. Многое ему удалось изменить в тренировочном процессе, кое-кому мозги вернуть на место. А то некоторые мастера хоккея с шайбой и не только они, привыкли, чтоб за ними тренер бегал как воспитательница за детьми в детском саду. Сопли подтирал, на горшочек вовремя усаживал. И хоть наш хоккей официально считается любительским, отношение к нему у самих хоккеистов должно быть максимально профессиональным. А иначе, смотрите на табло и не жалуйтесь, что сегодня не залетело. Всё? — Выдохнул я.

— Да, резковато вы... Кхе. Тогда последний вопрос. — Задумался на секунду легендарный телекомментатор на все времена. — Насколько мне известно, вы до этого играли только на первенство завода, и это ваш первый сезон в высшей лиге. Как оцениваете уровень чемпионата СССР?

— Однозначно выше заводского, — усмехнулся я. — Но хочу заметить, у нас в Советском союзе любят очень много говорить о дружбе народов. Но почему-то высшая лига пока представляет собой открытый чемпионат города Москвы. Почему не создать в нашей огромной стране достойную и сильнейшую лигу в Мире, где будут играть команды из Риги, Минска, Киева, Усть-Каменогорска и крупнейших городов РСФСР. Не сегодня, завтра нам предстоят встречи с профессионалами из НХЛ, которые имеют многолетний опыт игры в плей-офф, а у нас крохотный круговой чемпионат. Как мы должны их тогда побеждать? Почему нам не сделать первенство страны наподобие заокеанской лиги, которая основана в 1917 году? Благодаря чему мы получим огромный массовый рост мастерства всех хоккеистов в СССР.

— Даже так? — Удивился Озеров. — Спасибо благодарю вас за интервью.

— И вам спасибо. Только вы на монтаже ненужное отрежьте, — пробубнил я.

В раздевалке, пока я общался с телевизионщиками остался лишь одинокий Всеволод Бобров, который надо полагать ждал Михайлова и Петрова с визитом вежливости. Остальные быстро по-солдатски приняв душ, убежали на ужин в гостиницу «Юность», так как после игры аппетит обычно просыпается зверский.

— Что, поросята, не пришли? — Не знаю для чего, ляпнул я, и принялся снимать и тут же складывать хоккейную амуницию в баул. — Тогда вторую тройку нападения составят Викулов, в центре наш Сашка Федотов и Валера Харламов слева. А на замену заявим центрфорварда из «Динамо» Володю Юрзинова и как ты смотришь на то, чтобы взять с собой Сашу Скворцова.

— Подумал уже об этом, — грустно кивнул Всеволод Михалыч. — Скворца пора брать. Его можно на любом фланге атаки использовать. Сегодня ещё ночью помозгую, а завтра утром пойду в Федерацию хоккея, а вы полетите в Горький без меня. Пусть немного Игорь Борисыч Чистовский вами «бродягами» покомандует.

— Генерал горьковских карьеров, — пробурчал я и, скинув с себя остатки одежды, побеждал в душевую кабинку. — Я начал жизнь в трущобах городских! И добрых слов я не слышал! — Заорал я.

Вода в самом главном дворце спорта страны, как бы это получше выразиться, была чуть-чуть тёпленькая. Может быть, для закалённых «моржей» и товарищей, попавших в медвытрезвитель, самое то, но для меня слишком некомфортная. Поэтому я решил домыться в гостинице после обеда и спустя минуту уже растирался полотенцем, пританцовывая на одной ноге.

— Скажи Иван, а ты чего от жизни хочешь? — Неожиданно спросил меня на очень серьёзную тему главный тренер.

— Добиться чего хочу? — Удивился я. — Много чего выиграть. Олимпиада — раз, чемпионат мира в Праге — двас, матчевая встреча с НХЛ — трис. Потом в 1974 году будет ещё серия с профессионалами из ВХА, а в 1976 году первый кубок Канады. Его нужно обязательно надо брать. Турнир знаковый. Далее Олимпиада в 1980 году в Лейк-Плэсиде — это, наверное, последний чемпионат для меня, если вообще до неё здоровья хватит. А потом пусть молодёжь выходит на первый план. — Я полностью оделся и посмотрел на часы, дальше ждать извинений от армейских нападающих не было смысла. Но я решил ещё немного потянуть время. — А после 80-го года, рванём в Испанию. Там мне можно будет играть до 1990 года легко. И обязательно нужно забрать с собой Харламова.

— А как же я? — Опешил от такого громадьа планов Сева Бобров.

— Хочешь, поехали с нами, будешь там, на солнышке греться и немного тренировать, — пожал плечами я. — Назовём команду «Рашен Старс», что в переводе означает «Русские старики» и будем брать все чемпионаты Испании подряд.

— Тогда нужно с собой захватить и Мальцева, они с Харламовым друзья и в защиту ещё кого-нибудь, — задумался о далёком будущем Всеволод Михалыч. — Подожди, а почему именно Харламова нужно взять с собой.

— Потому что у Валеры в Бильбао богатая родня. И ещё в 1981 году он погибнет в автокатастрофе, но это пока тайна, и «бабушка надвое сказала». Будущее ещё может измениться. Пошли Михалыч, — грустно сказал я, показав на часы, что время вышло.

— Да, — крикнул главный тренер и открыл дверь раздевалки.

А в коридоре, переминаясь с ноги на ногу, топтались с виноватым видом нападающие московского ЦСКА Борис Михайлов и Владимир Петров.

- Михалыч, ты нас извини, — пробормотал за себя и друга Михайлов.
- Проехали, — улыбнулся Сева Бобров.

Никогда бы не подумал, что по прилёте в Горький на следующий день 13 января сам, собственными ногами нажимая на педали автомобиля, буду искать встречи с шаманом Волковым. Дело в том, что левое предплечье, по которому мне настучали во время игры с ЦСКА, не на шутку разболелось ещё ночью. Утром в Горьком я сделал рентген и, слава советской медицине кости уцелели, но следующие десять дней врачи настоятельно рекомендовали воздержаться от хоккея. Однако перспектива пропустить домашнюю игру 15 января с «Химиком» из Воскресенска, а так же товарищеские матчи с Финляндией и Швецией накануне Олимпиады, меня откровенно говоря, пугали. Потерять игровой ритм и набранную спортивную форму было очень опасно, и для меня, и для сборной. Поэтому словно путник, тонущий в болоте негативных обстоятельств, я решил ухватиться за соломинку, за чудо, на которое способны либо Боги, либо пророки, либо безумные шаманы.

— Здоров, — протянул мне руку Волков, который оказался сегодня у себя дома в частном секторе на Монастырке. — А я тебя как раз ждал, что случилось? — Спросил он.

— Если ты меня ждал, — пожал я руку шаману, — то должен уже знать, что со мной произошло. Ушиб у меня неприятный, а через два дня игра.

— Проходи, — хитро улыбнулся народный целитель.

Мы вместе прошли в светлицу, самую большую комнату в доме, где пахло сегодня какими-то травами, не то мятой, не то подорожником, а ещё чесноком. Я снял пиджак, и закатал рукав рубашки на левой руке.

— Вот. — Показал я огромный синяк. — Болит, зараза.

— Н-да, — протянул Волков принюхиваясь к моей травме. — Хреново дело. Быстро не заживёт, десять дней минимум. — Сказал он то, что я знал и без запрещённого в стране шаманизма. — Но! — Целитель поднял указательный палец вверх и выдержал неуместную в таких случаях мхатовскую паузу. — Средство есть, правда запах отвратный и три дня придётся носить гипс на руке.

— То есть с «Химиком» — я не игрок? — Задал я скорее риторический вопрос. — Ладно, действуй шаман, стучи в бубен, шепчи заклинания. Даешь выздоровление за три дня! А с «Химиком» и без меня мужики разберутся. Воскресенск — это не «Спартак» и «Динамо».

— Сейчас воду подогрею и приступим. — Азартно хлопнул в ладоши шаман, который колдовать, наверное, любил от души. — Кстати, а почему с «Динамо» несколько дней назад сыграли вничью? — Спросил он уже из своей маленькой кухоньки.

— У кое-кого корона на голове отросла, повздорили, поспорили, вот и упустили победу, — ответил я, рассматривая икону с Христофором Псеглавцем. — Волков, слышь, а откуда у тебя икона такая странная?

— Это та? — Михаил Ефремович принёс с кухни, требуемые для гипсовой повязки ингредиенты, сам гипс в мешочке, марлю, воду в ковшике. — Наткнулся как-то в лесу на заброшенную и развалившуюся старообрядческую церковь. Как сейчас помню, дождь зарядил «стеной», вроде ещё недавно солнце светило. Я внутрь постройки и забежал, чтобы переждать. Вошёл осторожно в ризницу, ведь пол уже кое-где прогнил. Ну и само собой оступился, ногой провалился в тайник. А там этот киноцефал и был спрятан. — Шаман порылся в одном из своих сундуков и вытащил ещё один мешочек. — Нос закрой, —

скомандовал он, и из ковшика немного горячей воды плеснул в кружку, а затем высыпал в неё содержимое мешочка, какую-то перемолотую смесь, и размешал. — Ничего запах максимум два часа держится. Руку давай. Сейчас всё это дело поверх ушиба нанесу, а сверху закрою гипсовой повязкой. И старайся левую руку не нагружать.

— Значит икона, как бы сама тебя привела, позвала и сама тебе открылась? — Спросил я в нос, скорее для поддержания беседы.

— Выходит так, — Волков начал колдовать над моей рукой. — Случайно, ни с того ни с сего, даже кирпич на голову не приземлится. Вот ты, сам, задавал себе вопрос, почему тебе некто подарил второй шанс и переместил сюда в прошлое?

— Спрашивал, как не спрашивать, — признался я. — Мечта у меня в той жизни была сильнейшая — играть в хоккей на высоком уровне. Побеждать на Олимпиадах и чемпионатах мира, пробиться в НХЛ, кубок Стэнли взять. К девяностым годам из-за обрушения экономики победы в чемпионате России уже не котировались. Точнее тогда организовали МХЛ, лигу, в которую входили команды Казахстана, Латвии, Украины и Белоруссии. И много мастеров из бывшего СССР уехало кто куда. А я дурак с недолеченным коленом полетел искать удачу в США. Послушал одного шустрого агента, что он мне поможет зацепиться в АХЛ, а оттуда уже и до сильнейшей лиги мира рукой подать. Как итог год провел в «Уилинг Нэйлерз» в Хоккейной Лиге Атлантического Побережья, там меня и доломали окончательно. И вот судьба странным образом улыбнулась опять. И теперь я точно уверен для чего. Я, ну и ты тоже, мы с тобой участники странного эксперимента, в котором проиграется другой сценарий будущего.

Пока я молот языком шаман Волков очень точными и аккуратными движениями профессионально уложил гипсовую повязку на руку поверх странного зелья, и улыбнулся.

— Сейчас ещё чай попьём. — Целитель смахнул пот со лба.

Я же, решив что ритуал окончен, убрал пальцы правой руки, которыми зажимал нос и вдруг сильнейший запах, сравнимый с ядрёным куриным помётом или перетёртым хреном ударил словно ток по моему хорошему обонянию. Слезы градом хлынули из глаз, а дыхание сбилось на столько, что я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Я же говорил, нужно немного потерпеть, — засмеялся шаман. — Дыши, дыши! А теперь представь, чтобы было бы если ты продолжил играть с недолеченной рукой, как тогда в будущем с коленом? Ничему тебя жизнь не учит, торопыга.

Примерно минут через пятнадцать, за которые я несколько раз выбежал на мороз продышаться свежим воздухом, ядрёный дух постепенно улетучился, и стал не так чувствительно вонюч, а Волков разлив чай, продолжил беседу.

— Хорошо, что ты понял своё предназначение, — пробормотал он. — Я тоже уразумел. Я должен спасти СССР. — Отчеканил шаман отдельно каждое слово. — Правда, пока не знаю как, но я придумаю, время есть.

— Есть «Меллер», — тихо пробубнил я себе под нос. — А ты не думал, что СССР развалился потому, что он тупиковая ветвь развития человечества? Ну, вот смотри. Каких людей воспитывала, то есть воспитывает наша советская система? — Я отхлебнул уже остывшего чая и собрался с мыслями. — Когда в девяностых упростили правила выезда за рубеж, первое что бросилось нашим соотечественникам в глаза — это тамошние магазины, где товар лежит прямо у входа, а продавец, где-то там вдалеке даже не смотрит на покупателей. И никто ничего не ворует. А в Амстердаме на улицах велосипеды стоят целыми косяками без охраны. Ты можешь такое представить здесь и сейчас у нас в Горьком?

А сколько из турецких отелей наши туристы вывезли тапочек, полотенец, халатов и даже туалетной бумаги — не сосчитать.

— Ты хочешь сказать, что у нас в СССР массово воспитывают воров? — Зло зашипел Волков.

— Тащи с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость! Это не в 90-е сочинили. — Так же зло выпалил и я. — Воровство — это же смертный грех — жадность или алчность. Что сделали в первые годы советской власти «комбеды»? Отобрали у «кулаков» коней, коров, дома, самогонку, урожай, разделили это всё и пропили. А теперь представь такого «комбеда», который просто уверен, что имеет право хапать чужое, во главе огромной страны! Пошли дальше, а как у нас орут на всех митингах — что мы самые великие? А это развивает смертный грех — гордыню или спесь. Про смертный грех — зависть, тебе рассказать, из-за которого наша команда чуть не рассыпалась?

— Так не все же такие, — рука шамана сама собой потянулась за кухонным ножом.

— Ещё один смертный грех — гнев, — криво усмехнулся я. — Сам от него на хоккейном поле страдаю, но борюсь. Да, не все люди в СССР такие. Есть те, у которых мощный волевой стрежень внутри, и их никаким строем не согнуть. Вокруг будут воровать, смеяться над такими «тетерями», якобы они не умеют жить, а эти «белые вороны» будут поступать по совести.

— А твои иностранцы они что, все святые? — Волков тяжело задышал, сжав кулаки.

— Понимаешь, какое дело, — задумался я на секунду. — В капиталистических странах частная собственность считается неприкосновенной, а люди, у которых что-то своё есть за душой, не склонны к воровству и законопослушны. Плюс у них там работающих мужиков не раскулачивали в 17-ом году. В капиталистической стране работающий изобретательный хозяйственный мужик на вес золота. Хотя и там всяких личностей хватает.

— Да я тебе сейчас морду набью! — Ринулся на меня народный целитель, пользуясь тем, что у меня одна рука в гипсе.

* * *

К двум часам на тренировку во дворец спорта «Торпедо» я немного опоздал. С шаманом Волковым мы ещё много о чём поговорили, поспорили и чуть не подрались, но в конце я вынужден был признать, что хотя бы из-за отношения в СССР к подрастающему поколению, за него стоило бы побороться. И пообещав целителю посильную помощь в его нелегкой миссии, в деле спасения Советского союза, мы попрощались.

— Почему опоздал?! — Рывкнул Игорь Чистовский, который постепенно уже вживался в роль старшего тренера.

— В больнице врач задержал. — Я показал гипс на левом предплечье. — С «Химиком» 15-го теперь без меня.

— Иван, дождись конца тренировки, разговор есть! — Подъехал к бортику, где я беседовал со вторым тренером Саша Скворцов. — Меня тоже за сборную заявили!

— Работай, не филонить Скворец! — Хлопнул хоккеиста клюшкой пониже спины Чистовский. — Всеволод Михалыч позвонил перед занятием. — Пояснил он, когда Скворцов вернулся к отработке финтов и щелчков по воротам. — Он наших одиннадцать человек из девятнадцати заявил на товарищеские матчи с Финляндией и Швецией. Вон список, если

интересно. Кстати, а ты сам как теперь с этим? — Игорь Борисович кивнул на мой гипс.

— Врач сказал, через три дня можно снять. — Пробурчал я и посмотрел на заявленных в сборную СССР хоккеистов.

На листке бумаги корявым подчерком второго тренера Чистовского были написаны следующие фамилии: вратари Коноваленко и Минеев, защитники Фёдоров, Куликов, Астафьев и Гордеев, а так же нападающие Александров, Тафгаев, то есть я, Скворцов, Свистухин и Федотов. «Одиннадцать надежд, — усмехнулся я про себя. — Значит, от Лёши Мишина и Толи Фролова Бобров решил отказаться. И, следовательно, он дозаявил в сборную Володю Викулова, который прямо сейчас один из лучших бомбардиров чемпионата. Логично».

Я посмотрел на наручные часы, сегодня очень хотелось побывать ещё в одном месте, а именно в редакции газеты «Горьковский рабочий». Увидеть красавицу Варвару, пообщаться, может быть сходить с ней в ресторан. Ведь гипс для ресторана помехой стать не может.

— Иван, побазарить бы после «треньки»! — Окрикнул меня, проезжая мимо, ещё один дебютант сборной СССР защитник Вова Гордеев.

— Побазарим, — махнул рукой я, усаживаясь на скамейку запасных.

Обычно тренировочные занятия на следующий день после игры, либо вообще не проводятся, либо длятся не более тридцати или сорока минут. Но я и за полчаса успел прикимарить под резкие щелчки клюшкой об шайбу и звук коньков разрезающих искусственный лёд. Умотал меня шаман разговорами о судьбе Советского союза.

— Иван, — толкнул меня в плечо усевшийся рядом Боря Александров. — Тут народ хочет с тобой поговорить.

— О чём? — Пробормотал я, открыв глаза.

Вокруг меня сгрудились все игроки команды, которых внёс в заявку на товарищеские матчи со скандинавами Всеволод Бобров.

— Ясное дело о чем, — улыбнулся Коля Свистухин. — Мы что рыжие? Мы тоже хотим тут красную икру купить, там продать и обратно что-нибудь привезти, чтобы продать уже здесь, но дороже.

— Если по сорок банок на брата можно провезти с собой, — продолжил мысль нападающего вратарь Виктор Коноваленко, — то нам всем требуется четыреста сорок банок. Где брать будем товар? Я могу десять банок найти по знакомству, но не более.

— То есть я правильно понял, что остальные я должен родить, причём прямо сейчас? — Усмехнулся я. — Молодцы. Появилась проблема — сразу Ваня помощи. — На мою реплику хоккеисты недовольно загалдели. — Значит так! — Я поднял руку в гипсе, требуя тишины. — Я обещаю сегодня вечером кое с кем поговорить, а вы пообещайте сами тоже что-нибудь придумать. И завтра перед тренировкой пообщаемся уже более предметно.

— Вот за что я тебя Иван уважаю, — засмеялся Свистухин. — Так это за деловой подход. Чую — скоро будем в куражах!

— Если будешь в куражах, не спиши на виражах, — улыбнулся я. — Всё, тренировка окончена.

* * *

Вечер бурного и беспокойного дня я, как и планировал ранее, заканчивал в ресторане

автозаводского района «Волна». К сожалению, я сидел за столиком не в обществе красавицы Варвары, которая сегодня работала над новым материалом в газету, и которая пригласила меня завтра к её маме на пироги, а с Борей Александровым. На сцене местный ансамбль «Орфей» играл до боли знакомую мелодию из репертуара «Лейся, песни»:

Всё, что в жизни есть у меня, Всё, в чем радость каждого дня...

Народ весело отплясывал, а я нетерпеливо поглядывал на часы. До встречи с местным криминальным авторитетом Геннадием Заранко оставалась ещё минута. Ну а что я мог ещё придумать? 440 банок красной икры на дороге не валяются. Тут нужен был выход на «цеховиков», на бурный подпольный капиталистический бизнес в спокойном море неповоротливой плановой советской экономики.

— Ты мне главное знак дай, когда бить его нужно будет, — шепнул мне «Малыш», который зачем-то надел в ресторан свой фирменный джинсовый костюм. — Я хоть куртку джинсовую сниму. Жалко такую вещь рвать.

— Спокойно боец. — Хмыкнул я. — Пей минералку и дыши носом. Драться всегда нужно с умом, в нужном месте и в нужное время. Кстати, а вот и Заран. Пришёл минута в минуту, люблю пунктуальных людей.

К нашему столику подошёл короткостриженный парень, рост средний, плечи широкие, одет просто: пиджак, брюки, рубашка и галстук. Мы встали, пожали друг другу руки, и присели обратно.

— Водочки? — Спросил он.

— У нас спортивный режим, — ответил Борис, приподняв кувшин с минералкой.

— Здесь готовят хороший кофе, — предложил я. — А лучше давай сразу перейдём к делу. Время — деньги.

Я коротко обрисовал ситуацию, в общих чертах рассказал о простейшем бизнес-плане. Геннадий, не перебивая выслушал меня, одобрительно кивнул и спросил:

— Гитары здесь хочешь продавать?

— В Москве, у меня там есть кому, да и денег в столице больше. — Пояснил я.

— Правильно, — согласился он. — Нам бы сюда джинсы, плащи, дублёнки, пластинки и магнитофоны.

— Магнитофоны привезём после Японии, — добавил «Малыш». — В Стокгольме аппаратура дорогая, да и не такая хорошая.

— 440 банок красной икры, — медленно проговорил Заран, отхлёбывая маленькими глотками недавно сваренный кофе. — Нужно звонить в Астрахань. Вам на когда?

— 19-го января рано утром вылетаем из Москвы в Хельсинки, — ответил я. — А сегодня уже вечер 13-го. Вот и считай.

— За четыре дня машину пригнать можно, — усмехнулся криминальный авторитет. — Стоить удовольствие будет, с учётом моей доли и транспортных расходов — 12 рублей за банку.

— Я рассчитывал на девять, но ради дальнейшего сотрудничества согласен на десятку, — я протянул свою огромную ладонь для рукопожатия.

— Если только ради сотрудничества, — крикнул Заранко и пожал мою мускулистую руку. — Но ты подумай насчёт джинсов и всего остального.

— Джинсы и всё остальное, — пробормотал я. — Вот если бы сразу большую партию протащить через границу между Финляндией и Россией — это да. Но тут проводник нужен, чтобы по болотам провёл, да и на той стороне свой человек понадобится. А так возить

мелкими партиями — баловство. Нам кстати, за игры заплатят по 100 долларов каждому, значит, сможем привезти в Горький примерно сорок четыре джинсов либо двадцать два джинсовых костюма.

— Везите, всё возьму, — улыбнулся Заран.

* * *

— Иван, а хорошее ли мы дело затеяли? — Приставал уже в машине Боря Александров, когда возвращались на спортивную загородную базу. — Могут ведь посадить за спекуляцию?

— Давай на это посмотрим с другой стороны, — ответил я, нажимая на педаль газа. — Кому мы причиним вред тем, что там за рубежом продадим нашу икру? Никому. Нам только спасибо скажут. Теперь в Союзе, кому мы причиним вред, если продадим западный товар здесь? Опять никому. Государству нанесём ущерб? Для государства такой экспорт и импорт — это капля в море. А посадить могут, только в одном случае, если «зарываться» начнём, жадничать и обманывать. Вот, к примеру, иконы и другие шедевры искусства вывозить из страны — подло.

— А золото можно вывозить? — Борис поёрзал на переднем сиденье автомобиля. — Его там тоже же можно продать.

— Золото? — Я сам задумался. — Если золотое изделие — это не произведение искусства, например, золото скифов, то я думаю ничего страшного, если немного золотишка продадим там, не произойдёт. Главное знать меру. Но я бы с золотом связываться не стал и с драгоценными камнями тоже. А вот юбилейные рубли — это тема интересная, особенно если эти монеты двадцатых годов.

— Эх, скоро заживём! — Обрадовался открывшимся перспективам Александров. — Осталось только там купить, тут продать и не попасться.

— Запомни Боря, деньги — вещь полезная, нужная, но не главная. О хоккее нужно думать в первую очередь. Пройдёт лет тридцать или сорок, и сколько ты денег заработал, сколько потратил, никого уже волновать не будет. А победы наши, особенно если сможем одолеть сборную НХЛ в Суперсерии 1972 года, навсегда увековечат имена.

— Значит, бизнес бизнесом, а хоккей на первом месте? — Уже не так весело спросил «Мальш».

— Точно, — кивнул я, всматриваясь в лучи автомобильных фар, которые разрезали темноту за окнами автомобиля.

Глава 10

В пятницу 14 января накануне последней игры с Воскресенским «Химиком» перед паузой на Олимпиаду я метался по Горькому в поисках цветов и какого-нибудь презента для родителей Вари Варшавской. Не каждый день родители твоей девушки приглашают на пироги. Покупать банальный набор — цветы, конфеты и бутылочку вина мне не хотелось. Поэтому я решил соригинальничать, купить цветы, конфеты и книгу. Чахлые гвоздики мне удалось перехватить в ярмарочных рядах, что располагались перед очень красивым зданием из другой исторической эпохи, в котором сейчас поселился «Детский мир». А за книгой я заглянул в ЦУМ, ведь строительство «Дома книги» здесь неподалёку в шаговой доступности почему-то задерживалось. Не спешило городское горьковское начальство притворять планы партии и правительства в жизнь.

Книжный отдел в ЦУМе, надо сказать сразу, мое воображение не потряс. Чего надо нет, а чего не надо завались. Дюма, например, нет, ни отца и ни сына, а произведений Ленина целые штабеля. Или вот Артур Конан Дойл отсутствует, а каких-то неизвестных членов союза писателей целая полка. И как она их только выдерживает? Сразу видно, что полку в отличие от книг сделали на века.

— Чем интересуетесь молодой человек? — Обратил на меня внимание продавец пожилого возраста.

— Почитать что есть? — Пробурчал я, уже подумывая купить бутылку вина.

— Есть замечательная книга, — улыбнулся он, словно пытаясь прочесть мои мысли, — «Книга о вкусной и здоровой пище» издание 1965 года. Все читают, всем нравится.

— А это комедия или драма? — Решил съязвить я.

— Если для кулинарного рецепта продукты есть, то любовный роман, — совершенно серьезно ответил продавец. — А если с продуктами неувязка, то драма.

— Ясно, а если для рецепта нужны одни продукты, а в наличие имеются другие, то комедия и фарс, — закончил я логическую цепочку хитрого продавца. — Заверните одну штуку. Надеюсь, платить придётся как за одно произведение, а не за три сразу?

— Я бы взял как за три, но не имею права, — «добил» меня пожилой продавец.

* * *

В квартире Варшавских встретили меня доброжелательно. Проводили в гостиную, усадили на диван. Отец семейства сначала удивился, что я пришёл без этого самого, без магарыча, но ничего не сказал.

— Ух вы, как вы ЦСКА врезали, обалдеть! — Вскрикнул при встрече младший сын Варшавских Игорь.

— Да, — поддакнул сыну отец Вячеслав Анатольевич. — Прелюбопытная получается картина, вот смотрите — это свежий номер «Советского спорта». — Мужчина развернул газету и показал мне турнирную таблицу, которую я знал и без него:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Торпедо (Г.)	23	17	4	2	118 — 62	38
ЦСКА (М.)	22	16	3	3	137 — 78	35

Динамо (М.)	24	14	5	5	95 — 67	33
Спартак (М.)	22	10	2	10	74 — 73	22
Трактор (Чел.)	20	6	5	9	69 — 85	17
Химик (Вск.)	23	8	0	15	75 — 90	16
Крылья Советов (М.)	22	7	2	13	73 — 94	16
СКА (Лен.)	22	7	2	13	65 — 94	16
Локомотив (М.)	22	3	1	18	47 — 111	7

— «Спартак» — всё спёкся, — заявил старший Варшавский. — Ну, «Трактор» выше головы не прыгнет. «Химик»? Добавьте ему завтра и тоже всё, в отпуск. «Динамо» имеет на игру больше, а очков меньше, не сдюжит. Кишка тонка. И у Мальцева в этом году игра не идёт. Только ЦСКА на пятки наступают.

— Садитесь за стол. — В большую комнату вошла мама Варвары с пирогами на фарфоровой вазочке.

«Это значит, принимают меня по первому разряду, — усмехнулся про себя. — Хорошие у Варвары родители».

— Да папа, хватит с вашим хоккеем, — сказала немного раскрасневшаяся Варя в красивом светлых тонов элегантном платье по колено. Вроде как бы подчёркивая красоту ног, но в то же время её скрывающая.

— Ну, так вот! — Повысил голос Вячеслав Анатольевич. — Как вы сыграете с ЦСКА сразу после Олимпиады 17 февраля, такое место и займёте.

— Точно! Все пацаны только об этом и спорят. А как вы с ЦСКА сыграете? — Влез младшенький Игорь.

— Сложно сказать, — я еле-еле оторвал глаза от красавицы Варвары. — На Олимпиаде в Саппоро из нашего «Торпедо» будет участвовать половина состава, а из ЦСКА всего пятеро или четверо человек. Мы приедем уставшие, вымотанные морально и эмоционально, а армейцы Москвы будут все эти дни готовиться к главной битве чемпионата. Одна надежда на Анатолия Тарасова.

— Какая? — Хором спросили отец и сын Варшавские.

— Какая? — Улыбнулся я. — То, что Анатолий Владимирович сам накрутит психологически и замучает лишними тренировками всю свою команду. Ведь все нагрузки в спорте должны делаться с умом, а иначе начинают сыпаться травмы и нервные срывы. Сейчас на товарища Тарасова идёт большое психологическое давление. Одно дело уступить первенство «Спартаку» или «Динамо», а проиграть чемпионат небольшой автозаводской команде из Горького — это ЧП, сильнейший удар по имиджу. Вот он, скорее всего, гайки и закрутит.

— Значит, выгонят Тарасова из ЦСКА, — авторитетно заявил Игорь. — Им нас здесь дома не победить! Вместе сила! — Пропел паренёк.

— Давайте уже поедим, — вмешалась Ирина Игоревна. — Я и селедку под шубой приготовила, сейчас ещё курица дожариться. Не стесняйтесь.

— Может за знакомство по чуть-чуть? — Отец семейства из мебельной стенки вытащил бутылочку коньяка.

— У меня Ваня не пьёт, — гордо заявила Варвара.

— Спортивный режим, — пояснил я, взяв поочерёдно в правую руку и вилку и нож. И только сейчас вся семья обратила внимание, что у меня из-под пиджака выглядывает гипсовая повязка. Поэтому я сразу всех успокоил, — мелкое повреждение. Гипс нужен, чтоб

быстрее зажило.

— А с «Химиком»? — Опять хором спросили отец и сын.

— С «Химиком» мужики сладят и без меня. — Я подмигнул Игорю. — У нас молодёжь подрастает великолепная, вот пусть она и покажет, на что способна.

— Молодым везде у нас дорога, — тяжело вздохнул Вячеслав Анатольевич, — опять «Валидол» пить придётся. И когда же это закончится?

Я хотел было ответить, что никогда. Пока переживаешь за любимую команду «Валидол» всегда должен быть под рукой, но промолчал. Зачем человека зря расстраивать?

* * *

15 января на игру против команды из Воскресенска мне выделили два билета на лучшие места. Как всегда в этом сезоне во дворце спорта «Торпедо» был аншлаг. Кто ж знал, что на город с миллионным население стадиона на четыре с половиной тысячи будет не достаточно? И когда я ждал на ступеньках дворца Варю, меня каждые пятнадцать секунд кто-нибудь да и спрашивал: «Есть ли у меня лишний билетик?». Потом извинялись, узнавали и интересовались: «Почему я не играю?». Я же всем отвечал по-простому: «Лишних билетов нет. А не играю, потому что бандитские пули всего изрешетили меня».

«Теперь точно поползут слухи, что я один взял несколько особо опасных преступников голыми руками», — зло усмехнулся я про себя, когда моя ненаглядная, наконец-то, выпорхнув из машины такси, побежала мне навстречу.

— Несколько раз переписывала статью про наш Горьковский Дом моды, — призналась она, после того как мы поцеловались. — К примеру, стараются наши модельеры изобретают красивую вещь, а когда дело доходит до серийного производства им говорят, что делать такое не выгодно, дорого. И я всё понять не могу, почему изготавливать красивую дорогую вещь, которую гарантированно купят — не выгодно, а производить некрасивую и дешёвую, которую никто не возьмёт — выгодно? Получается, что в погоне за экономией, на выходе мы имеем одни убытки. Люди трудились, материал испорчен, товар гниёт на складах, зато план перевыполнен. Это же вредительство в государственных масштабах!

— А что сказал редактор? — Спросил я, пропуская девушку вперёд.

На контроле бдительные бабушки, завидев меня, улыбнулись и, не проверяя билетов, пустили внутрь.

— Редактор сказал, что писать о том, что товар гниёт на складах не надо, — грустным голосом ответила Варя. — Наша задача обозначить проблему, а решать её должен тот, кому это положено.

— Умная ты у меня, — я чмокнул девушку в щёчку. — Я тебе так скажу, если ты будешь настаивать на своём, статью всё равно не напечатают, только нервы истреплют. Поэтому поступай, как сказал редактор.

В это время в фойе дворца спорта моё внимание привлекла группа в человек триста. Все они как один были одеты в наши хоккейные оранжевые свитера, а их лидер — толстый парень бил колотушкой в большой барабан. Завидев меня с Варварой фанаты, а это были именно они, стали скандировать под барабанный ритм:

— Тафгай! Бум, бум, бум! Тафгай! Бум, бум, бум! Тафгай...

— Физкульт привет! — Крикнул я организованной группе шумных болельщиков.

— Так надо же что-то делать? — Вернула меня к своей проблемной статье Варя. — Может письмо написать в ЦК? — Она посмотрела на меня, как шаман Волков пару дней назад, как будто я имею ответы на все вопросы.

— То, что ты предлагаешь, — я тяжело вздохнул. — Это называется — внедрение рыночных механизмов регулирования экономики, то есть производить то, что пользуется спросом. А рыночная экономика у нас там, на загнивающем западе. Твоё письмо может потянуть, если обратят на него внимание, на статью 70, антисоветская агитация и пропаганда. Лишение свободы до семи лет.

— Что же всё-таки делать? — Спросила девушка, чуть не расплакавшись.

— Сейчас посмотрим хоккей, а потом я чего-нибудь придумаю, — соврал я. — Между прочим, у рыночной экономики тоже есть свои недостатки. Во всём нужна мера и в «плане» и в «рынке».

А когда минут через десять на ледовой площадке разгорелась нешуточная битва и Варвара, вцепившись в мою руку, громче всех кричала: «Шайбу! Шайбу!», она вдруг сама мне призналась:

— Не буду больше писать про экономику. Я теперь про хоккей писать начну. Выбрасывай шайбу из зоны! Выбрасывай шайбу к чёртовой матери!

— Выноси! — Галдели вокруг болельщики, потому что «Химик» в первом периоде неожиданно захватил игровую инициативу и наше «Торпедо» вынуждено было отбиваться.

«Да что они там все спят?» — зло подумал я, ёрзая от нетерпения на деревянном жёстком кресле. Сегодня необычайно мощно у гостей играли братья Сырцовы, Геннадий, Владимир и Александр. И именно Александр открыл счёт в матче. Владимир хороше поборолся в центре поля против нашего Саши Федотова, отдал на Гену, который пробежал по флангу и выложил шайбу точно на крюк брату Саше. Вратарь Володя Минеев, которого на игру выставил Всеволод Михалыч, выручив нас несколько раз на первых минутах, с убойной позиции шайбу от Александра Сырцова «не потащил». Народ на трибунах дружно засвистел, призывая тем самым собственную команду собраться.

И призыв своих болельщиков мои парни слышали. Отлично через минуту сыграла молодёжная тройка нападения: Александров, Доброхотов и Скворцов. Крайние нападающие «Малыш» и Скворец разыграли быструю двухходовочку и вывели на бросок Витю Доброхотова. И Виктор не подвёл, щёлкнул точно под перекладину.

— Гол! — Кричал я вместе с Варей и ещё с четырьмя с лишним тысяч человек.

— Спорт — это моё! — Радостно заявила Варвара. — Завтра напишу небольшую статью в газете об этой игре.

Однако не прошло и трёх минут, братья Сырцовы вновь вывели «Химик» вперёд. Дубль после передачи Владимира оформил Александр. И как только счёт на табло стал 1: 2, уже «Торпедо» кинулось на штурм ворот гостей.

— Шире! Шире, расставляйтесь в «позиционке»! — Гудел я. — Куда вы все к центру сползаете?!

— Спокойно, спокойно, — шептала мне моя девушка.

— Я спокоен! — ревел я. — Я совершенно спокоен! Куда ты щёлкаешь от синей линии лопушенция?! Тебя же блокируют, твою так!

Дело в том, что защитники, когда не идёт игра у нападающих иногда в эмоциональном запале сами «лезут спасти Родину», и начинают пулять со всех возможных позиций. И вот сейчас после выстрела Саши Куликова игрок гостей Александр Голиков заблокировав

бросок, сам бросился в контратаку. Он ушёл от силового приёма, которым хотел его остановить Вова Гордеев и выскочил один на один. К счастью Минеев был на высоте и шайбу отбил в угол площадки. И хорошо, что буквально тут же прозвучала сирена об окончании первого периода. «Две шайбы отыграть было бы гораздо сложнее», — подумал я и, поцеловав Варвару в щёчку, сказал:

— Я схожу с парнями пообщаюсь. У меня только левая рука в гипсе, а правая к воспитательной работе всегда готова.

— Только пообещай, что драться не будешь, — улыбнулась девушка.

— Клянусь нерушимым союзом Республик свободных, — пробурчал я.

А в раздевалке, как только я туда заглянул, тут же настала гробовая тишина.

— Что, не получается «забросать шапками» Воскресенск? — Зло прошипел я, пожав руку Всеволоду Михайловичу. — Одной ногой уже видите себя на льду японского Саппоро? Где одной рукой уже надели на себя олимпийские золотые медали? Так?

— Может, ты гипс снимешь? — Шепнул мне Сева Бобров. — Я тебя на всякий случай в протокол вписал.

— Зачем гипс снимать? — Ответил я громко. — Я и одной правой сейчас мозги кому надо вправлю. — Я показал огромный со сбитыми костяшками кулак.

— Иван, это не метод, — высказался со своего места Свистухин. — Мы же взрослые люди.

— Мы взрослые люди, но наши пелёнки висят на балконе ещё, — пробормотал я. — В атаке расставляться надо шире. Вошли в зону «Химика» покатали шайбу, покрутили там хороводы, наброс на ворота, подставление, мы же каждый день это отрабатываем на тренировке. Сейчас про границу забыли, про Олимпиаду тоже, встали, собрались и пошли.

— Правильно, — встал первым Николай пан Свистухин. — За котов!

— Вот именно за котов, я и постаю за вашими спинами во втором периоде. — Прорычал я. — Проконтролирую превращение команды неудачников, в команду чемпионов.

Второй двадцатиминутный отрезок парни начали с двойной самоотдачей. И даже шайбу забросили на двадцать пятой минуте, сравнив тем самым счёт, 2: 2. Отличился дальним броском от синей линии Юра Фёдоров. Но потом все атаки стали вязнуть в плотной обороне воскресенского «Химика».

— Хитрость бы, какую придумать, — тихо сказал Сева Бобров, когда мы стояли рядом за спинами наших хоккеистов. — Был бы ты сейчас на поле, мы без всяких выдумок шайбу бы затолкали.

— Ну да, ну да, — пробормотал я. — Михалыч, а где мои хоккейные шахматы? — Я прямо вздрогнул, когда родилась в голове отличная идея.

— Да вот у меня в кармане, — Всеволод Михалыч протянул мне пластиковую коробку, которую он вынул из кармана брюк. — Показывай что сочинил?

— Мы разыгрываем «Гоп со смыком», когда трое нападающих выкатываются на двоих защитников, так? — Спросил я, расставив фигурки хоккеистов на маленькой хоккейной коробке.

— Так, так, не тяни время, — поморщился главный тренер, кинув на табло, где часы показывали двадцать седьмую минут игры.

— А теперь смотри, что получится, если делать такую атаку пять на пять с ходу, в быстром нападении. — Я передвинул фигурки красного цвета. — Допустим, в зону атаки первым врывается крайний левый нападающий и резко тормозит. Центральный игрок

ускоряется на левую штангу, а крайний правый на правую штангу ворот соперника. Посмотри, что происходит с обороняющейся командой. — Я сдвинул хоккеистов черного цвета, и в центре зоны атаки образовалась пустая полость. — Вот сюда на чистый лёд вкатывается правый защитник и его никто не держит и не встречает. Делай, что хочешь.

— Что ж ты сразу-то не сказал, — пробормотал Сева Бобров и, схватив мои хоккейные шахматы, побежал рассказывать команде, как сегодня будем бить Воскресенск.

Не сразу нужная комбинация получилась в реальной игре. В реальности вообще всё гораздо сложнее, чем в теории. Но где-то с тридцатой минуты матча для наших дорогих гостей на льду наступил кошмар кошмарный. Первыми разыграли комбинацию с выводом на убойную позицию защитника мои «пионеры». Они, как и вся молодёжь, новшество впитали быстрее ветеранов. Боря Александров ворвался в зону атаки, Доброхотов убежал налево, Скворцов направо, а никем не прикрытый защитник Саша Куликов мощно бросил с десяти метров по воротам Виктора Афонина, 3: 2.

Далее ещё через смену «пионеры» разыграли комбинацию в зеркальном исполнении и уже по воротам «Химика» выстрелил наш левый защитник Володя Гордеев. Афонин шайбу сумел отбить, но первым на добивании оказался «Малыш» и счёт стал уже 4: 2. А под занавес второго периода подобную комбинацию изобразила пятёрка Федотова и шайбу забросил защитник Володя Астафьев, 5: 2. Публика на трибунах билась в экстазе. А хоккеисты на нашей скамейке запасных обливались потом, так как подобный розыгрыш требовал высоких скоростных действий от всей пятерки разом.

— Ладно, — сжалился над игроками Сева Бобров. — В третьем периоде будем ловить «Химик» на контратаках. Им теперь прятаться в защите — смысла нет.

— Да уж, чё мы одни-то туда и сюда носимся, пусть и Воскресенск тоже побеждает, — устало улыбнулся Коля Свистухин.

— А ты-то чего устал? — Удивился Бобров. — Ваша пятёрка ещё ничего сегодня не забросила. На вас игра от обороны не распространяется.

В перерыве я с чувством выполненного долга вернулся на трибуны к своей ненаглядной Варваре. Снова чмокнул её в щёчку и сказал:

— Где надо подкрутил, что не надо закрутил, вот и заработало.

— Мама права, — хмыкнула девушка. — Слишком ты у меня самонадеянный. Как бы жизнь не обломала.

— Спорить не буду, — улыбнулся я и приобнял Варю. — Сидеть ровно на пятой точке и киснуть — это не про меня. И к счастью, я перевоспитываться не желаю. А то жизнь пройдёт, и вспомнить будет нечего.

* * *

В воскресенье 16 января в наши личные громадные с Варварой планы вмешалось идиотское редакционное задание. Мою красавицу сослали в город Шахунья, чтобы написать о том, как обстоит дело с культурной жизнью трудящихся на местах. Варе нужно было пообщаться с местным фольклорным ансамблем, но мне от осознания, что подруга напишет о полезном для общества начинании, было не легче. Ведь ночью 17-го все сборники и я, в том числе, улетали уже в Москву для подготовки к товарищеским матчам с Финляндией и Швецией. А обратно мы возвращались только 27-го и то на один день.

По этой причине сегодня на базе собралась вся команда с жёнами, детьми и подружками. Начальник команды Иосиф Львович закупил для «сабантуя» мяса для шашлыка, сосисок, пива и несколько бутылок красного вина. Само собой алкогольные напитки предназначались лишь для тех хоккеистов, которые в сборную не пробились. Ведь для них начиналась длинная пауза в чемпионате, аж до 17-го февраля. А членам сборной команды могли себя порадовать минералкой, чаем, кофе, какао и молоком.

Я снял гипс, так как минуло трое шаманских суток, и к своему изумлению обнаружил, что ушиба на левом предплечье как не бывало. Врач команды Тамара Михайловна Йоффе, осмотрев руку, поцокала языком и прокомментировала медицинское чудо словами Антона Павловича Чехова:

— Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

— Ну, вот же есть, чего теперь? — Пробурчал я от себя.

— Само зажило, — отмахнулась Тамара Михайловна.

Боря Александров, который сегодня уже успел сгонять в город и купить «Советский спорт» каждому встречному хвастался статьёй про него любимого и показывал список лучших бомбардиров чемпионата. После вчерашней победы 8: 2 над «Химиком», где «Малыш» забросил две шайбы он вошёл в десятку лучших, сместив на одиннадцатое и десятое место московского динамовца Мотовилова и Александра Мартынюка из «Спартака», которые по системе «гол плюс пас» набрали 20 очков. У Александра сейчас было 22, столько же, как у Картаева из «Трактора» и Петрова из ЦСКА.

— Иван, ты чего не рад? — Подтолкнул меня в плечо «Малыш». — Ты посмотри на таблицу. У тебя 29+13, 42 очка! У Харламова 23+13, итого: 36 и у Викулова 29+6, 35. Остальные даже до 30-ти не добирают.

— Да я рад, просто планы на сегодня были другие. — Отмахнулся я, вспоминая, как вчера целовались в машине с Варварой и договорились сегодня перейти на следующую стадию близких отношений. — Что ещё пишет пресса?

— Про Всеволода Михайловича пишут. — Боря развернул газету. — Пишут, что новатор, экспериментатор, воспитывает в молодёжи, то есть в нас со Скворцом, победный дух. Не забывает Михалыч и про ветеранов. Пишут, что Сергеич под его руководством переживает вторую молодость. — «Малыш» кивнул на Виктора Коноваленко, который на улице лепил с дочкой снеговика. — Ну и надеются, что наша сборная под его руководством не уронит высокое знамя советского спорта.

Как раз в это время в столовую вошёл Сева Бобров. Он увидел в руках у Бори «Советский спорт», подошёл к нам и взял газету себе.

— В таблице пока всё нормально. Всё как я и предполагал, — пробормотал он, лишь бросив взгляд на первые три строчки:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Торпедо (Г.)	24	18	4	2	126 — 64	40
ЦСКА (М.)	23	17	3	3	143 — 80	37
Динамо (М.)	24	14	5	5	95 — 67	33

— Если с ЦСКА поступим, так же как и в Москве, то никто нас больше не догонит. А вот зачем едет на Олимпиаду в качестве наблюдателя Аркадий Иваныч Чернышёв, не совсем ясно. — Бобров вернул газетный номер «Мылышу» и добавил, — пошли Иван поможешь мне в комнате шкаф передвинуть. Ручка под него закатилась.

— Всеволод Михалыч, можно мы с ребятами по бутылочке? — Спросил наставника

Коля Свистухин.

— Только попробуйте! — Рывкнул недовольно Бобров, наверное, известие, что в Японию полетит его коллега по тренерскому цеху, зацепило нашего главного тренера за живое.

И когда мы остались наедине, якобы «двигать шкаф», Сева Бобров спросил:

— Что думаешь, зачем везут в Саппоро Чернышёва? Я Аркадия Иваныча уважаю, я с ним первую Олимпиаду в 1954 году для сборной СССР выиграл. Но что происходит? Кому ты перешёл дорогу? — Последние два вопроса Бобров задал громким шёпотом, в котором чувствовалась сильная обида.

— Фух, — я, тяжело вздохнув, присел на стул. — Насколько я знаю будущее, в истории мирового хоккея Суперсерия 1972 года назовут главным событием 20-го века, и выиграть её очень и очень почётно. И возможно тот, кому ты перешёл дорогу об этом знает или предполагает. Вот смотри, в том будущем, которого уже не будет, после Олимпиады в Саппоро убрали Тарасова и Чернышёва и назначили тебя на пост старшего тренера, чтобы что?

— Что? — Повторил мой вопрос тренер.

— Чтобы наша команда перед серией стала сильнее, правильно?

— Да, — утвердительно кивнул Бобров.

— А вдруг нет? — От неожиданной догадки я встал со стула. — Сняли победителей многих чемпионатов мира и Олимпиад и поставили тебя, чтобы ты серию канадским профессионалам гарантировано проиграл, — я поднял указательный палец вверх. — Но я-то вмешался в историю спорта раньше. И те, кому ты перешёл дорогу поняли, что сейчас сборная СССР как никогда сильна, и если тебя из сборной срочно не убрать, то НХЛ проиграет важнейшую серию двадцатого века. И получается неизвестный противник, опять хочет вернуть Чернышёва, причём уже без Тарасова, чтобы НХЛ победил сборную СССР.

— Ничего не понял, — признался Сева Бобров.

— Я тоже ещё не всё понял, но наш с тобой недоброжелатель — это фигура мощная и высокого международного полёта. Влипли мы с тобой, Михалыч, по «самое не балуй», — тяжело вздохнул я.

Рано утром 19 января командный автобус привёз нашу сборную СССР к зданию аэропорта «Шереметьево». А так как зимой светлеет поздно, то аэровокзал за счёт огромных панорамных окон светился как новогодняя ёлка. Вкупе с падающим с неба снегом, картина выглядела волшебной и празднично. Кстати и настроение у команды было соответствующим, ведь выезд за рубеж, на «загнивающий» запад — это очень существенная прибавка к зарплате. Я бы даже сказал, что более существенная, чем сам заработок хоккеиста. Проклятые джинсы, магнитофоны, пластинки, модные женские блузки, костюмы и прочие важные для быта безделушки, всё везли, словно челноки из девяностых, мастера клюшки и шайбы оттуда в страну вечного дефицита.

— Ну, где твои торговцы красной икрой? — Раздражённо спросил меня Коля Свистухин. — Нам через полчаса сдавать багаж и на посадку.

— Где, где? — Процедил я сквозь зубы. — Не суетись. — Я посмотрел на часы. — «Малыш» возьми две большие сумки и за мной. А ты Николай зайди в кафе, видишь, там надпись висит с большими квадратными иностранными буквами, попей лимонаду. Мы быстро.

— Вы куда? — Подбежал к нам взволнованный Сева Бобров, у которого почти все хоккеисты разбрелись по залу ожидания.

— До ветру, Михалыч, покурить, — я зачем-то похлопал себя по карманам. — Хочу вдохнуть перед вылетом на чужбину всеми лёгкими морозный воздух Родины родной. Ты смотри, что Валерка Васильев в буфете уже заказывает.

Я показал рукой на группу игроков «Динамо» и ЦСКА, которые громко гоготали у буфетной стойки, и пока Всеволод Михалыч отвлекся на них, рванул обратно на улицу к автомобильной стоянке. Икру должны были доставить на белой «Волге» с астраханскими номерами и цифрами 84-40, которая должна была встать в самый правый край, если смотреть на аэровокзал лицом. Поэтому, когда мы с Борей выбежали из дверей здания, то я для верности повернулся к входу лицом, и только после этого поспешил в нужном направлении.

В самом деле, времени до посадки оставалось немного, а банки с красной икрой, я хотел пересчитать. Ещё вчера, когда созванивался с Зараном, мне показалось странным, что товар немного задерживается, и привезут его к самому отлёту. Неужто у кое-кого появилось желание намухлевать? Этот номер не пройдёт, точнее, выйдет боком, или вообще закончится для граждан жуликов в больнице, после которой иногда просыпаются такие полезные для человека качества, как совесть и порядочность.

— Вот вы, где, — облегчённо выдохнул я, когда открыл дверь «Волги», что стояла на отшибе от машин таксистов и пассажирских автобусов. — Где товар? Я купец.

С пассажирского кресла ленивой встал и вышел плотненький широкоплечий, но не высокий товарищ в дефицитной дублёнке и оценивающе посмотрел на меня. Затем так же неторопливо, что мне захотелось дать ему пенделя, открыл багажник машины и, кивнув головой сказал:

— Вот в коробке. Считать-то будете?

— Нет, конечно, верю, — соврал я. — Боря сумки открой. — Попросил я друга и начал перекладывать из ящика в багажнике в нашу тару каждую баночку по отдельности,

пересчитывая их про себя.

— Да всё точно, как в аптеке, — ухмыльнулся крепыш. — Ровно четыреста сорок.

«Эта банка не с икрой! — вдруг проснулся голос в голове. — Точнее сказать не могу, но там точно не красная икра».

«Как интересно», — подумал я, откладывая эту банку из ящика на дно автомобильного багажника, а остальные так же продолжая брать по одной и складывать в свои две сумки.

А когда число таких странных банок увеличилось до сорока штук, крепыш в дефицитной дублёнке еле заметно занервничал. Однако, сделав морду кирпичом, потребовал:

— Я же говорю всё точно, всё как заказывали. Там у вас четыреста, и здесь сорок. За всё про все с вас четыре с половиной тысячи.

— Опаздываем уже, — забеспокоился Боря Александров. — Только ты дядя, что-то напутал, с нас на сто рублей меньше.

— А за бензин? — Усмехнулся крепыш. — Нам ещё обратно пиз...вать.

В следующее мгновение мой огромный кулак сверкнул, словно молния разрезающая воздух и опустился аккуратно в челюсть, чуть-чуть пониже кривой улыбочки гражданина жулика.

— Бум, — раздался чёткий и глухой шлепок, после чего тело мужчины с размаху грохнулось точно вдоль автомобиля и с закрытыми глазами притихло.

Я сделал несколько стремительных и больших шагов к водителю «Волги», который за всё время не высунулся на мороз ни разу, рывком открыл дверь и, схватив перепуганного парня за грудки, выволок того на снег.

— Слушаю! — Не громко рявкнул я, посмотрев по сторонам.

— Это он, он предложил заменить несколько банок красной икры на кабачковую, чтобы тут в Москве потом погулять, посидеть в ресторане. — Зачастил водитель. — Я не причём. Я предупреждал. Не бейте меня. Я эти сорок банок сейчас верну.

— Может штрафануть? — Усмехнулся Александров.

— Нельзя, — я всё же на всякий случай, отвесил хорошую оплеуху водителю. — Там доля для Зарана, пусть сами потом разбираются с этими двумя идиотами. Быстрее тащи банки, и так уже из-за вас опаздываем, сука. — Скомандовал я трясущемуся парню и добавил, — как только вернётесь домой, сам всё старшОму расскажешь. Ясно?

Чем клялся водитель «Волги» я уже не слушал, так как нужно было бежать в здание аэровокзала, пока Всеволода Михалыча «Кондратий не хватил». «Интересно, — думал я, неся одну почти тридцатикилограммовую сумку на плече. — Как эти два дурня, закатали в банку из-под красной икры икру кабачковую? Неверное ведь воспользовались готовыми обманками. И какой ерундой только не брезгуют некоторые люди ради копеечной экономии, при этом ставя свою бесценную репутацию под удар. Просто уму не постижима человеческая глупость».

* * *

В Хельсинки поселили нас можно сказать шикарно. Во-первых, в историческом центре города на проспекте Маннергейма в историческом же здании. Во-вторых, до всего рукой подать. До Ледового зала, домашней арены хоккейного клуба ХИФК, всего пятнадцать

минут пешком, до всяких театров и музеев ещё меньше, ну и до магазинов рукой подать. Единственное — сами номера на три звезды не больше, но чистенькие, аккуратненькие, две кровати, один шкаф, один стол и что очень важно маленький холодильник, в который мы тут же сложили банки с красной икрой. Не поскупилась наша Федерация хоккея в этот раз, а то могли бы забросить за город, чтобы там мы на сугробы из окон смотрели, которых и в СССР выше крыши.

После обеда в ресторане на первом этаже отеля, переводчик Виктор Алексеевич, дабы мы не разбежались по городу, взялся организовать наш досуг.

— Сейчас пять минут на переодевание и добро пожаловать на автобусную экскурсию! — Весело объявил он.

— Лично я на экскурсию не поеду, меня на автобусе укачивает, — заявил я, под изумлённые вытянутые лица товарищей по сборной страны. — И не уговаривайте. Я сам по окрестностям погуляю, воздухом подышу, посмотрю на волны Финского залива, которые бьются о берег крутой. Настроение у меня сегодня хорошее, я бы даже сказал поэтическое.

Всеволод Бобров выразительно прокашлялся, и было от чего, так как наш переводчик с честным, цепким и настороженным взглядом, был не совсем переводчиком, точнее владение английским языком только прилагалось к его красным корочкам, на которых под гербом Советного союза большими буквами было подписано «КГБ СССР». И все об этом знали, но усиленно делали вид, что это большая военная тайна. Кстати, переводчик со знанием английского сейчас в 1972 году в Финляндии — это пустая трата государственных средств, ибо бесполезен.

— Отрываетесь от коллектива! — Решил пошутить комитетчик.

— Вывод считаю не корректным. У меня наш коллектив всегда здесь, — я ударил кулаком себя в грудь, — в сердце. Так меня воспитала наша коммунистическая партия и весь советский народ. Желаю товарищи хоккеисты хорошей экскурсионной программы! — Помахал я ручкой хитро ухмыляющимся лицам парней.

— Стой! — Переводчик кэгэбэшник вырос на моём пути, словно самбист на татами. — То есть стойте! Не имеете право гулять по Хельсинки в одиночестве. Во избежание политической провокации я требую, чтоб вы взяли себе для компании ещё кого-нибудь.

Я лишь кинул вопросительный взгляд на главную команду страны, как желающими оказались почти все. Но первым вскочил с места Боря Александров. Его я, чтоб успокоилось сердце товарища из органов безопасности, в попутчики и взял. За мной тут же ещё кто-то попытался «соскочить» с экскурсии, но Виктор Алексеевич намекнув, что срыв культурной программы может кое-кому аукнуться в будущем, охоту бродить по холодным Хельсинским улицам отбил.

Кстати о погоде. Сегодняшний январский денёк в столице Финляндии выдался очень даже ничего. Многие местные жители ходили без шапок и вообще одеты были легко по-весеннему, как у нас обычно одеваются в марте. У меня же выбора особого в одежде не было, как купил одно пальто в Москве так его и носил до сих пор. Точно так же оделся и «Мальш», который на дублёнку ещё не накопил.

— Посмотри налево, посмотри направо. — Улыбнулся я, Боре и встречным, над чем-то смеющимся, финским девушкам. — Это называется проспект Маннергейма. Тот самый генерал, который «дал прикурить» самому товарищу Сталину.

— В смысле дал прикурить? — «Затупил» Александров, крутя по сторонам головой.

— Ну, Иосиф Виссарионович ведь трубку курил, — хмыкнул я. — Вот в 1939 году

Маннергейм ему несколько килограммов отборного табачку и прислал.

— Это он — молодец, хороший поступок, уважаю, — пробубнил Боря, разглядывая иностранных прохожих, главным образом акцентируя внимание на женском поле.

— Сейчас мы с тобой пройдем на Сенатскую площадь к Никольскому собору. — Я подтолкнул «Мальша», чтобы он не попал под проезжающую по улице машину. — Здесь всё рядом, десять минут и там.

— Сенат, Сенат, — пробормотал мой юный друг. — Кстати, а что такое — Сенат? Это где раньше сеном торговали?

— Вполне может быть, — согласился я. — Возможно на заре истории человечества в Сенате и торговали сеном, но потом там стали устраивать заседания органов управления. Навроде нашего съезда народных депутатов. А площадь соответственно оставили для благодарного народа, чтоб он там снаружи ожидал каким законам ему радоваться.

— А если... — Боря, чуть не свернул себе шею, глядя на пробежавших мимо девушек. — Ох, какие хорошенькие. А если народу законы не понравятся, тогда что?

— Тогда? — Я от неожиданности остановился на узеньком тротуаре, практически его перегордив, и задумался. — Ну, тогда обычно прямо на площади народу объясняли, что законы приняты для их же блага. Чтоб они побольше трудились и поменьше ели, и тем самым сохраняли своё тело в хорошей подтянутой и стройной форме.

— Как же они будут больше работать, если станут при этом меньше питаться? — Хмыкнул «Мальш». — Это же не совместимо с жизнью. Тут что ли твоя Сенатская площадь? — Спросил он, когда перед нами раскинулось открытое всем ветрам пространство с памятником русскому императору Александру второму в центре.

— Памятник нашему Александру второму Освободителю, — указал я рукой на скульптурную группу из четырёх фигур, над которой на постаменте возвышался сам император. — Он по совместительству ещё подрабатывал великим князем Финским, и кажется, ещё получал зарплату как царь Польский.

— Вот прощельга! — Присвистнул Борис. — Три оклада в месяц себе на ляжку откладывал! С наших мужиков, с финских и ещё с поляков три шкуры драл. Узурпатор! — «Мальш» погрозил Александру второму кулаком и заметил, — и поделом его местные чайки всего обгадили. Кстати, а чего мы сюда пришли?

— Идея у меня одна появилась ещё в самолёте, — я кивнул головой Борису, чтоб тот следовал за мной в сторону к лестнице, что вела к собору Святого Николая. — Хочу попробовать найти здесь русских эмигрантов. Они ведь всё равно стараются поддерживать отношения между собой, внутри диаспоры.

— Предатели Родины, — зло пробормотал он.

— Не суди, да не судим будешь, — махнул рукой я. — Разные бывают жизненные обстоятельства. Иногда Родину лучше любить издалека. Так вот, хочу им толкнуть нашу красную икру. Сдать её всю разом — им банки, а нам доллары или шведские кроны, и не таскаться с ней больше.

— Идея замечательная — согласился Борис. — Только, где этих русских среди местного народа найдешь?

— Попробую включить свою интуицию. — Признался я, поднявшись по лестнице, с которой открывался замечательный вид на Сенатскую площадь и окружающие её здания, построенные в едином колониальном стиле. — Этот собор почти копия нашего Исаакиевского собора в Ленинграде, кстати, тот тоже на Сенатской площади. Поэтому

русского человека сюда нет, нет, да и потянет. Пошли внутрь.

— Иван, — схватил меня за руку Боря Александров. — Я комсомолец, я в Бога не верю. Да и потом нас может, и не пустят.

— Всех пускают. Это же протестанты, там и икон-то нет. — Усмехнулся я.

Внутренне убранство собора, действительно было простым. Кругом белые стены с небольшой, но изящной лепниной, плюс по углам несколько памятников каким-то религиозным деятелям. В Восточной части располагался алтарь с единственной на весь собор картиной «Положение Христа во гроб», которую подарил Николай первый. И почти всё свободное пространство занимали деревянные кресла-скамейки для прихожан, чтобы они во время службы сидели. Именно на одну из скамеек мы с «Малышом» и присели. И в этот момент по собору пронеслись могучие звуки величественного органа, вместе с которыми у меня затрепетала и завибрировала каждая клеточка моего организма.

— Пронимает от макушки головы аж до самых пяточек, — шепнул мне юный друг. — Давай ищи быстрее кого надо да пошли, мне комсомольцу тут долго нельзя сидеть.

— Да, это тебе не балалайка, — так же тихо ответил я и стал медленно смотреть по сторонам.

«Эй, там, в голове, — мысленно я позвал голос. — Мне бы русского эмигранта раздобыть, сам должен понимать для чего. Подключайся уже, где он тут есть? Если он здесь вообще есть».

«Я на расстоянии ничего не чувствую, — откликнулся недовольно голос. — Походи по церкви, подсядь к кому-нибудь поближе. Я ведь тебе не пророк».

«Не по церкви, а по собору», — пробурчал я про себя и медленно встал с места. Внутри помещения было не больше нескольких десятков человек. Детей, юношей и женщин я сразу отмёл, ещё полицию вызовут, подумают, что извращенец. Мужиков же было значительно меньше, всего человек десять. Мужчины вообще, как показывает практика, тянутся к церковной сфере, когда у них начинаются серьезные проблемы со здоровьем, перед самым финишем своего жизненного пути. Поэтому самых немощных я тоже отмёл. И осталось двое крепких мужиков, которые сидели с таким видом, словно зашли сюда случайно. «Ладно, пойду к тому, который ближе», — решил я и двинулся вперёд к алтарю. Я сделал несколько шагов, открыл деревянную калитку в нужный мне ряд кресел-скамеек, и присел в метрах трёх от почему-то напрягшегося внешне крепкого мужчины.

«Ну! Сканируй! Пока полицию не вызвали!» — крикнул я про себя голосу.

«Нет, это финн, — ответил мне мой внутренний помощник. — И ты его напугал».

«Что я, гамадрил? — обиделся я. — Остался вон тот у самого выхода», — подумал я и снова поднялся с места. Однако чем ближе я приближался к мужику, тем суетливей у него становился взгляд, и тем быстрее он пятился спиной на выход.

«Лови, то, что надо! — вскрикнул голос в голове. — Загоняй пока не убежал! Русский, наш, век воли не видать».

И когда незнакомец уже был в самом проходе, нервы мои не выдержали, и я рванул, как на тренировке, тот понёсся от меня, Боря же кинулся следом за нами. Хорошо, что в дверях несчастный мужик столкнулся с туристами и, прорываясь сквозь них, шлёпнулся прямо на самом пороге собора Святого Николая. Тут-то я его и подхватил.

В небольшом ресторанчике, коих в центре Хельсинки множество, незнакомец трещал без передышку уже полчаса. Сначала, конечно, нам пришлось долго убеждать гражданина Финляндии с русскими корнями, что мы не из КГБ. Но когда у киоска с журналами нам удалось отыскать старую статью о призе «Известий», где была напечатана фотография Бори Александрова, который стал лучшим нападающим турнира, мужчина успокоился. Звали незнакомца Юхан Кипруссофф или по-русски Иван Кипрусов. Иван-Юхан так перенервничал, что выложил нам все подробности своего бегства из СССР в Финляндию которую он совершил ещё в далёком 1930 году вместе с отцом и старшим братом.

— Как в 1928 году НЭП отменили, так нас всей семьей и раскулачили, — выпив немного пива, сообщил Юхан. — Не в лагеря, конечно, отправили, а из-под Смоленска забросили нас в Карелию в Кондопогу, работать на стройку простыми землекопами. Жили в бараке, мать с сестрами не выжили, умерли от болезней в течение года. Ну, отец и решился бежать в Финляндию через болота. Мне тогда только что исполнилось 15 лет, брату 18. Неделю плутали, питались подножным кормом, но границу перешли. Сдюжили.

— Ясно, — я решил закруглить жизнеописание мужчины, в которых он мог многое и приврать, и приукрасить, а мог и рассказать чистую правду. — Время тогда было тяжёлое. Гражданская война.

— Да, наши с белыми бились не на жизнь, а на смерть, — «вставил свои пять копеек» Боря. — Один только Василий Иванович Чапаев чего стоит вместе с Петькой.

— Дело у нас к тебе, Юхан, по торговой части. — Перешёл я к сути. — У нас есть несколько банок красной икры, товар качественный, отборный, икринка к икринке, продукт абсолютно экологически чистый без консервантов и прочей вредной для организма химии.

— Во икруха! — Показал большой палец «Малыш». — Сами её второй день трескаем нарадоваться не можем. Возьмёшь по 8 долларов за банку, либо за 40 шведских крон.

— Да вы чего? — Подскочил на месте эмигрант. — Долларов за 7 — это максимум. Я хотел было отвесить Борису подзатыльник, который раньше времени выставил нужную нам цену, не оставив зазора для торга, но теперь было уже поздно.

— Давай так, — я протянул руку. — Десять банок по 7 долларов, а остальные по 8. Хорошая цена, у вас я посмотрел тут в магазинах всё дорого. Цены вообще взбесились. Нормально с компаньонами своими «наваришься».

— Ладно, — заулыбался Юхан, который ещё недавно думал, что приехали по его душу люди из КГБ. — Беру. — Мы пожали друг другу руки. — Сколько у вас банок? Двадцать? Пятнадцать?

— Почти угадал, — я посмотрел на часы, пора уже было бежать в гостиницу, пока переводчик не послал по нашему следу овчарок с автоматчиками. — Четыреста сорок штук. Деньги нужны крайний срок завтра вечером после игры с вашей сборной. Что с тобой Юхан? Сердце?

— Ну, ты Ваня и жук, — пробормотал наш бывший соотечественник, держась за сердце. — Ты и в хоккее так же играешь?

— Лучше, — похлопал меня по плечу довольный сделкой Боря Александров.

Ещё в начале этого сезона Александр Скворцов, когда тренер юношеской команды «Торпедо» Валерий Кормаков отправил на просмотр во взрослую команду вместе с Володей Ковиным, он и мечтать не мог, что спустя всего несколько месяцев окажется в первой сборной СССР. И сегодня в раздевалке перед товарищеским матчем со сборной Финляндии Александр натягивая хоккейную экипировку, вдруг вспомнил всю свою короткую спортивную жизнь. Как его в пять лет в хоккейной «коробке» перед домом научила стоять на коньках старшая сестра. Потом он улыбнулся, вспомнив свои первые игры за детскую команду «Огонёк» из Ленинского района. Затем были не очень приятные воспоминания, как в 14 лет его не взяли в школу «Торпедо», потому что он был не с Автозаводского района, даже не стали смотреть, на что он способен. Ну а потом его заметил другой торпедовский тренер и дальше карьера пошла только вверх. Но то, что случилось в этом сезоне 1971–1972 годов, можно было назвать одним словом — сказка.

Скворцов, завязывая шнурки на коньках, бросил короткий взгляд на Ивана Тафгаева, который сейчас беззаботно смеялся, читая какую-то смятую газетку. «Если бы не Тафгай, то ни хрена бы не было, — подумал он. — За счёт него и во взрослую команду пробился, и сейчас получил маленький шанс попасть на Олимпиаду. Сегодня всё на льду отдам. Тем более поставили в одну тройку с самим Владимиром Викуловым и Сашей Федотовым. Одним словом — сказка».

— Мужики, — хохотнул Тафгаев. — Смотрите, что пишет отечественная пресса. Статья называется «Волокита». Один чудик отдал плащ для покраски в химчистку. В назначенный день пришёл — закрыто, ещё через день опять закрыто, в субботу прибежал уже сутра. Наверное, перед девушкой хотел пофорсить новенькой вещью. Предъявил квитанцию, а ему выдали плащ типа «Зебра» для новогоднего маскарада. Он, конечно, свою шмотку вернул, и теперь уже ждёт третий месяц. Даже письмо в газету написал, чудило.

— Чё это он — чудило? — Обиделся Коля Свистухин.

— А то, — ответил ему Иван. — Жадность фраера сгубила. Теперь у мужика нет ни плаща, ни денег, которые он отдал за покраску, ни девушки, которую он должен был покорить. А так же вся страна знает, как зовут этого дурака. Вот — сварщик такого-то завода Сорокин.

— Проще нужно быть и девушки к тебе потянутся, — добавил друг Тафгая Боря Александров.

— Так-то да, глупо, — согласился Свистухин. — После пары дождей краска с плаща всё равно слезет.

«Выселяться, — грустно улыбнулся Саша Скворцов. — А меня мандраж колотит, аж зубы стучат. Вдруг я с Викуловым не сыграюсь? Вдруг напортачу? И вылечу из команды в три счёта».

— Чего ржёте? — В раздевалку вошёл Всеволод Бобров, который сейчас в судейскую относил заполненный протокол. — Что за газета? — Спросил он у Тафгая.

— Да вот завалилась у меня в бауле, я её в коньки запихал против влаги, — улыбнулся Иван. — Михалыч, предматчевая установка будет или как обычно, там ваши ворота их нужно защищать, там ворота соперника, в них нужно забрасывать?

— Пошуту у меня! — Бобров погрозил кулаком Тафгаеву и вытащил из папки лист

бумаги, где была начерчена таблица из четырёх строк и четырёх столбцов. — Нам предстоит в турне провести четыре матча. В строчки я записываю наши пятёрки, сверху в столбцы наших соперников. Пропустит шайбу пятёрка, получит себе минус, забросит — плюс.

— А если будет ничья? — Влез с вопросом Свистухин. — Не нашим и не вашим?

— Тогда пятёрка получит себе знак умножить, — ответил Валера Харламов и весь народ в раздевалке согнулся от хохота и главный тренер Сева Бобров тоже.

— Посмеялись, и хватит, — смахнув слезинку, сказал Всеволод Михалыч. — Первая пятёрка у нас — Тафгаева, вторая — Петрова, третья — Свистухина и четвёртая — Федотова. По результатам таблицы я буду решать — кто поедет в Японию, а кто нет. Нас сейчас двадцать два человека, а нужно на Олимпиаду двадцать.

«Ну, вот — защитника Гордеева отцепят и меня, — тяжело вздохнув, подумал про себя Саша Скворцов. — Но я ещё поборюсь».

— Михалыч, а у меня есть встречное предложение, — встал со своего места Иван Тафгаев. — Оценка по пятёркам не даёт полной и ясной картины обо всех хоккеистах сборной.

— Не умничай Тафгай! — Прикрикнул на Ивана второй тренер Игорь Борисович Чистовский.

«Аха, так Тафгай и послушает, — ухмыльнулся Скворцов. — Он прежнего тренера Прилепского за несколько дней из команды убрал и привёз Всеволода Михалыча. И правильно сделал, сейчас бы ковырялись в самом низу турнирной таблицы и Олимпиаду смотрели бы только по телевизору».

— Умничать не имею привычки, я объясню всё по-простому, как аборигенам из Папуа — Новой Гвинеи, на пальцах, — отмахнулся Тафгаев и продолжил. — Для полной картины нужна серьёзная статистика. Первое, напротив каждой фамилии должно быть записано, сколько шайб забросил, сколько отдал передач. Причём считаться должны и первая, и вторая передачи, и даже случайные рикошеты. Например, защитник Куликов отдал пас Александрову, Боря пробежал половину площадки и сделал передачу на Мальцева. Саша обвёл вратаря и положил шайбу в пустые ворота. Значит, Куликов получает в графу гол+пас 0+1, Александров тоже 0+1 и Мальцев 1+0. Далее все игроки пятёрки, которые находились на льду, получают себе +1 в графу полезность. И наконец, должно быть подсчитано общее время для каждого хоккеиста, которое он провёл в игре. Да и ещё полезность при заброшенной шайбе в численном большинстве не засчитывается, а вот при пропущенной ставится минус один. И плюс если удалось забросить в меньшинстве.

— И кто же это всё должен считать? — Сева Бобров почесал затылок, оценив общий объём работы.

— Второй тренер больше некому, — усмехнулся Тафгаев, кивнув на Чистовского. — А что касается статистики по пятёркам, то игроки ведь могут переходить из одного звена в другое. Не годится такие расчёты, Михалыч.

«Опять Тафгай умней всех оказался, — подумал Саша Скворцов. — И откуда он только такие идеи берёт? Странно, всё странно, что с ним связано».

* * *

Первая товарищеская игра в Хельсинки вечером в четверг 20 января с Финляндией

началась «весело». Сперва я серьезно поругался со вторым тренером Игорем Чистовским, которому роль статистика показалась ругательной и не достойной его «дворянского» происхождения.

— Кому упёрлась твоя тупая идея? — Шипел недовольно он, когда уже вовсю кипели страсти на льду. — Плюсики и минусы всякие рисовать, я тебе не бухгалтер! Я тренер, мать твою! И без плюсиков ясно кто тащит команду, а кто нет!

— Борисыч отвянь, пожалуйста! — Не выдержал я. — Представь, вся пятёрка работает на одного бомбардира и все передачи делают ему в крюк на чистый лёд под бросок. Он нет, нет, да и забросит. Ему значит все лавры, а остальным что, которые в защите пашут, у бортов шайбу выцарапывают, все косяки за бомбардиром подтирают, им что?

— Смена! — Крикнул персонально мне Сева Бобров.

— Всё равно идея херня! — Тут же бросил в спину Чистовский.

И так меня второй тренер завёл, так издёргал мои нервы, что весь первый период в игре ничего не получалось. То пас отдам не туда, то шайбу бессмысленно потащу на двоих или на троих финских хоккеистов, то из убойной позиции по воротам не попадаю. А когда вторая пятёрка Володи Петрова открыла счёт, то Чистовский насел на меня с удвоенной силой:

— Ну, где твои плюсы и минусы? У Харламова уже одна шайба, у Петрова и Михайлова по одной результативной передаче, у защитников Васильева и Гусева на плюс один подросла полезность, а где ваша игра? Ты — игрок, твое дело не думать, а играть, как скажет тренер!

— Борисыч, — заревел я как медведь. — Отойди от греха пока клюшкой случайно не зацепил прямо в темечко!

— Идея всё равно херня! — Фыркнул Игорь Борисович и отбежал на другую сторону нашей скамейки запасных, зная, что в запале я себя не всегда контролирую.

А после того, как Сева Бобров на розыгрыш лишнего игрока, отправил пятёрку Петрова а не нас с Мальцевым и Александровым, нервы мои закипели, как разум возмущенный. В довершении моих моральных страданий через минуту большинства Володя Петров сделав счёт 0: 2, наградил новыми балами за результативность снова Харламова и защитника Валеру Васильева.

— Если так дело дальше пойдёт, наша первая пятёрка станет опять второй, — заворчал Саша Мальцев.

— Иван, не психуй. Идея твоя — во! — Показал мне большой палец Боря Александров. — Глянь, как Петровская пятёрка первым делом побежала смотреть свою статистику. Нагоним ещё.

— Разберёмся, — пробурчал я, чувствуя вину за свой вспыльчивый характер.

Но полностью я пришёл в себя лишь в перерыве после первой двадцатиминутки. Первый период же закончился со счётом 1: 2 в нашу пользу. Минусы в графу полезность получили игроки пятёрки Свистухина: Шалимов, Александр Якушев, Паладьев и Ляпкин. И проста: мысль, что кому-то в этот момент гораздо хуже, чем мне, меня и успокоила. Кстати, Игорь Чистовский больше не заикался, что идея вести свою обширную статистику плоха. Наоборот, когда Сева Бобров посмотрев на листок с нашими действиями за период, сказал, что толково придумано. Игорь Борисович тут же поддакнул, что такой учёт полезен и в чемпионате для нашей команды.

«Какого же хрена все нервы вымотал?» — бросил я в сердцах.

— Мужики, Саша, Володя, — зашептал на скамейке запасных Викулову и Федотову Александр Скворцов, когда начался второй период. — Давайте разыграем вход в зону с разгона со сменой флангов, как мы это делаем в «Торпедо». Я сам разгонюсь со своего левого края на правый и привезу шайбу к финским воротам. Вот так. — Скворцов начал руками показывать московскому армейцу Викулову его манёвр.

— Что-то как-то мудрёно, — покачал головой Володя Викулов. — Можем получить обрез в середине площадки.

— Не бзди, — цыкнул центральный нападающий Саша Федотов. — Сделаю как пс нотам.

— Пока спартаковцы с минусами бегают, мы должны заработать свои первые плюсы! — Чуть ли не выкрикнул Александр Скворцов.

И вдруг слово «гол» радостно закричала почти вся скамейка запасных, так как третью шайбу забросила пятёрка Тафгаева. Отличился Саша Мальцев, а результативные передачи записали на свой счёт Боря Александров и сам Иван Тафгаев. А когда табло ледового дворца «Хельсинки» высветило новые цифры — 1: 3, Викулов сдался:

— Поехали, разыграем вашу хреновину. Я тоже в Японию хочу. Может это вообще моя последняя Олимпиада.

Если для двадцатипятилетнего Володи Викулова, который уже выиграл шесть чемпионатов мира и золото Олимпиады в Гренобле, игры в Саппоро могли стать прекрасным дополнением к великолепной карьере, то для Саши Скворцова карьера только начиналась. И откладывать это начало, Скворцов категорически был не согласен. Поэтому когда он получил на своей синей линии пас от своего одноклубника центрфорварда Федотова, Скворцов разогнался так, что финские хоккеисты промелькнули, словно деревья в лесу во время велосипедной прогулки. Какие-то две, три секунды и Александр уже увидел перед собой финского вратаря Йорму Валтонена. Кстати, голкипер хозяев поля играл в шлеме нашего горьковского производства. Но Скворцов это отметил лишь краем своего максимально сконцентрированного сознания. Он быстро выехал по правому краю на убойную позицию и с пяти метров сначала сам захотел вколотить шайбу в ворота, но вдруг решил перестраховаться. Поэтому замахнувшись, тут же юркнул в правую сторону объезжая упавшего на лёд вратаря, пас в центр на открытого Викулова и армейский нападающий без всяких проблем залепил четвёртую шайбу в финские ворота, 1: 4.

— Гол! — Закричал что есть силы в лёгких Саша Скворцов. — Да, мужики! Да, сука!

Его более старшие товарищи по тройке нападения снисходительно заулыбались, и похлопали радостного юниора по шлему. Потому что и Викулов и двадцатисемилетний Федотов понимали, что главные решающие игры будут через несколько дней в Швеции. С финнами сегодня — это только разминка.

«Есть первый результативный пас за сборную! Сделан маленький шажочек на Олимпиаду!» — внутренне ликовал Скворцов.

Примерно за минуту до окончания второго периода я заработал на себе второе удаление горячих финских хоккеистов в этом матче. Разыграли мы всё без особых изысков, я разогнался в средней зоне, получил пас от «Мальша» и на входе уже в зону атаки получил классическую подножку. Судья незамедлительно свистнул нарушение правил, а я уставился на Всеволода Михалыча, который сейчас решал, кого отправить на лёд реализовывать лишнего игрока. Бобров тоже кинул на меня усмехающийся взгляд исподлобья, чуть-чуть подумал и оставил мою пятёрку на льду.

— Надо забить, — тут же зашептал очевидную вещь Саша Мальцев.

— Спокуха братуха, — хмыкнул я. — Разберёмся. Кулик! — Подозвал я Куликова. — Постарайся аккуратнo накинуть в крюк. Мальцев очень просит.

— Да иди ты, — отмахнулся «Есенин русского хоккея».

Конечно, под заказ разыграть нужную комбинацию против сильного соперника, практически не возможно. Но сегодня против нас играли настоящие хоккеисты любители. Абсолютно все финские парни не просто числились где-то на каком-то производстве, они реально трудились от звонка и до звонка, и в хоккее играли, что называется, за Родину и за восьмого президента Урхо Кекконена. Поэтому после небольшой перепасовки в зоне гостей, Мальцев скинул на синюю линию, Куликов бросил в сторону ворот финского голкипера, а я подставил клюшку. Табло дворца спорта незамедлительно высветило все проблемы уходящего в небытие настоящего любительского хоккея разгромным счётом 1: 5.

В перерыве перед заключительным периодом Всеволод Михалыч расхаживал по раздевалке и удовлетворённо потирал руки. Наверное, перед поездкой он голову ломал, как сделать так, чтобы мы выкладывались в каждой товарищеской игре на все сто процентов. Удачно подвернулась новая забава, статистические плюсики и минусики, и никого подгонять не надо, все бегут сами.

— «Спартак» пока не оправдываете ожидания, — сказал главный тренер. — У всех полезность положительная, а у вас отрицательная. Жду в третьем периоде от вас другой игры. Новых неожиданных решений. Вот берите пример с Виктора Сергеевича Коноваленко у него уже +2 — лучшая полезность среди всех. — Бобров ткнул пальцем в бумажку со статистикой.

— А Сергеичу пропускать и нельзя, — сказал я. — Он ведь часовым поставлен у ворот, а за спиной уже полоса пограничная идёт.

— Да, — усмехнулся Харламов. — Так и партбилет можно на стол положить. Если за границу будет много залетать.

Народ в раздевалке устало и тихо захихикал.

— Не смешно, — разом остудил хоккеистов переводчик Виктор Алексеевич, который только что незаметно для всех появился в раздевалке. — Такими вещами, как партбилет, не шутят.

— А если и шутят, то на комсомольских стройках Колымы. — Абсолютно с серьёзным лицом добавил я. — Смотри у меня! — Погрозил я Харламову.

* * *

Третий и заключительный период для юниора Александра Скворцова начался крайне неудачно. Буквально во второй смене пятёрке Федотова, в которой он играл правого

крайнего нападающего, удалась красивая комбинация. Викулов промчался по своему правому краю, сделал пас на Федотова, а тот вывел на пустой угол Скворцова. Однако шайба предательски соскочила с крюка, возможно, помешало более хладнокровно сыграть большое желание забить, и бросок получился слабым и не точным. А затем Саша Скворцов в запале клюшкой ударил по ногам убегающего в контратаку финского игрока. Как итог: две минуты меньшинства и загубленный почти стопроцентный момент.

Никто ничего обидного Александру не сказал, с кем в игре не бывает. Но легче от этого самому хоккеисту не стало. На лёд же держать оборону Всеволод Бобров выпустил защитников: Фёдорова и Куликова с нападающими: Тафгаевым и Александровым. «Сейчас разыграют свою излюбленную комбинацию — контратака с длинным пасом на рывок «Мальша», — подумал, сидя в боксе для оштрафованных Скворцов. — И почему Тафгай именно с Александровым нашёл общий язык? Почему не со мной и Ковиным, с которым и начинали чемпионат? Странно».

И действительно, как и предполагал новобранец сборной, Тафгаев выиграл вбрасывание, защитник Фёдоров навесом бросил шайбу на центральную красную линию и Борька улетел от финнов как на мотоцикле. Дальше всё было делом техники, да и финский вратарь явно сыграл не лучшим образом, шайбу которую хитро запустил Александров, Валтонен пропустил между щитков, 1: 6. А болельщики хозяев льда, которые шумно поддерживали свою команду два периода, вдруг медленно потянулись на выход. «Всё, дело сделано, соперник выбрасывает белый флаг», — подумал Скворцов.

* * *

После финальной сирены в раздевалке, расталкивая друг друга, хоккеисты кинулись смотреть свои статистические показатели. Кто-то был недоволен, что мало находился на льду, кто-то морщился, разглядывая плюсики у одних и отсутствие плюсики у себя. Например пятёрка Свистухина, которая сделала счёт 1: 7, свела свою полезность к нулю. Шайбу забросил Якушев, а его партнёры записали себе по результативной передаче. Ещё под занавес отличился Валерий Харламов, доведя разгром «страны тысячи озёр» до 1: 8. Вроде бы партнёры по его пятёрке должны были радоваться, но шайбу он забросил сам, отобрав её у соперника и совершив сольный проход. Поэтому он получил плюс ещё один гол, а остальные только по плюсу в графу полезность. Кстати, самым полезным в команде ожидаемо стал вратарь Виктор Коноваленко, который за матч заработал +5. Так-то должно было быть +7, но две шайбы, что команда забросила в большинстве не в счёт.

— Товарищи хоккеисты, прошу вашего внимания! — Хлопнул несколько раз в ладоши переводчик Виктор Алексеевич. — Сейчас приводим себя в порядок и дружно садимся в автобус. Нас ждёт товарищеский ужин с хоккеистами финской команды.

— Я не поеду, — сказал я голосом, не терпящим возражений. — Во-первых, на дружеском ужине с финнами я уже был, и эти прекрасные парни через 15 минут меня уже не отличат от индейца из племени Ирокезов. Во-вторых, у меня режим.

«А в-третьих, в ресторане гостиницы меня уже ждут покупатели партии красной икры» — добавил я про себя.

— Я тоже не поеду. — Поднял руку как школьник за партой Боря Александров. — У меня тоже режим. И вообще врачи рекомендовали пораньше ложиться спать, чтобы

организм правильно развивался. Для нас хоккеистов здоровье — это база всех побед в будущем.

— Аполитично рассуждаете товарищи, — недовольно пробормотал переводчик из КГБ. — Завтра выпитесь.

— А вы товарищ Виктор Алексеевич случайно не завербованы нашими прямыми конкурентами за золото Олимпийских игр? — Громко прокашлялся я. — Какое завтра отоспимся? Завтра ещё одна игра с финнами, а через день две игры со шведами. При таком графике спать нужно по расписанию! Я всё сказал. А будете настаивать, напишу жалобу товарищу Юрию Владимировичу Андропову.

Конечно, переть против Андропова у переводчика была кишка тонка. Но он, почуяв неладное, всех, кто не захотел ехать на дружескую попойку с финнами, а таких оказалось половина команды, главным образом молодёжь, лично сопровождал в гостиницу и после ужина уселся в фойе пить кофе.

— Караулит сволочь, — пробубнил «Малыш», осторожно выглядывая с лестницы.

— Часовым он поставлен у ворот, — добивал я. — Работаем по Череповецкой схеме.

— Чего? — Не понял меня Борис.

— Точно, ты же в Череповце не был. Значит так, я надеваю на себя спортивную форму и бегу на пробежку, а ты сумки с икрой спускаешь мне через окно. У Скворцова и Федотова окна второго этажа выходят во двор, а не на улицу, как у нас. Оттуда с Сашкой и спустите мне сумки. В них и его доля.

— Вот заноза, — прошипел Александров, выглянув ещё раз. — Там уже за окном наш Юхан Кипрусов маячит с каким-то мужиком.

— Если маячит, значит, мы с ценой прогадали, — выдохнул я. — Какой актёр этот наш бывший соотечественник. А ещё так натурально за сердце хватался. Ладно, пошли в темпе.

Ровно через две минуты, именно столько мне понадобилось, чтобы натянуть кеды и накинуть олимпийку я в шерстяном петушке выбежал в фойе финской гостиницы.

— Куда? — Как вратарь из одноимённого фильма встал переводчик в дверях отеля.

— Не понял? — Я сделал шаг навстречу. — Перед сном вечерняя пробежка. У меня режим!

— Не имеешь право бежать в одиночку. — Уже не так уверенно пробормотал Виктор Алексеевич.

— Побежали вместе. — Усмехнулся я. — Хотя тебе же нельзя, вдруг другие возьмут и разбегутся по значным местам без знания английского языка. Давай поступим так. Я пишу на имя председателя КГБ Юрия Андропова докладную, что ты мне мешал готовиться к Олимпиаде. А ты напишешь в своё ведомство, что взял на себя ответственность вмешиваться в подготовку команды по такой-то и такой-то причине. И тогда я никуда не побегу. По рукам?

— Чтоб через десять минут был здесь же, иначе пеняй на себя, — обиженно сказал переводчик и пропустил меня на улицу.

Я бодрячком выбежал в кедах по свежему скандинавскому снежку. Показал глазами Кипрусову и его поделнику, дескать за мной следят, езжайте следом, и припустил по проспекту Маннергейма. Добежал я ровно до угла гостиницы и, пользуясь тем, что мою фигуру от высунувшегося из гостиницы переводчика прикрыли встречные прохожие, резко нырнул в проулок. Дальше во дворе отеля, мы работали молча, быстро и чётко. Сумки с икрой парни спустили на простынях. Взамен доллары мне отдал компаньон Юхана, который

очень плохо говорил по-русски.

— Когда приходит новая партия? — Спросил мужчина, пересчитывая банки.

— У нас будут ещё игры здесь перед чемпионатом мира в Праге. Следите за спортивной прессой, — ответил я, пересчитывая зелёные американские бумажки.

— Можете привозить ещё большее число? — Продолжал считать банки компаньон Юхана.

— Сделаем, — усмехнулся я, протягивая десять лишних долларов назад. — Мы договорились за первые десять банок скинуть по доллару, а договор для меня дороже денег. Приезжайте завтра в Тампере. — Я пожал руки мужчинам. — Увидите настоящий советский хоккей и привет русской диаспоре! — Помахав рукой, в хорошем спортивном темпе рванул я, чтобы хоть немного вспотеть специально для переводчика из КГБ.

Вечером в субботу 22 января в небольшой гостинице на окраине Гетеборга в нашей с «Мальшом» комнате случилось стихийное собрание той части сборной страны, которую представляли горьковские торпедовцы. И их было ни много ни мало одиннадцать человек, целая футбольная команда. На повестке стоял один единственный вопрос: «Когда мы будем делить наши деньги?». В дополнение к той сумме, которую я выручил за общую красную икру, всем раздали после двух игр с Финляндией ещё по 100 долларов. Народ нетерпеливо «бил копытом», чтобы завтра утром перед игрой свою часть денег спустить на джинсы, плащи и на подарки родным и близким. Первым, когда шум и гам немного поутих, слово взял я:

— Граждане-люди, дорогие товарищи хоккеисты. Вижу по глазам, что первоначальный бизнес план закупить здесь в Швеции электрогитары и продать их в Москве, не всем стал по нутру?

— Иван, давай короче, — загудел как труба Коля Свистухин. — Когда мы будем делить наши деньги?

— Да, Иван, — поддержал своего одноклубника самый уважаемый член нашей команды, ветеран Виктор Коноваленко. — Что-то расхотелось с твоими гитарами возиться. Мне дочке нужно купить что-нибудь, жене тоже хочу дублёнку взять.

— Законное желание, — поддакнул Саша Федотов. — Деньги пора делить.

— Хорошо, — согласился я, ведь насильно мил не будешь. — Сейчас в нашем распоряжении 3510 долларов США. На каждого выходит по 320 долларов. Ещё раз хочу спросить, кто из присутствующих больше не хочет превратить эту сумму примерно в 3 тысячи рублей? Прошу поднять руки.

Из одиннадцати человек проголосовали за своё независимое видение, как потратить деньги, пять человек: нападающие Свистухин и Федотов, вратарь Коноваленко и защитники Астафьев и Гордеев. Расчёт наличными купюрами с портретами президентов США я произвёл тут же, не отходя от «кассы».

— Товарищей выбывших из списков акционеров общества «Вольных хоккеистов-коммерсантов» попрошу покинуть зал заседаний. — Я встал и указал, словно Ленин на постаменте, на дверь своей комнаты, а бывшие компаньоны всё ещё соображая, правильно они поступили или нет, по одному вышли в коридор.

Через минуту обратно попытался вернуться Коля Свистухин, но я, сказав, что время уже ушло, этого сделать не позволил. Так как от ненадёжных деловых партнёров всегда одни неприятности.

— Сколько у нас осталось зелёных? — Спросил Боря Александров. — Как дальше будем действовать? То есть вести коммерческую деятельность?

— Действовать будем по ранее намеченному плану, — успокоил я сам себя и всех остальных. — Мы имеем 1910 баксов. Этой суммы нам хватит на 6 электрогитар. И останется ещё 110 долларов. Значит, этот остаток раскидаем на шестерых, и они тоже пойдут на сувениры и подарки. А шесть электрогитар мы превратим в СССР примерно в 3 тысячи рублей на брата. Кто за такой расклад?

Неожиданно руки подняли не все. «За» проголосовали: вратарь Минеев, защитники Фёдоров и Куликов, и нападающие Александров и я, Иван Тафгаев, председатель общества

«Вольных хоккеистов-челноков».

— Я — против, — высказался один Саша Скворцов.

— Ты Скворец ёб...ся? — Не сдержался «Мальш». — Чего тебе ещё не хватает?

— У меня другое предложение. — Скворцов, проигнорировал неприятый выпад своего одноклубника. — Давайте к 1910 долларам добавим ещё наши 600, и на все деньги купим электрогитары. Это получится 8 штук, и дома в союзе мы получим по 4 тысячи на брата. А что касается подарков, то нам на них останется 110 долларов плюс возможная скидка в магазине за большую партию товара.

— Ну, допустим, 80 долларов нам скинут, по 10 за каждую гитару, — согласился я. — Это значит, на подарки нам останется всего по 30 американских рублей. В принципе идею считаю хорошей. Давайте голосовать. — Предложил я, так как нужно было уже бежать на вечернюю пробежку, иначе переводчик Виктор Алексеевич забеспокоится. Он сейчас за мной бдит с утроенным вниманием, собака такая.

— Давайте пару дней подумаем, — забеспокоился защитник Юра Фёдоров. — Доллары придержим до Стокгольма, а там решим. У меня заказов целый список.

— У меня тоже список, — пробурчал его друг Саша Куликов.

— С вами мужики, нихера ничего не сваришь, — махнул рукой Боря Александров. — Приедете и скажите, что списки свои потеряли в самолёте, и все проблемы разом отпадут.

— Ладно, — я снова согласился. — Думаем и решаем до 24 января. Заседание окончено, командовать парадом буду я. Давайте по номерам, а то мне ещё пять километров бежать для конспирации. Будь она неладна.

* * *

Название шведского города Гётеборг, дословно переводилось как крепость готов или гётов. А готы — это такой народ, который в первые века нашей эры оставил большой след в истории всей Европы. Недаром свой герб со львом они закрепили везде, где ступала их готская нога. Ступала же она много куда, и в Болгарию залезла, и на западную Украину, и в Чехию, и во Францию, и в Шотландию. Вот и на нашей маленькой гостинице висел флаг, на котором лев, показывающий свой длинный красный язык, держал щит с тремя шведскими коронами.

«Учкудук, три короны, — пропел я про себя, пробегая мимо флага Гётеборга. — Нам подкинь, нам подкинь шведской кроны».

— Опаздываешь сегодня, — ухмыльнулся переводчик из КГБ, провожая меня недовольным взглядом. — То рвался на пробежки, то филонишь!

— О завтрашнем матче размышлял, увлёкся. — Ответил я и прибавил скорости.

Между тем на улице повалил мокрый крупными хлопьями снег. Температура воздуха для января оказалась чудесной, около трёх или четырёх градусов тепла. И снежинки, которые били в лицо, приятно холодили, а не обжигали кожу, словно маленькие злые льдинки из разбитого волшебного зеркала злого Тролля. Какое-то время я честно выдерживал заданный высокий темп, но лишь дорога вильнула за поворот, посеменил медленной расслабляющей трусцой.

«Сейчас добегу, вон до того парка, развернусь и назад, — подумал я. — Нужно что-то с переводчиком решать. Представляю, какую он мне состряпает характеристику «куда надо».

И договорится с этим Виктором Алексеевичем, вряд ли получится. Упёрто идейный товарищ. От таких, как подсказывает жизненный опыт, больше всего проблем. Ведь им оправдать любую свою подлость тем, что они якобы радеют за правое дело, как два пальца «об асфальт». Ничего, есть у меня одна идея, прижмём комитетчика к ногтю, и глазом моргнуть не успеет».

«Иван, — вдруг проснулся голос в голове. — А за тобой кто-то следит, прячась за деревьями парка».

«Может он за всеми следит? — хмыкнул я. — Может озабоченный какой-нибудь вышел следить за людьми?».

Смех смехом, и хоть всяких озабоченных и сексуальных маньяков мне конституция тела не позволяла опасаться, но я, не добегая до парка, решил повернуть в гостиницу. И когда трусил обратно, я резко, как будто не специально, поскользнулся, упал и посмотрел себе за спину. Вдруг какая-то плохо различимая тень тут же нырнула за толстое дерево.

«Чего это такое в капиталистическом Гётеборге делается?» — спросил я у голоса.

«А я тебе не Шерлок Холмс и не доктор Ватсон, — огрызнулся он и добавил. — Умнее в следующий раз будешь».

В фойе гостиницы на первом этаже, когда я туда весь мокрый от снега и пота вошёл, всё так же меланхолично сидел переводчик и читал газету. Он посмотрел на часы, усмехнулся и сказал:

— Всеволод Михалыч собрание для команды устроил в рекреации на третьем этаже, поторопись.

— Неужели всё, «амба»? — Спросил я, убирая мокрые волосы со лба.

— Кому «амба»? — Вздрогнул комитетчик.

— Как кому? — Удивился я, еле сдерживая гомерический хохот. — Десятую пятилетку уже выполнили по мясу, молоку и рыбе. Или ещё нет? Понял, значит, собрание на сугубо хоккейную тему.

И собрание действительно было по хоккейной теме. В рекреации третьего этажа, в единственном просторном месте этой маленькой и тесной гостиницы, собрались все двадцать два хоккеиста сборной страны. Сева Бобров бросил на меня недовольный взгляд, но видя, что я стараюсь для пользы дела, а не за спиртным бегаю, ничего не сказал.

— Итак, продолжим. — Всеволод Михалыч посмотрел в листок с нашей личной статистикой и продолжил. — Напомню, что вторая игра с Финляндией закончилась со счётом 2: 7. Шайбы забросили: Викулов — две шайки. Харламов, Якушев, Васильев Александров и Тафгаев — по одной. В целом за матч оценку четыре с плюсом поставить можно.

— Предлагаю четыре с плюсом, поменять на пять с минусом. — Сразу же высказался я. — Финны — это конечно не канадские профессионалы, но победа была убедительной.

— Мы старались Всеволод Михалыч, — поддакнул Свистухин.

— Я слово товарищу Тафгаеву пока не давал, — выразительно кашлянул главный тренер. — Далее. По итогам двух первых матчей картина маслом нарисовалась такая. Худший по всем показателям — Женя Паладьев, полезность — ноль, передач — ноль, голов — ноль. Худший из нападающих — Витя Шалимов. Полезность — ноль, голов — ноль, передача — одна. Что будем делать товарищи? Вот теперь можно высказываться.

— А кто лучший-то? Огласите весь список, пожалуйста, — улыбнулся я, и парни кое-где захихикали.

— А может быть, нам тоже дать поиграть в численном большинстве, — сказал обиженно Саша Якушев. — А то лишнего разыгрывали пока только пятёрки Тафгаева и Петрова.

— Как же тогда Викулов три шайки уже положил и без всякого большинства?! — Громко гаркнул Володя Петров, который не хотел отдавать свое право на игру в численном большинстве.

— Викулов и в чемпионате 29 шайб уже настрелял, он уникал, ты его с нами не равняй, — не отступал Якушев. — Михалыч, так как на счёт большинства? — спросил он у Боброва.

— Ладно! — Махнул рукой Всеволод Михалыч. — Со шведами в первой игре дам шанс. Но если не исправитесь, буду принимать меры.

— Что, наклиничил? — Шикнул Петров на Якушева.

— Отдыхай, — ответил армейцу спартаковский нападающий и тут начался настоящий галдёж, включились в спор и другие игроки, не стесняясь в хоккейных выражениях.

— Вы чего? — На шум прибежал переводчик. — Сейчас же люди полицию вызовут.

— Хорошо поговорили, — усмехнулся главный тренер, когда народ резко затих. — Завтра посмотрим, пошёл ли разговор впрок?

* * *

Первый же период матча в гетеборгском ледовом дворце «Скандинавиум», показал, что шведы — это не финны, которые если игра сразу не задалась, дальше особенно напрягаться не будут. Настрой же «Тре Крунур» был более чем боевой. Канадский тренер Билл Харрис, покрикивая на своих подопечных, требовал от скандинавов быстрого и жёсткого, подчас грубого хоккея. Особенно в первые минуты перепало акцентированной силовой борьбы моей пятёрке. Против нас канадец бросил свою лучшую тройку нападения Хаммастрём — Викберг — Лундстрём и двойку защитников Шёберга и Экмана. Из этих пяти шведских игроков лишь трое чуть-чуть уступали мне в габаритах и физической мощи. Два здоровых амбала Хаммастрём и Лундстрём действовали на флангах против моих невысоких партнёров по звену Бори Александрова и Саши Мальцева, а здоровяк Экман в защите работал персонально против меня. И уже на третьем минуте матча переполненный «Скандинавиум», который вмещал 12 тысяч человек, радостно взревел, когда Лундстрём размазал об борт Александрова, а ещё спустя десять секунд Хаммастрём по-хамски двинул Мальцеву.

— Да, Тафгай, если так дело дальше пойдёт, то Мальцев с Александровым до Олимпиады не доедут, — хитро улыбнулся Всеволод Михалыч.

— Намёк понял, — пробурчал я. — Включаю воспитательные мероприятия на полную мощность. Главное чтобы врачи оказались на месте.

— Ты о врачах шведских не беспокойся, ты о партнёрах по команде подумай. — Хмыкнул Бобров и устремил своё взгляд на игру, которая пока совсем не складывалась. Ведь встретив жестокий бескомпромиссный хоккей, комбинационная игра рассыпалась почти у всех пятёрок, кроме звена Федотова, так как он и его партнёры по нападению Викулов и Скворцов действовали против самой слабой пятёрки шведской команды.

— «Мальш», после вбрасывания меняемся позициями, я поеду на твой левый край, а ты пока в центре побегаешь, — сказал я перед выходом на лёд Борису. — Что-то мне перестал

нравиться нападающий «Трёх корон» Лундстрём № 11.

— А он тебе не девушка, чтоб нравится, — засмеялся Саша Мальцев, приготовившись смотреть спектакль, первый его акт.

«Пройдёт совсем немного времени, и такое уточнение пола станет не актуальным», — подумал я, проиграв шайбу на вбрасывании невысокому, но широкоплечему центральному нападающему Викбергу. После чего тут же побежал налево, а «Мальш» занял мою позицию в центре. И вдруг, как по заказу, защитник Экман сделал пас на пока неприкрытого Лундстрема. Буквально секунду отмерило современное табло гётеборгского ледового дворца, и Торд Лундстрём познакомился с «бетонной стеной», которая нежданно возникла на его тернистом хоккейном пути. Ключка полетела как бумеранг дикаря в одну сторону, шлем отлетел в другую, а сам № 11 лёг тут же и, наверное, о чём-то задумался.

Но это было ещё не всё, ведь шайба откатилась к защитнику Саше Куликову, и он не медля ни секунды, отпасовал её Мальцеву. И естественно, не дождавшись свистка судьи, наш десятый номер, Есенин русского хоккея, рванул в атаку. А следом по левому краю покатил я, решив лишь по завершению игрового эпизода спросить Лундстрёма о его самочувствии. Мальцев мастерски обвёл одного, ушёл от второго и сделал резкую поперечную передачу в центр. Однако Боря Александров закопался в средней зоне, сцепившись клюшками с центральным нападающим шведов. Зато я был тут как тут. Сильнейший щелчок и шайба, выпущенная, словно из пращи, звякнув об перекладину, опустилась точно за линией ворот шведского голкипера Лейфа Холмквиста.

— Гол! — Резко выкрикнул я и победно поднял клюшку вверх.

И мою радость поддержали все, кроме 12-ти тысяч болельщиков и игроков сборной Швеции. В общем, радовались мы в полнейшей тишине. Кстати, Торд Лундстрём оказался жив и здоров, это он просто с непривычки немного призадумался о своём прежнем нехорошем поведении.

А вот после пропущенной шайбы скандинавы резко сникли. И хоть канадский тренер, бывший игрок НХЛ Билл Харрис, что-то выкрикивал на скамейке запасных про «фак» и «шит», шведы упрямо демонстрировали незнание английской матерных слов. И поэтому через три минуты вторая пятёрка Володи Петрова разницу в счёте увеличила до двух шайб. Харламов красиво пронёсся по правому краю, вошёл в зону атаки и отдал пас назад на защитника Валеру Васильева, который в свою очередь перевёл на Сашу Гусева. И защитник Гусев отличным щелчком пробил Холмквиста во второй раз. Счёт 0: 2 на табло превратил гётеборгский «Скандинавиум» на время из «кипящего котла» в один из залов Ленинской государственной библиотеки, где шуметь и громко разговаривать категорически запрещалось.

Ещё через несколько минут я уже врезал другому грубияну с правого края, Инге Хаммастрёму. Ну как врезал? С разгону, прихватив его своими загребущими руками, привёз прямо в борт. И пока потомок суровых викингов искал в сочленении искусственного льда и деревянного борта боевую секиру своих предков, я отдал пас на Мальцева, а тот уже убежав в контратаку разыграл с Борей красивую «двоечку» и довёл разницу в счёте до трёх шайб, 0: 3.

В раздевалке во время перерыва после первого периода Всеволод Михалыч прохаживался с таким видом, как будто это он навёл шороху на детей Одина, распугав грозных валькирий в Вальхалле.

— Начали не очень, но потом — молодцы. — Сева Бобров записал статистические плюсы и минусы, которые ему передал второй тренер Чистовский, в общую таблицу. — Пока

у нас одна третья пятёрка не показывает нужный уровень. У Паладьева вообще всё по нулям.

— Есть ещё над чем работать, — брякнул я, предварив следующей фразой старшего тренера.

Бобров исподлобья глянул на меня, громко прокашлялся и сказал:

— Есть ещё над чем работать. Повнимательней во втором периоде. Хочу напомнить, что вторую сборную эта шведская команда недавно обыграла дважды. Ну, по коням.

После такой речи, после таких обидных и небеспочвенных претензий вторую двадцатиминутку пятёрка Свистухина, где архитектором всех атак был Саша Якушев, начала с удвоенной энергией. Шведам же, по всей видимости, перерыв не пошёл впрок. Первые четыре минуты они только и делали, что хаотично отбивались. А так же голкипер хозяев Лейф Холмквист, крутился в воротах, как белка в колесе. Что естественно не могло длиться вечно и привело к четвёртой пропущенной шайбе. Шалимов и Свистухин разыграли неплохую комбинацию, а завершил её Александр Якушев, 0: 4.

— Если так дело пойдёт, то болельщики начнут расходиться по домам, не дожидаясь третьего периода, — улыбнулся Боря Александров, рассматривая растерянные лица болельщиков на трибуне за спиной.

— Да, стухли скандинавы, — поддакнул Саша Мальцев. — Пошли что ль, упрочим преимущество. Чё зря народ мучить, пусть идут по домам радио слушать.

С таким настроением, что сейчас доломаем остатки гордости грозному сопернику, мы и выехали на лёд. Вбрасывание выиграло, в зону атаки вошли, расставились, погоняли шайбу, что бы вратарь понервничал. Но вдруг ни с того, ни с сего, защитник гренадёр Кеннет Экман толкнул клюшкой в спину Сашу Мальцева, и наш нападающий, падая, чуть головой не влетел в борт. Я тут же, вспомнив, что до этого-то хулигана руки пока не дошли, решил исправить несправедливость, и бортанул Экмана без всяких разговоров сильно и больно. Кеннет рухнул, но внезапно в конфликт вмешался невысокий и коренастый его напарник по защите Шёберг, который был мне по плечо. Поэтому его кулак я разглядел лишь в тот момент, когда он врезался в мой нос. И так мне стало обидно, что невысокому Шёбергу я пробил дважды, с левой руки по правому уху и с правой в левый глаз. Шёберг, пропустив простенькую «двоечку», отлетел, упал и по инерции заехал в сетку ворот. Не знаю, что не понравилось финскому главному судье матча Витоле, болельщики например, впервые за игру были очень довольны, но он мне выписал «матч-штраф», то есть удаление до конца игры.

— За что судья? — Пробормотал я и, обречённо махнув рукой, покатил в раздевалку.

«Довели, мать твою, — выругался я про себя. — Уже и ударить человека нельзя за дело».

Затем я быстро пробежал по коридору до раздевалки, так же быстро скинул хоккейную форму, ополоснулся в душе ещё быстрее и натянул брюки и рубашку. Пиджак надел уже на бегу в сторону скамейки запасных своей команды, чтобы досмотреть матч из-за спин своих товарищей по сборной страны. К сожалению, пока я бегал, раздевался и переодевался, шведы одну шайбу отквитали, и игра приняла совсем другой характер. Видя, что бить на льду их больше некому, скандинавы вернулись к своему силовому стилю, который прививал им канадский тренер Билл Харрис.

— Если ещё раз треснут, — сказал я Харламову, который потирал ушибленное плечо, — напомни этим викингам о второй матче.

— И как это сделать по-шведски? — Спросил меня, горько усмехнувшись, Валера.

— Скажи так, — я задумался на пару секунд. — Кирдык ду мазафака. И покажешь е

мою сторону, где я улыбнусь и помашу ручкой.

— Кирдык ду мазафака, — повторил себе под нос Харламов.

И действительно, когда пятёрка Петрова оказалась на льду, Валера Харламов что-то шепнул своему оппоненту и показал в мою сторону. Не известно понял ли смысл сказанного шведский игрок, но увидев мою здоровую ряху, как минимум догадался, что играть нужно корректно, иначе «кирдык ду мазафака». А пятёрка Петрова, выиграв вбрасывание, разыграла красивую комбинацию. Михайлов прошёл по левому краю, сделал пас в центр на Петрова, а тот отдал на пустой угол Харламову. Валера из убойной позиции шведского вратаря Холмквсита не простил, 1: 5.

— Чё ты ему сказал? — Спросил меня Саша Якушев, которого в игре тоже основательно били.

— Кирдык ду мазафака, — повторил я. — Но самое главное не слова, если ударят исподтишка, просто покажи в мою сторону шведу и всё. Я его запомню.

— Говорила мама, чтобы языки учил, пригодится, — пробормотал Якушев.

«Это мама правильно тебе говорила, — подумал я, переживая за парней, нервно переминаясь с ноги на ногу, стоя за их спинами. — Мне дед тоже говорил, чтоб я держал себя в руках. Жаль, не помогли советы». А через полминуты Якушев тоже что-то сказал нарушившему на нём правило шведу и показал на меня. Я же сделал зверское лицо, словно безумный берсерк и вдруг крикнул игроку хозяев льда:

— Я тебя запомнил!

Кстати реализовывать большинство Всеволод Михалыч, как и обещал накануне тому же Якушеву, отправил пятёрку Свистухина. Задетые за живое упрёками о своей неважнецкой игре, парни из этого звена, выдали, пожалуй, лучший свой период за три матча. Вот и сейчас они очень опасно атаковали ворота шведов, но Холмквсит выручил. Однако защитник Ляпкин не дал выбросить шайбу из зоны игрокам обороняющейся команды, здорово поймав черный диск на лету. После чего он перевёл на другой фланг Паладьеву, а Евгений вырезал чёткую диагональ на оставшегося одного Якушева. И Александр в касание с острого угла довёл счёт до 1: 6.

В перерыве перед последним периодом можно было бы с уверенностью сказать, что очередной матч скандинавского предолимпийского турне мы ведём к разгрому, если бы не одно но. Неприятное повреждение получил крайний нападающий Борис Михайлов. С стороны казалось столкновение безобидным, но на деле Боря пожаловался на боль в колене. И самое обидное, что именно после этого момента сборной Швеции удалась хорошая контратака и нападающий Стиг-Ёран Юхансон сократил отставание в счёте: 2: 6.

— Боря, хорош геройствовать, — махнул рукой Всеволод Михалыч. — Счёт 2: 6, сиди вместе с Тафгаевым отдыхай. Не хватало мне усугубить твою травму. Мало мне, что один у нас товарищ играет без башки, ты ещё сломаешься до Японии. Отдыхай!

— Надо понимать, что без башки — это я? — Обиделся я на Севу Боброва. — Ну, Михалыч, я это тебе припомню. Я уже нескольких шведов сегодня в лицо запомнил, завтра с ним рассчитаюсь с процентами. Теперь слова твои обидные законспектирую. И лет так через пятнадцать всё журналистам выложу, всю подноготную вскрою, кто, как, с кем и за что. Так то!

— Пиши, пиши, — усмехнулся Всеволод Михалыч. — Контора тоже пишет.

— Я буду играть, — вдруг упрямо произнёс Борис Михайлов. — Вроде с коленом всё нормально. — Он посмотрел на врача сборной СССР Олега Белаковского, который что-то

пытался в колене нащупать.

— Сейчас эластичным бинтом затянем, вроде ушиб пустяковый, — пожал плечами врач.

Но приблизительно через двадцать минут все пожалели, что Боря Михайлов настоял на своём участии в дальнейшей игре. Из-за того что армейский нападающий потерял в скорости, через него мы получили две острейшие контратаки и к середине третьего периода счет в матче стал 4: 6. Трибуны двенадцатитысячного «Скандинавиума» просто взорвались криками, скандированиями и свистом.

— Терпеть, терпеть мужики, — твердил на скамейке запасных Всеволод Михалыч. — Михайлов, ты всё, иди в раздевалку. Послушал тебя дурака, герой, едрён батон. Мальцев выйдешь на левый край вместо Михайлова к Петрову и Харламову. «Мальш», ты пока отдыхай, не знаю вместо кого тебя выпустить. Пара защитников Фёдоров и Куликов сейчас будете играть с тройкой Викулов — Федотов — Скворцов. Гордеев и Астафьев пока тоже вне игры. Осталось девять минут мужики, нужно дотерпеть! А всё из-за тебя, — прошептал на ухо мне Всеволод Михалыч. — Не мог ударить вполсилы и один раз?

— Да, я не херувим, у меня нет крыльев, — пробурчал я и отошёл подальше от нервного главного тренера.

И хоть на Севу Боброва я немного осерчал, но перестановки, которые он внёс, сработали на отлично. Паника в защите прекратилась и снова наладилась атакующая игра. Особенно остро стала действовать пятёрка Саша Федотова. Вроде только защитников поменяли, но в хоккее от того кто и как начинают атаку всегда многое зависит. И где-то за три минуты до конца матча, острый пас под красную линию, сделанный от Фёдорова на Викулова, оставил не удел сразу трёх игроков шведской команды. Викулов, Федотов и Скворцов тут же вылетели три в два. «Сейчас «Гоп со смыком» разыграют», — подумал я. — Век воли не видать».

И точно, вкатившись по левому краю в зону атаки, Володя Викулов резко сбросив скорость, выманил на себя одного игрока обороны хозяев. А когда Саша Федотов ускорившись, увёл за собой ещё дальше в левый угол поля второго защитника «Трёх корон», на чистый лёд выехал его тезка Скворцов. Пас от Викулова на Скворцова, и спасти от седьмой шайбе шведов могла лишь одна удача. Однако удача в конце игры улыбнулась нам. Саша Скворцов обманным движением уложил Холмквиста плашмя и завёл шайбу уже в пустые ворота, 4: 7.

— Всё, — громко хлопнул в ладоши Всеволод Бобров. — За две с лишним минуты не очухаются. Наша взяла! Спасибо мужики, не подвели. — И всем кто ему попался на глаза, главный тренер, пройдя вдоль лавки, пожал руки. — Извини, был не прав, — шепнул он мне и пожал руку тоже.

— Сам был дурак, исправлюсь, — сказал тихо я в ответ.

В раздевалке самым уставшим выглядел наш наставник Всеволод Михайлович Бобров. Поэтому когда мы уже практически переоделись и ждали от него каких-то заключительных слов, то главный тренер молча махнул рукой, что-то под нос себе пробубнил и вывесил на доску общую статистику для всех хоккеистов сборной за три прошедших матча.

— Завтра поговорим, а сейчас сами всё можете посмотреть. — Устало пробормотал он, кивнув на листок бумаги, на котором были написаны наши фамилии, заброшенные шайбы, результативные передачи, набранные очки и полезность:

Г ___ П ___ О ___ +/-

Вратари:

№ 20 — Виктор Коноваленко, «Торпедо» Горький -5 0 0 +7

№ 1 — Владимир Минеев, «Торпедо» Горький -2 0 0 +4

Защитники:

№ 6 — Валерий Васильев, «Динамо» Москва 1 2 3 +2

№ 2 — Александр Гусев, ЦСКА 1 0 1 +2

№ 4 — Юрий Фёдоров, «Торпедо» Горький 0 2 2 +7

№ 7 — Александр Куликов, «Торпедо» Горький 0 2 2 +7

№ 26 — Евгений Паладьев, «Спартак» Москва 0 1 1 +1

№ 5 — Юрий Ляпкин, «Химик» Воскресенск 0 2 1 +1

№ 3 — Владимир Астафьев, «Торпедо» Горький 0 1 1 +1

№ 19 — Владимир Гордеев, «Торпедо» Горький 0 0 0 +1

Нападающие:

№ 23 — Виктор Шалимов, «Спартак» Москва 0 2 2 +1

№ 9 — Николай Свистухин, «Торпедо» Горький 0 3 3 +1

№ 15 — Александр Якушев, «Спартак» Москва 4 0 4 +1

№ 13 — Борис Михайлов, ЦСКА 0 3 3 +2

№ 16 — Владимир Петров, ЦСКА 1 4 5 +2

№ 17 — Валерий Харламов, ЦСКА 4 2 6 +2

№ 25 — Борис Александров, «Торпедо» Горький 3 2 5 +6

№ 30 — Иван Тафгаев, «Торпедо» Горький 3 4 7 +6

№ 10 — Александр Мальцев, «Динамо» Москва 1 5 6 +5

№ 18 — Владимир Викулов, ЦСКА 3 1 4 +3

№ 27 — Александр Федотов, «Торпедо» Горький 0 2 2 +3

№ 11 — Александр Скворцов, «Торпедо» Горький 1 3 4 +3

После тяжелейшей игры, примерно около одиннадцати часов вечера, я вышел из гостиницы на свою традиционную пробежку. Скорее, если всё же если быть точным, проходку быстрым прогулочным шагом. Улица освещена была хорошо, люди в такое время на окраинах больших европейских городов либо уже спят, либо готовятся ко сну, поэтому я семенил в полнейшем одиночестве. Иногда вообще бывает полезно побыть одному, подумать, а не дурак ли я? «Глупо конечно схватил удаление, хитрее нужно быть в таких случаях, — думал я, перебирая ногами. — Если бы вместо двух боковых ударов, просто повалил бы на лёд шведского защитника, то возможно концовка игры вышла бы другой, не такой нервной. Дурень я, и не лечусь».

«Внимание, за нами опять следят», — проснулся голос в черепной коробке.

«Не за нами, а за мной», — уточнил я формулировку и покрутил головой.

«Вон он за деревом, в пяти метрах, слепошарый», — обиделся на меня голос.

«Понял», — ответил я и резко рванул вперёд.

Мужика, который зачем-то прятался, я схватил в доли секунды за грудки, и встряхнул, как ртутный термометр перед тем, как сунуть его подмышку, чтоб он понял, что не на того напал.

— Не на того напал! — Выпалил я. — Руки вверх! Хенде хох, сука, стрелять буду!

— Гитлер капут, — проблеял перепуганный мужик, подняв руки вверх. — Я есть с тобой просто говорить.

— А следил зачем? — Не поверил я мужику. — Чё пасёшь? Я человек простой, могу и удавить!

— Я следить, нет ли хвост. Я плохо говорить по-русски.

— Уже хорошо. — Обрадовался я. — Руки можешь опустить, пока.

Мужика от моих угроз, стало «не по-детски» потряхивать, из чего я сделал вывод, что он — не комитетчик и мужчину отпустил. Затем посмотрел по сторонам и тоже вошёл в тень, которую отбрасывало толстое дерево.

— Быстро, внятно, кто, зачем, и так далее, — сказал я спокойно и посмотрел на часы, нужно было уже спешить обратно, пока наш переводчик не вызвал «подкрепление» для поиска особо опасного, ушедшего в бега хоккеиста, то есть меня.

— Я знать, что вам предлагать контракт НХЛ «Чикаго Блэк Хокс», — затараторил бодро незнакомец. — Я есть предлагать вам контракт «Бостон Брюинз». Мы давать вам больше денег и бонусы. Я есть возить сам Тумба-Юханссон в НХЛ. Вы хорошо драться там...

— Эпическая сила, — пробормотал я, прикрыв мужику рот рукой, чтобы он помолчал. — Я же несколько месяцев назад пошутил про Чикаго, ну у людей и языки, слухи аж за океан залетели. Ты где живешь, чудило? — Спросил я и открыл незнакомцу рот.

— Я жить в Стокхолм...

— Стоп, — я опять прикрыл говорильник. — Завтра 24-го в понедельник мы играем в Стокгольме, а 25-го у нас свободный день до ночного вылета в Москву. Запоминай, два раза повторять не буду. Придешь завтра в нашу новую стокгольмскую гостиницу и оставишь для меня адрес лучшего магазина музыкальных инструментов в твоём Стокгольме. Будешь ждать меня в этом магазине сразу после открытия. Всё, мне пора, гуд бай. — Договорил я и резко

рванул обратно, так как опаздывал уже примерно на минуту.

«НХЛ — мечта моего детства, — думал я, задав хороший темп бега. — Но сейчас не тогда, сейчас я в 1972 году. Мне тут ещё есть где и в чём побеждать. Но тайно поговорить с хоккейным агентом, который возил за океан легендарного шведского нападающего Тумбу-Юханссона, стоит».

«Ехать надо, чё зря языком молоть, — заметил голос в голове. — Там большой контракт, там серьезные деньги, жизнь».

«Деньги, деньги, одни деньги на уме! Помолчи, пожалуйста, — ответил я. — Да и не так хорошо в НХЛ сейчас платят. Разберёмся. Будущее покажет».

* * *

Рано утром на американском лайнере «McDonnell Douglas» вылетели из Гётеборга в Стокгольм. Всеволода Михалыча тот факт, что шведская сборная улетела сразу после вчерашней игры, а наша только сегодня утром, очень настораживал.

— Шведы сейчас выспятся, отдохнут, потренируются, — недовольно бубнил главный тренер, сидя в кресле впереди меня. — А мы? Нормально не поспали — раз. Сейчас пока прилетим, пока разместимся, пока поедим, даже лёд не опробуем — это два. Что с Михайловым делать, ума не приложу — три.

— Да ладно, — успокаивал нашего наставника второй тренер Игорь Чистовский. — Парни все здоровые, молодые, я в их время ночами не спал, гулял и это самое, кхе, потом сразу на лёд. Лёд не опробуем, тоже ерунда. Лёд, он и в Африке — лёд. А по Михайлову поступим так, если играть не сможет, выставим на игру три пятёрки. У нас на его место есть Скворцов и Викулов. Шикарный, я считаю, выбор. Вот что нам с Паладьевым делать? Не тянет Женя уровень. Совсем у них в «Спартаке» бардак. Может сразу заменить на Астафьева?

— Спи, давай, — отмахнулся Сева Бобров. — Парни у нас молодые, но мы-то с тобой уже не мальчики. Перед игрой нужно выспаться.

— Вчера из-за повреждения Михайлова три шайбы получили, — заворчал мой сосед в кресле около иллюминатора Боря Александров. — Давай поговорим с ним, чтоб он на игру сегодня не выходил. Колено — это не шутки. Хотя, все хотят на Олимпиаду. Как ты считаешь, Иван?

— Обязательно, поговорим, — тяжело вздохнул я, думая совсем о другом.

«Допустим, выиграю я с парнями Олимпиаду, чемпионат СССР, чемпионат мира в Праге и Суперсерию 1972 года против сборной НХЛ. Что ещё мне нужно для полного спортивного счастья? Суперсерия 1974 против ВХА и кубок Канады 1976 года. Вот после 76 года и можно подумать об НХЛ. Мне тогда уже будет 30 лет, ещё четыре года спокойно могу играть при соблюдении спортивного режима, которого я и так строго придерживаюсь. Мне ведь только с наружи 25 лет, а внутри уже 50. Да и пока мне здесь хорошо в СССР, у меня тут девушка, Варвара, и кот Фокс. И вообще далеко ещё до 1976 года».

* * *

Если Рим основали на семи холмах, а Москву на одном большом Боровицком холме, то Стокгольм ради эксперимента рыбаки построили на четырнадцати островах. На каком острове, оказалась наша гостиница, лично я сказать затруднялся, так как везли в неё всю команду в спящем виде. Как уверял сопровождавший нас в автобусе гид, с гостиницей нам повезло, до ледового дворца «Йоханнесховс» всего километр, до исторического центра города не больше пяти, и магазины все рядом.

— Благодетель, — пробормотал я, снова проваливаясь в сон.

Лишь где-то за три часа до матча народ в команде более-менее пришёл в себя. И естественно сразу же кое-кто захотел пробежаться по магазинам за джинсами, пиджаками, рубашками и прочими дефицитными вещами у нас в Союзе. Но Всеволод Михалыч, которому кто-то успел вовремя стукнуть, сам прошёлся по всем комнатам, а расселили нас по двое, и попросил, чтобы про магазины мы забыли до завтрашнего дня.

— Правильно, Михалыч, — сказал я, когда он заглянул в нашу с Борей Александровым комнату. — Сначала разберёмся со шведами, а потом уже с джинсами. И кстати передай всем, кто по-русски не понимает, чтобы подошли ко мне, и я им все доступно расшифрую. — В подтверждении своих слов я показал большой кулак. — Только я на полчаса выйду воздухом подышу, можно?

— Я засёк, — недовольно поморщился главный тренер, ткнув пальцем в свои наручные часы.

А выйти подышать в город со мной собралась вся наша небольшая компания акционеров: Куликов, Фёдоров, Минеев, Скворцов и Александров. Я решил, что на улице будет гораздо меньше посторонних ушей, либо эти уши будут шведские и нашему разговору не помешают.

— Уважаемые товарищи акционеры, — сказал я, когда мы вышли на берег какого-то канала. — У нас есть один не решённый вопрос. Сколько покупаем гитар? Семь или восемь на всю имеющуюся «наличку»?

— Вот как бы купить так, чтоб мы заплатили за семь музыкальных инструментов, а приобрели восемь, — размечтался «Малыш». — Давайте подумаем над таким предложением. Кто «за»?

— Я сейчас вам устрою здесь день голосования, — недовольно бросил я, ведь тут же пятеро хитропопых компаньонов эти руки подняли. — Значит, план будет такой. Сегодня бьём шведов под Стокгольмом, а завтра утром сразу после открытия магазина решим семь приобретать «Гибсонов» или восемь. И это будет зависеть от скидки, которую я попытаюсь выторговать, ловись халява большая и маленькая. А сейчас у нас на первом месте хоккей, пошли в гостиницу, нечего Михалыча раньше времени нервировать.

* * *

После первого периода последнего матча скандинавской серии товарищеских игр, я невольно вспомнил свои слова о том, чтобы не нервировать Всеволода Михайловича. Ведь в первые двадцать минут встречи всё вышло с точностью до наоборот. Команда, что называется, не попала в ритм игры. Мы еле-еле ползали по льду, когда наш соперник был максимально сконцентрирован и по-спортивному зол. И сейчас старый восьмитысячный ледовый дворец радостно и весело гудел так, что отдавалось в раздевалке, потому что на

табло горели обидные для нас и прекрасные для хозяев льда цифры — 3: 1. Врач сборной Олег Белаковский «колдовал» над коленом Бориса Михайлова, который не послушался ни чьих уговоров и вышел на игру. И в итоге повредил боковые связки колена.

— Ты понимаешь, что теперь на два месяца вылетел из игры? — Нервно теребя себя за волосы, спросил Всеволод Бобров хоккеиста. — Пока ты катался на одной ноге, сначала Викберг через вашу пятёрку забросил, затем Лундстрём отметился. Такое «геройство» в спорте — никому не нужно!

— Михалыч, мы ведь одну отквитали, — заступился за друга Володя Петров. — Да и потом Миней мог и потащить разок. — Армейский нападающий бросил гневный взгляд на нашего второго голкипера Володю Минеева, который сегодня защищал ворота сборной.

— Ай! — Отчаянно отмахнулся Бобров. — Далее, Паладьев не понимаю, что с тобой происходит? За Линдбергом не уследил. Вот вам и 3: 1. На второй период выходим играть в три пятёрки. В звено Петрова вместо Михайлова на левый край встанет Викулов. К Ляпкину в пару в защиту перейдёт Астафьев. Третья тройка нападения будет следующей: слева — Скворцов, центр — Федотов, и правый край — Якушев...

«Михайлов, Михайлов, — начал вспоминать я то, что раньше читал про Олимпиаду в Саппоро. — А ведь он прямо там, в Японии, повредил своё колено. Странно, вроде я упираюсь, меняю будущее, а оно, так или иначе, снова возвращается к своему старому руслу».

— Тафгаев! Спишь что ли?! — Окрикнул меня Бобров. — От вашей пятёрки жду динамики, движения и мощных атакующих действий. Мы не имеем права проигрывать перед Олимпиадой шведам. Нам, и мне в частности это может ой как аукнуться в будущем.

— Ну, тогда Минеева на воротах тоже меняй! — Встал с места Петров. — С Минеем точно сегодня просрём.

— Ты башкой в самолёте случайно не ударился? — Встал я и сделал большой шаг к Петрову. — Или при посадке укачало? Минеев стоит нормально. Ему две штуки с пятака затолкали. Сейчас не дать ему шанса на Олимпиаде останемся с одним вратарём! Я за Володю Минеева ручаюсь.

— Хватит орать! — Крикнул Всеволод Михалыч. — Второй период покажет, кто за кого у нас ручается.

* * *

Володя Минеев, который в начале сезона был всего лишь третьим вратарём горьковского «Торпедо» в последние дни ловил себя на мысли, что он провалился в сказку. Играть в воротах сборной страны — это же мечта детства! До этого сезона молодой белобрысый парень провёл всего семнадцать игр в высшей лиге, но вдруг всё поменялось на предсезонном турнире в Череповце. Новая вратарская техника, которую почему-то Иван Тафгаев назвал «Баттерфляй», мало того, что далась ему легко, она вывела его на новый уровень. Может, у него не было такой классной реакции, как у Третьяка или Пашкова, может он не имел такого стального характера как Виктор Коноваленко, но свои шайбы он уверенно брал.

«Да, я — второй номер! — подумал про себя Минеев, выходя на второй период, на лёд стокогльмского дворца «Йоханнесховс». — Но я второй номер сильнейшей команды Мира!»

Хрен они мне, что сейчас забросят! Гадом буду! За котов!».

* * *

— Вовку Минеева надо поддержать, — перед началом второй двадцатиминутки сказал я своим партнёрам по тройке нападения Александрову и Мальцеву, в ожидании шведской сборной.

— Не маленький, — пробурчал Саша Мальцев. — Но в атаке нужно постараться. Правда, я сегодня что-то не в ногах. Чувствую, как будто всё плывёт перед глазами.

— А ты смотри на всё одним глазом, помогает, — усмехнулся Боря Александров. — У меня, кстати, тоже «вестибулярка» барахлит.

— Калеки, — пробубнил я. — В средней зоне пас на меня, я шайбу сам привезу к воротам Абрахамссона и там её разыграем.

Наконец шведские игроки тоже соизволили выкатиться на ледяное поле. И появление своих любимцев восьмитысячная толпа встретила громкими и продолжительными аплодисментами, словно депутаты Леонида Брежнева на съезде КПСС. В сегодняшней игре в принципе, как и во вчерашней, сборная «Трёх корон» имела существенное преимущество, она как хозяйка льда, имела возможность выпускать свою пятёрку после нашей, то есть Билл Харрис мог использовать «наложение» звеньев. Вчера против нас «огребали» Хаммастрём — Викберг — Лундстрём, а сегодня нам не давали играть Юханссон — Пальмквист — Петтерссон. А Викберг с компанией в этой игре очень удачно действовал против пятёрки Володи Петрова. В защите же у шведов меня встречали — хороший знакомый здоровяк Экман и пока ещё не пуганый Милтон. Я вообще старался кулаками не махать, так как сегодня нужны были команде не количество поставленных мной фингалов, а количество заброшенных мной шайб и отданных голевых передач.

Судья из ФРГ Баадер повертел головой, удостоверился, что все готовы, и вбросил шайбу на лёд. К сожалению, вбрасывание Пальмквисту я проиграл, ведь меня тоже немного штормило после самолёта. «Ничего, — решил я, — сейчас кого-нибудь впечатают в борт, сразу прояснится в голове».

И первым кого я решил огорчить, чтобы мои мозги встали на место, оказался Хакан Петтерссон, который был выше на голову Бори Александрова и уже несколько раз против нашего «Малыша» сыграл жёстко. Но сразу же бить шведского крайнего нападающего было против правил, нужно было дожидаться, когда шайба придёт к нему. А шайба заметалась в средней зоне, где мы ловили хозяев поля в наш хорошо уже отработанный «капкан».

Вдруг защитник гренадёр Экман, перевёл непослушную шайбу на левый край Петтерссону. Борька чуть-чуть успел шведа клюшечкой притормозить в пределах правил. Я же с улыбкой на лице тут же ускорился, так как лучшего момента для красивого силового приёма может и не быть. Краем глаза в доли секунды заметил вытянутое лицо тренера из Канады Билла Харриса, который быстрее всех сообразил, что сейчас произойдёт, и с разгону воткнулся в крупное тело бедного Хакана Петтерссона. Дальше, коньки шведского парня мелькнули как клинки самурая перед моим носом, а сам пострадавший вылетел за борт точнёхонько под ноги канадского хоккейного специалиста.

— Окей Билл? — Успел спросить я потрясённого тренера «Тре крунур» и, завладев шайбой, полетел в атаку.

Ох, как просветлело в голове! Следующим на моём пути вырос защитник Милтон, крепкий широкоплечий парень. Но и он попал под электричку, зазевался с испугу, поэтому присел на пятую точку, но клюшку не потерял и успел своей фирменной «кочергой» дать мне по ногам. И вот я падаю, хорошо что в зоне атаки, перед воротами Абраха... В общем фамилия непроизносимая. Ведь падать перед своими воротами это как-то не солидно. Шайбу пока мысли путались, я автоматически скинул влево на «Малыша». «Всё дальше без меня», — подумал я, скользя на пузе прямо в деревянный жесткий борт.

— Бам! — Что-то бамкнуло прямо в лоб.

«Что угодно, только не сотрясение мозга и мировая ядерная война!» — пролетела последняя мысль. Но вдруг прямо в ухо кто-то заорал «Гол!» и спокойно полежать мне не дал. А потом ещё нагло так начал меня трясти как в УАЗике, который катит куда-то по бездорожью по долинам и по взгорьям.

— Гол! Тафгай! — Заорал мне в лицо Мальцев, из чего я сделал вывод, что забил именно он. — Ты чё как?

— Нормально, — пробормотал я и, приподнявшись, поехал на смену. — Между прочим, кости черепа — самые крепки в теле человека. Итс ол райт, Алекс. Итс ол райт.

За пару минут на скамейке запасных, я успел понюхать нашатырочку, ватку с которой мне сунул под нос доктор Олег Белаковский, попил водички и на вопрос Всеволода Михалыча:

— Ты как, готов?

Я ответил почему-то опять на английском:

— Итс ол райт коуч! Нид ван мо гоул.

— Совсем Ваня пиз...улся, — пожал плечами Белаковский.

— Пусть чешет хоть на японском, нам ещё шайба нужна, — отмахнулся Бобров. — Давай Тафгай! — Гаркнул он мне в спину.

Как я выиграл это вбрасывание, почему-то в памяти не отпечаталось, зато я отлично запомнил испуганное лицо шведского защитника Экмана, когда я опять как танк полетел на ворота Абрахамссона. Канадский наставник сборной «Тре крунур» Харрис заорал на чистом английском языке, чтобы меня срочно уложил на лёд. Но Милтон, притворившись глухим, лишь попятился спиной в свою зону, дескать, мне одного раза хватило. Тогда Экман, выругавшись на своего напарника, бросился сам на меня. И всё это произошло за какие-то две или три секунды, а потом Кеннет Экман полетел. В том смысле, что я резко присел, а он, чтобы стукнуть меня как следует, прыгнул. В итоге скрутил красивое гимнастическое сальто. Я бы даже поставил высший бал за артистичность. Но масса Экмана тоже оказалась не шуточной, поэтому прилёг и я, но успел в сторону толкнуть шайбу, которую подхватил Александр Мальцев.

Рывок Мальцева, поддержал и Боря Александров, они вдвоём вылетели на «трусичку» Милтона и вратаря Абрахамссона. Александр замахнулся, но вместо щелчка сделал резкий пас на «Малыша», который броском в касание загнал шайбу в верхний угол ворот и сравнял счёт в матче — 3: 3.

— Ты как? — Спросил меня Сева Бобров, когда мы под недовольный свит трибун и английский мат канадского тренера, поздравив друг друга, вернулись на скамейку запасных.

— Итс ол, то есть дай пару смен дух перевести, — попросил я, тяжело дыша. — Кости вроде целы, голова тоже не шумит. Что-то с памятью моей стало, всё, что было не со мной помню. Нормально всё, коуч. — Усталое улыбнулся я.

После второго периода вратарь Владимир Минеев выслушал множество лестных слов от Всеволода Михалыча. И было за что. Во-первых, ликвидировал выход два в одного. Во-вторых, оставил ворота в неприкосновенности, когда команда отбивалась в меньшинстве. В-третьих, взял намертво две очень трудные шайбы.

— Вот как надо биться за Родину на льду! — Закончил свою похвальную речь Всеволод Бобров. — Молодец Минеев. Тафгаев, ты тоже..., но стал заговариваться. Какой я тебе коуч? Плохо с головой — попей чаю, и съешь таблетку глюкозы.

— Да, — согласился Тафгаев. — Сейчас бы «сникерс». Не тормози — сникерсни! — Сказал Иван слова, которые никто в раздевалке не понял, но всё равно народ засмеялся.

«Наверное, сникерс — это какой-то экзотический фрукт», — подумал про себя Минеев, но вслух ничего не произнёс, и переспрашивать, тоже не стал.

— Сникерс? — Сморщился на секунду главный тренер, как будто проглотил ядовитого таракана. — Далее, Харламов, Петров и Викулов в концовочке сделали очень красиво. Раскатали шведов как в кино. Вот такой игры я жду от всех вас. После 3: 1 в первые двадцать минут, 3: 4 — перед заключительным периодом счёт замечательный. Что Минеев, спросить что-то хочешь?

— Хочу сказать, мужики я вас не подведу, — внезапно для себя высказался, скромняга, Володя Минеев. — Но обрезайтесь поменьше.

— Правильные слова, — улыбнулся Всеволод Бобров и пожал руку своему второму вратарю.

Первые десять минут третьего периода до смены ворот, провели не шатко не валко. Шведы нам не давали играть, мы им. Нас счёт 3: 4 — устраивал, а их — нет, но нам было на это наплевать. Лично я окончательно пришёл в себя и перестал называть коучем Всеволода Михалыча, который единственный из всех был как на иголках. Дело в том, что перед выходом на третий период в подтрибунном помещении произошла неприятная сцена, невольным свидетелем которой я стал. В этот раз я шёл позади всей команды, застрял в одном месте, и видел, как Боброва остановил какой-то мужичек из нашего Советского посольства в Швеции. Судя по неловким движениям, чиновник был уже «хорошо навеселе».

— Севка, Бобёр, ну зачем так грубо играть? — Пьяно икнул работник посольства. — На трибунах ведь шведские царские особы. Карл Густав кажется, да хрен их поймёшь. Ну, это Бобёр, ну ты меня понял?

Всеволод Михайлович ненавидел, когда его малознакомые люди называли Севкой да ещё и Бобром, как голоного пацана. И наш наставник, не выдержав наглости, как дал с правой руки чиновнику посольства, что тот присел на попу.

— Иди на х..., дурак! — Прошипел Михалыч, и пошёл за командой на скамейку запасных.

А я вспомнил, что в 1974 году что-то подобное произошло с работником Советского посольства в Финляндии. И тогда Боброва после двух побед на чемпионатах мира в Москве и

в Хельсинки, отстранили от сборной и вообще убрали из отечественного хоккея.

«Неужели я своим вмешательством в историю спорта ускорил событийный ход? — думал я, сидя на лавке и немного выключившись из перипетий сложного матча. — Что ж теперь будет-то? До Олимпиады снять Боброва точно не должны, а потом, всё что угодно может случиться».

— Тафгай, на смену! — Окрикнул меня Всеволод Михалыч. — Не спать, не спать, — похлопал он меня по спине.

— Не спи художник, не спи, — улыбнулся я и поехал на точку вбрасывания.

Не знаю что случилось, но вбрасывание я опять проиграл. Очень хорошо против меня сегодня действовал на точке Пальмквист. Хотя, скорее всего, не хватало элементарной концентрации внимания из-за отсутствия нормального отдыха. Атаку закрутили шведские хоккеисты самую простую, Юханссон пересёк центральную красную линию и пальнул шайбу в нашу зону.

И первым до шайбы добрался наш защитник Саша Куликов. Я открылся за синей линией, для паса. Но вдруг непослушный и капризный черный диск соскочил с крюка клюшки Куликова и выкатился точно под бросок Бьёрну Пальмквисту. Мощный щелчок и восемь тысяч человек ледового дворца разом заорали от восторга — 4: 4. Чуть ли не вся шведская команда высыпала через борт поздравить Пальмквиста. А защитник Саша Куликов и вратарь Володя Минеев рухнули без сил на лёд.

— Ещё играть и играть! — Крикнул я, подъехав ближе. — Подъём, мать твою, почки простудите! Красавцы.

«А сил-то почти не осталось, — подумал я, посмотрев на табло «Йоханнесховс» арены. — Только знать об этом никому не надо».

После пропущенной шайбы шведы с удвоенной силой бросились нас добивать, но прекрасная игра Володи Минеева к счастью держала нас в игре. Ведь пропусти ещё шайбу, даже на финальный штурм не хватило бы сил. Но внезапно, как это в хоккее бывает сплошь и рядом, пятёрка Астафьев — Ляпкин — Скворцов — Федотов — Якушев, которая всю игру была в тени, выдала красивейшую комбинацию, которую мы наигрывали только в «Торпедо». Наверное, Скворец рассказал, как взломать «шведские редуты». Именно он начал атаку по левому краю, красиво обыграл своего оппонента и влетел в зону атаки, где тут же резко затормозил. Одновременно с этим манёвром Федотов и Якушев побежали на ворота хозяев, уведя за собой почти всю пятёрку противника. А на ударную позицию, на свободный лёд выкатился Юрий Ляпкин из Воскресенского «Химика». Пас от Скворцова, шикарный щелчок защитника в касание и пожалуйста, вынимайте шайбу из ворот. Она где-то там, в сетке запуталась.

Теперь пришёл и наш черед, перепрыгнув через борт, высыпать на поле, чтобы обнять Ляпкина, Скворцова и всех кто попадётся под руку. И пока восемь тысяч шведских человек грустили, мы радовались — 4: 5, наша!

— Михалыч, ты чего пригорюнился? — Спросил я главного тренера, который задумчиво стоял около борта.

— Да, ерунда, — кисло улыбнулся он. — Всё проходит, пройдёт и это.

— Ты Всеволод Михалыч запомни, я тебя в обиду не дам. Повоюем ещё! — Сказал я и пожал руку нашему легендарному наставнику.

После последней игры скандинавского турне, по хорошей спортивной традиции устроили вечернее досуговое мероприятие — «барбекю». В ресторане на церемонии поедания закуски и распития спиртных напитков присутствовали хоккеисты и тренерские штабы сборных Швеции и СССР, а так же представители нашего посольства, мэри Стокгольма и федераций хоккея наших стран.

— С финнами пили после каждой игры, а эти один фуршет зажали, — зло шепнул мне на ухо Саша Мальцев, пока чиновники распинаясь друг перед другом, толкая длинные речи.

— Да начхать, — хмыкнул я. — Если честно — устал я от турне, последнюю игру еле-еле отбежал, домой хочу. А завтра ещё по магазинам нужно помотаться, прикупить дефицита для страны победившего социализма.

— Джинсы что ли с «пластами»? — Заинтересовался Мальцев. — Ерунда, деньги нужны копить на японскую аппаратуру. — Шёпотом добавил нападающий. — В Саппоро за двести зелёных магнитофон возьму, в Союзе за две тысячи сдам.

— Так подсудное дело доллары хранить, их же изъять должны по прибытию в Союз? — Удивился я, кое о чём догадываясь сам.

— А ты докажи, что я их в Стокгольме не пропил? — Усмехнулся Саша Мальцев. — Пойду с Харламовым выпью. Михалыч сказал, что сегодня можно.

Я посмотрел на Всеволода Михалыча, который с трудом на празднике выжимал из себя улыбку и подумал: «Сейчас перед Олимпиадой все нервы мужику вымотают. Потому что ударить рабочего, колхозника или простого инженера за дело в СССР можно, а вот чиновника трогать нельзя, так как чинуши и есть настоящий победивший в Союзе класс, который только маскируется под слуг народа. Даже мы, хоккеисты, не можем за границей получать денег больше, чем работники посольства. А при чём здесь вообще эти лодыри и бездельники? Когда это мы на льду пашем, зарабатывая валюту и международный авторитет для всей страны».

Мне сразу же вспомнилась жуткая история, которая произошла, точнее ещё произойдёт, с нашим прославленным вратарём обладателем «Золотого мяча» Львом Яшиным. Его пригласили от производителя сигарет «Camel» на чемпионат Мира в Испанию 1982 года, оплатив все расходы. А за несколько дней до отъезда Яшину сообщили, что он никуда не поедет, так как в ЦК КПСС запретил рекламировать медикаменты и табачные изделия. И тогда вратарь в приватной беседе с Никитой Симоняном сказал: «Пошли они все к чертовой матери, скоты, которые за наш с тобой счет разъезжают на черных лимузинах, бесплатно обжираются и докладывают на самый верх: «Наша сборная — чемпион Европы, наша сборная выиграла Олимпиаду». Как будто это их заслуга». В итоге Яшина, как следует промурывжив, всё же выпустили из страны, а по возвращению из Испании Льва разбили инфаркт и инсульт.

— Нелюди, — пробормотал я себе под нос.

В этот момент в ресторане заиграла музыка, ведь кроме наших команд тут гуляли и другие люди, которым хоккей вообще был до лампочки. И эти люди хотели танцевать. Кстати, шведы пришли на фуршет с подругами и жёнами, кое-кто из которых внешне был очень даже ничего.

— Куда руки тянешь? — Хлопнул я по «паклям» Борьки Александрова, который

потянулся за коньяком. — Выпили по бутылке пива, съели мяса и спать. — Сказал я это ему и Сашке Скворцову.

— Ты прямо как батя, — недовольно пробурчал «Малыш». — Всё значит, имеют право на коньяк, а мы со Скворцом не имеем даже возможности отметить его и моё попадание на Олимпиаду?

— Конечно, имеете, — согласился я. — Только отмечать такие события нужно не коньяком, а заброшенными шайбами на этой самой Олимпиаде и золотыми медалями. Век хоккеиста короток, случайная травма и пойдешь ты без образования пивом в ларёк торговать. А травмы — это прямое следствие нарушения спортивного режима. Пока в одной тройке играем, вот вам коньяк. — Я показал свою огромную кулачину.

— Не надо в ларёк, — усмехнулся Саша Скворцов.

Кстати, о Скворцове. Сразу после матча в раздевалке главный тренер Всеволод Бобров зачитал список тех, кто поедет на Олимпиаду, а кто нет. Из защитников отцепили нашего горьковского торпедовца Володю Гордеева, а из нападающих — армейца Москвы Бориса Михайлова, который из-за травмы колена выбыл на месяц. Соответственно дебютант Скворцов в сборной остался. И, между прочим, в скандинавском турне, если смотреть полезность и количество набранных очков, то Александр оказался лучше нападающих Шалимова, Свистухина, Якушева и Михайлова. Для дебюта результат фантастический!

Скворец таким макаром не только в Японию хоккейным туристом поедет, он и в третью тройку пробьётся, а возможно и во вторую. Так как после матча защитник Валера Васильев заявил, что со «стукачом» Викуловым играть в одном звене не намерен. Всплыли какие-то их старые счёты. Поговаривали, что Володя Викулов один раз «настучал» Тарасову, что Васильев с похмелья приехал на сбор сборной команды. В общем, куда мы без дрызг. «Грустно, девицы!» — как бы сказал Остап Бендер.

А веселье между тем шло своим чередом. Шведы с подругами танцевали, наши, разбившись на группы по интересам, по большей части выпивали и закусывали. Я же с Александровым, Скворцовым и Минеевым старался налегать на рыбную нарезку и прививал молодым парням прелесть здорового образа жизни.

— Нет, ты Иван скажи, а как нам после игр расслабляться? — Настаивал на своём праве на «наркомовские 100 грамм» Боря Александров.

— Когда завтра утром эти «гаврики» будут бегать по гостинице с большой головой и искать анальгин, либо опохмелку, — я кивнул на старожилов сборной СССР, — вы встанете свеженькие и весёлые. А нервы лучше всего успокаивать — прогулкой, книжкой и с хорошей барышней, кхе, в кино можно сходить.

— Рыбалка ещё подходит, сидишь на берегу думаешь о чём-нибудь, — поддакнул вратарь Володя Минеев, который тоже сказочным образом из третьего вратаря автозаводской команды заскочил на подножку, уходящего поезда в японский Саппоро.

— Иван, — внезапно дернул меня за плечо Всеволод Бобров, он как взял один единственный фужер с шампанским, так и ходил с ним весь вечер. — Отойдём, поговорим.

— Вы молодые запомните, — сказал я, прежде чем отойти с главным тренером перетереть тет-а-тет. — Это вы пока тяните, пока здоровые вы всем нужны, с вами все хотят выпить. А потом, когда организм посыпется, вам же буду с трибун кричать: «Скворец на пенсию пора! Миней — дыра! Разом Александров Боря, может выпить водки море!».

— Не в рифму, — обиделся «Малыш».

— Не в рифму? Зато — правда. — Закончил я свою короткую лекцию, прежде чем

оставить парней одних.

С Севоём Бобровым мы вышли в фойе гостиницы, где не так громко гремела музыка, и я посмотрел на Михалыча с немой вопросом на лице, дескать «что?».

— Сегодня у нас пока 24-ое, — на немой вопрос ответил наставник. — Завтра 25-ое у вас свободное для магазинов время. 26-го мы уже в Москве. Где ты будешь 27-го, если 29-го утром вся сборная должна быть уже в «Новогорске», так как 30-го вылетаем в Японию?

— На два дня слетаю в Горький, — пожал я плечами, представив, как обниму и зацелую Варю.

— Нужно, чтобы ты со мной пошёл на заседание Федерации утром 27-го числа. — Сказал Всеволод Михалыч с виноватым лицом. — Заночуй у меня дома на пару дней, выделю тебе на кухню отличную раскладушку. Сам понимаешь, что может случиться на заседании. Как бы я не сорвался в пике.

— Н-да, — пробормотал я, размышляя на тему, что красавица Варвара может и не дожидаться меня со спортивных фронтов. — Ладно. Как-нибудь с личной жизнью, ну, погоду. Не дрейф Михалыч прорвёмся.

Когда я появился снова в ресторане, то первым делом бросил взгляд на нашего переводчика, ведь очень многое будет зависеть от того, какой отчёт он напишет об инциденте с работником посольства своему шефу в КГБ. И о чудо! Виктор Алексеевич отошёл по своим делам в «укромный уголок», а бутылочку пива свою оставил на столе открытой. «Как всё-таки похожа наша жизнь на хоккей, — подумал я, подливая в пиво комитетчику водку. — Она даёт тебе один мизерный шанс, так используй его или умри. Сейчас мы этого переводчика из надзирателя, сделаем нашим покрывателем».

После своего нехорошего поступка, в котором, впрочем, не раскаивался, я подбежал к тройке выпивающих друзей: Мальцеву, Харламову и Васильеву.

— Мужики, срочно нужно бахнуть с Виктором Алексеевичем, за мир, за дружбу, за хоккей, — громко сказал я, перебивая музыку в зале.

— Сразу три тоста не закусывая? — Уточнил Валерка Васильев.

— А тебе слабо? — Усмехнулся его тезка Харламов.

— А как же спортивный режим? — Криво улыбнулся динамовский защитник.

— В Японии режимить начнём, — подтолкнул своего одноклубника Саша Мальцев к месту за одним большим столом, куда вернулся переводчик.

— Саша, главное чтобы он всю бутылку пива выпил целиком, — успел шепнуть я Мальцеву. — Иначе шутка юмора не сработает.

— Сделаем, — хохотнул нападающий «Динамо».

Не знаю, что говорили Мальцев, Васильев и Харламов переводчику Виктору Алексеевичу, но через пять минут, Саша мне кивнул, что пора, народ для веселья готов. И я тут же подбежал к ним.

— Виктор Алексеевич, нужно срочно толкнуть тост нашим шведским друзьям, — я показал на изголовье длинного стола, где сидели представители мэрии Стокгольма и наш посол в Швеции. — Мы ведь по-английски ни бельмеса. Выручайте, Виктор свет Алексеевич.

Переводчик встал со стула и резко покачнулся, но сам зафиксировал своё тело в устойчивом положении.

— Что я должно перевести товарищам послам? — Спросил он, посмотрев на меня одним глазом, чтобы я меньше раздваивался.

— Гитлер капут, — хотел было подсказать Васильев, но я ему отвесил легкую затрещину.

— Сказать нужно следующее, что мы мирные люди и хотим выпить за крепкую спайку шведского и советского народов. За гуманизм, за дело мира, за Родину, за Сталина, Ура!

— Хороший тост, — громко икнул переводчик. — Я потом его себе запишу.

Товарища переводчика к изголовью стола мы подвели уже под руки, так как адская смесь из пива и водки стремительно отравляла незамутнённый рассудок комитетчика Виктора Алексеевича.

— Господа, — начал он по-русски, глядя мутным взором на ошалевших представителей Стокгольмской мэрии. — За Родину! За Сталина! Ура! — Выкрикнул так же по-русски переводчик и пластом лёг в наши руки.

— Пардон месье! — Вышел я на передний план. — Рашен водка — это бэд комедиан. За Улофа Пальме и за Леонида Брежнева, за фройндшип, ура!

Услышав имя шведского премьер-министра Улофа Пальме, представители мэрии Стокгольма улыбнулись и тоже крикнули «ура». «Ну, вот и ладушки-оладушки, где были? На фуршете у бабушки, — улыбнулся я. — Теперь напишем коллективное письмо от команды, что берём за досадную оплошность переводчика на поруки и дело в шляпе».

* * *

На следующий день 25-го января точно к открытию ровно к одиннадцати часам дня я, Александров, Скворцов, Минеев, Куликов и Фёдоров подошли к магазину музыкальных инструментов, что располагался в центральной части города на острове Сёдермальм. От гостиницы всего пять километров, чтобы сэкономить драгоценную валюту за проезд, мы прошли пешком. За одно и город посмотрели, не из автобуса экскурсионного автобуса, а так воочию. Чистенько, миленько, бульжные дороги, старенькие, словно из сказки, но в хорошем состоянии домики, дома и правительственные здания.

— Культура, — высказался коротко об увиденном Боря Александров. — Даже плевать на тротуар не хочется.

— Да, это тебе не село, — усмехнулся Саша Скворцов. — Где грязи по самое не балуй.

Но лично я, пока мы гуляли, усиленно в уме пересчитывал доллары в рубли и обратно. Сейчас в моём кармане покоилось 2510 долларов США. Если бы поступить, как предложил Саша Мальцев не тратить эту сумму в Стокгольме, а купить в Японии 12 магнитофонов за 200 зелёных каждый, и за две тысячи продать их в Союзе, то мы бы выручили 24 тысячи или по 4 тысячи рублей на человека. Это раз.

Второй вариант, выходил более энергозатратный, но и более денежный. Сейчас берём здесь 8 электрогитар, дома продаём их за 3 тысячи рублей, покупаем доллары на чёрном рынке по курсу 1 к 6, то сеть всего 4 тысячи долларов. И из Японии везём уже 20 магнитофонов. Тогда на руки каждому капала сумма по 6 тысячи 600 рублей. А ведь за победу на Олимпиаде, если конечно мы победим, получим ещё по 400 долларов на человека. Это ещё дополнительно 2 тысячи 400 рублей на человека. Всего 9 тысяч целковых, или автомобиль «Волга».

— Ну, так что будем делать? — Вывел меня из розовых мечтаний друг Боря Александров, когда мы вошли в магазин, где в длинный ряд стояли гитары, барабанные

установки и синтезаторы. — На все покупаем или часть денег оставим на подарки?

— А я вот сейчас поговорю с мистером Андерсеном, — сказал я, увидев спортивного агента, который хотел меня увезти в «Бостон Брюинз» так сильно, что сейчас улыбался, словно лакей перед важным господином. — Мистер Андерсен является совладельцем этого магазина. — Соврал я. — Вы пока осматривайте товар на предмет царапин, сколов и повреждений, нам херня всякая в СССР не нужна, у нас ей и так все полки в магазинах забиты. Я же поговорю с человеком. Хэлло мистер Андерсен!

Спортивного агента я почти силком вывел на улицу и отвёл подальше от магазина. Не хватало, чтоб моя молодёжь услышала, как я Родиной торговать собираюсь.

— Вот контракт, — сразу перешёл к сути агент. — Я думаю, что мы можем хотеть миллион двести тысяч долларов в год. Сто тысяч в месяц — очень хорошие деньги!

— А подъёмные? — Недовольно забурчал я, рассматривая напечатанный на английском экземпляр в поисках дописок очень маленьким шрифтом. Именно в них иногда пряталась вся суть обмана. — Проси ещё полмиллиона и контракт не больше чем на два года. Так как зарплаты вырастут, зачем я буду за 100 тысяч в месяц горбатиться. Тебе ведь тоже процент с этого капать будет.

— Пятьсот тысяч подъёмные? — Почесал голову, сдвинув в сторону шляпу агент. — Сначала ехать в тренировочный лагерь, а затем уже просить подъёмный.

— Значит, слушай сюда, — я вернул бумаги мужчине. — Скоро, в сентябре этого года пройдёт матчевая серия СССР против лучших игроков НХЛ. Я ручаюсь, после этой серии мне подъёмных дадут миллион и минимум 200 тысяч в месяц. Но это ещё не всё. Сегодня я улетаю в Москву и некогда мне твои бумажки рассматривать. Снова в Стокгольме я буду в марте. Составишь другой договор, по которому я обязуюсь приехать в США летом 1977 года, где ты будешь моим агентом. За эти пять лет ты права на меня сможешь перепродать несколько раз, заработав на этом очень крупную сумму.

— 1977? — Ахнул агент.

— У меня до 1977 года контракт с Родиной. Пока я для СССР всё не выиграю, никуда не поеду. В 76 году пройдёт первый Кубок Канады и тогда хорошо. Но это ещё не всё. Ты должен прямо сейчас доказать, что очень хороший агент. Вот тебе 2 тысячи 100 долларов. На них ты должен купить 8 электрогитар фирмы «Gibson». Две басуки, они дешевле и шесть шестиструнок, которые дороже. Чего загрустил? Ты на одной перепродаже прав на меня проживешь припеваючи. Поверь, это очень выгодная сделка. Ну, по рукам?

— Давай свой деньги, — пробубнил обиженно спортивный агент. — А ты меня не обмануть?

— В марте подпишем контракт, и заживешь ты как в шоколаде, слово советского хоккеиста. — В подтверждении своих слов я хлопнул мужчину по плечу, чтоб он прочувствовал всю мощь моих стальных мускулов.

«Ну, ты Ваня и ловчило, — зашипел голос в голове. — Я бы тебе палец в рот не положил. Обманешь чудика?».

«Во-первых, ты бы палец не положил, так как у тебя его нет, — недовольно пробурчал я в ответ. — А во-вторых, ложь считают первым признаком слабоумия. Кубок Канады состоится в сентябре 1976 года, мне тогда уже будет 30 лет, и я спокойно объявлю, что это мой последний год в хоккее. А в США уеду после чемпионата Мира в Вене весной 1977 года. А билет мне организует мистер Андерсен, мой хоккейный агент».

Среда 26-го января тоже прошла в суете и беготне, в погоне за деньгами. Сначала, из аэропорта Шереметьево все восемь гитар, упакованных в специальные кейсы, я и Боря Александров привезли в квартиру Саши Мальцева. Он тогда жил на проспекте Мира в странном «Доме на сваях» напротив ВДНХ. «Ничего, — успокаивал я себя, — сейчас крутану эту коммерческую комбинацию и надолго забуду про финансы. Пора сосредоточиться на самом главном — на хоккее».

Затем я созвонился с музыкальным продюсером Мишей Плоткиным, договорились на четыре часа дня произвести обмен музыкальных инструментов на денежные знаки на репетиционной базе в ДК на Варшавском шоссе. Потом я долго пытался дозвониться в Горький в редакцию газеты «Горьковский рабочий» чтобы поговорить с Варварой. К сожалению, безрезультатно, Варя была на выезде.

И лишь пару часов мне удалось покемарить у Мальцева на неудобной раскладушке, прежде чем мы, вызвав два такси, полетели через всю Москву толкать фирменные «Гибсоны» местному отечественному музыкальному бомонду.

Всё, что в жизни есть у меня,
Всё, в чём радость каждого дня
Всё, о чём тревоги и мечты —
Это всё, это всё ты...

На маленькой сцене скромного ДК, когда мы с Борей занесли туда целую кучу гитар, репетировали наши ребята из «Лейся, песни»:

Всё, что в жизни есть у меня,
Всё, в чём радость каждого дня
Всё, что я зову своей судьбой,
Связано, связано только с тобой...

— Привет чемпионам! — Заорал со сцены, бросив тренькать на гитаре Колян.

— Физкульт-привет! — Ответил я, кивнув Ирине Понаровской, с которой мы хоть и хорошо расстались, но встречаться с бывшими не всегда комильфо. — Где ваш Карабас-Барабас? Мальвину вижу, Пьеро тоже на месте, и Буратины в наличии, где владелец вашей бродячей труппы?

— Тучочки я, — выскочил из боковых дверей в зрительный зал маленький чернявенький мужичок, одетый по последней моде. — Привезли?

— Фирма гарантирует высшее качество своих услуг, — козырнул Боря Александров. — Восемь штук, как заказывали.

— Мы же договорились на три? — Опешил маленький Карабас-Барабас.

— Я смотрю, ты совсем советские газеты не читаешь, — хмыкнул я. — В них черными чернилами по белой бумаге написано, что страна от нас ждёт перевыполнение пятилетнего плана. Вот и мы, хоккеисты, не смогли остаться в стороне и перевыполнили план на двести с лишним процентов. Чего не сделаешь ради светлого будущего. Гони четыре тысячи долларов

США, а то у нас ещё дел по горло.

В это время музыканты спрыгнули со сцены и полезли открывать заветные кейсы.

— Руки! — Гаркнул Борис. — Руки сначала надо мыть, а потом уже оставлять свои пальцы на первоклассном товаре. Лет через тридцать такие гитары будут стоить полмиллиона, а может и больше. — Добавил он информацию, которую почерпнул от меня, когда я ему рассказывал что такое инфляция и с чем её едят.

— Полмиллиона чего? — Почесал затылок продюсер Миша.

— Долларов конечно, — ляпнул «Малыш». — Инфляция, финансовая пирамида МММ Нью-Йоркская фондовая биржа, и всё такое прочее. Газеты нужно хоть иногда почитать. Золото скоро в рост пойдёт. Поэтому отдаём гитары почти даром.

— Ладно, — согласился, хитро посмотрев на нас Плоткин. — Вижу товар отменный. Три гитары берём себе, остальные разбросаю по знакомым. Но, деньги только через два дня. Сумма не малая, и с Ивана ещё одна песня для первого сольного альбома.

— Песня не проблема, — опять брякнул, не подумав, Александров и уселся на зрительское кресло смотреть, как я сочиняю очередной шедевр советской эстрады.

— Да, Иван, напиши для нас и меня ещё что-нибудь, — улыбнулась обворожительной улыбкой Ирина Понаровская.

«Обложили гады, гонят весело под номера», — подумал я, понимая, что сочинить мне больше нечего!

— Через два дня, как буду деньги, сочиню, — соврал я, глядя честным немигающим взглядом на Плоткина и его ансамбль.

— Хорошо, не можешь «Листья жёлтые» или «Мой адрес Советский союз» не надо, — заканючил продюсер. — Напиши что-нибудь совсем простое. Одной песни не хватает для пластинки. Хоть «В траве сидел кузнечик». Хотя бы припев, остальное сами досочиним!

В поддержку Карабаса-Барабаса жалобно заголосила и вся его бродячая труппа.

— Стоп! — Вскрикнул я. — Хватит! Фууу, — выдохнул я, собираясь с мыслями. — Принесите из буфета кофе и дайте пять минут. — Сказав это, я принялся медленно вышагивать между рядов небольшого скромного актового зала.

— Сейчас, «во» песня будет, — уверенно заявил «Малыш», показав большой палец. — Ручаюсь.

«Ручается он, — зло подумал я. — Что я песенная дойная корова? Чижик пыжик, где ты был, я на свадьбе водку пил... Стоп! Свадьба! Да! Свадьба будет она не ладна с тамадой и с конкурсами кто больше выпьет водки! Кому-то напиться и погулять, пощупав подружек невесты, а кому-то потом с этой невестой жить несколько мучительных лет».

— Записывайте! — Махнул я рукой музыкантам. — Среди обычаев прекрасных, Мне вспомнить хочется один. — Я стал начитывать текст песни как стихи Блока. — Тот символ верности и счастья! От юных лет и до седин! А дальше так. — Я стал хлопать в ладоши и притоптывать ногой. — Оп, оп, оп, оп! Ах, э-э-тот миг неповторимый, Когда стучат, стучат взволнованно сердца! Тэц, тэц! И не забыть, бам, бам, как мы дарили. Друг другу нежно, нежно, нежно два кольца! Танцую все! Обручальное кольцо, бэмс, бэмс, бэмс, бэмс! Не простое украшеньё! Туц, туц! Двух сердец оно решенье, туду, ту! Обручальное кольцоооо! Ху, примерно так.

— Это же хиятра на все времена! — Подскочил на месте Плоткин. — Ну, Тафгай — ты гений! Будет тебе через два дня 4 тысячи 100 долларов США. Продано!

На следующее утро в четверг 27-го января в здании на Лужнецкой набережной состоялось очередное заседание Федерации хоккея СССР. На повестке дня стоял вопрос об утверждении окончательного состава сборной команды на олимпийский хоккейный турнир в Саппоро. Вёл собрание, на котором присутствовало множество чиновников разного уровня, несколько корреспондентов из центральных печатных изданий и всего пять отечественных тренеров, ответственный секретарь Федерации Андрей Васильевич Старовойтов. Присутствовал на заседании с раскальвающейся головой и я, так как полночи общались за жизнь на квартире у Саши Мальцева с Харламовым, Васильевым и Борькой Александровым.

— Расскажи, Тафгай, что нас всех ждёт в будущем? — Пригубив шампанского, спросил Валера Васильев.

— Будущее, парни, оно ведь может и измениться, — начал неопределённо я. — Я примерно могу обрисовать, что нас ждёт в грядущем, но это будут скорее мои фантазии.

— Давай, фантазируй, — кивнул Саша Мальцев.

— Значит Мальцев, — задумался я ненадолго, перебирая в уме, что про него читал. — Этим летом встретишь девушку полумесяцем бровь. И проживёте вы с ней долго и счастливо.

— А я? — Подскочил на кресле Валерка Харламов.

— У тебя с личной жизнью пока ничего. — Не стал врать я. — Или проще говоря, бардак. А утомнишься ты где-то года через три. Но весной 1976 года попадёшь в аварию, получишь серьёзную травму ноги. И вообще лучше тебе после 80-го года закончить здесь с хоккеем и перебраться в Испанию.

— Решили же уже, все вместе уедем! — Обиделся Харламов. — Как только родителей в Бильбао перевезти, вот задача.

— Ерунда, — махнул рукой я, отхлебнув кофейку. — Деньги надо копить. Дадим денег кому надо, выпустят. Поэтому пьянству бой.

— А я? — Очнулся задремавший на диване Боря Александров. — Как же я? Один что ли останусь тут в СССР?

— Тебе в 80-ом году будет всего 24, самый рассвет карьеры. — Ответил я. — Если будешь режимить, то станешь звездой похлеще Мальцева и Харламова. Тебя из Союза не выпустят. Будешь капитаном сборной и не спорь. Ближе к 90-ым тебя заберём.

— А про меня что скажешь? — Спросил Валера Васильев.

— Скоро тоже познакомишься с хорошей девушкой, но бухать завязывай, иначе в Испанию не возьмём. — Пробормотал я, клюя носом в тарелку с салатом.

И хоть сидели у Мальцева почти без алкоголя, спать улеглись лишь под утро. Вот башка у меня сейчас и трещит, ведь тренер, зараза, за мной не следит.

Естественно, выступающим на заседании Федерации сегодня был один Всеволод Михайлович Бобров, с которым мы договорились так, если будут неприятные «набросы», чтобы он сначала посмотрел на меня, а уже затем обижался на критику. Ну и конечно я пообещал, что в самый жаркий момент что-нибудь придумаю. Но первая часть доклада, где Бобров показал подробную статистику на каждого игрока, который поучаствовал в скандинавской серии игр, прошла гладко и вопросов вызвала минимум. Особенно она

заинтересовала тренера «Динамо» Аркадия Чернышёва, наставника ЦСКА Анатоли Тарасова, тренера «Крыльев» Бориса Кулагина и немного Юрия Баулина, возглавлявшего первый сезон Московский «Спартак».

— Сколько раз я поднимал вопрос об эффективной спортивной статистике?! — Вскочил из хвостовой части длинного стола, где ютились все хоккейные специалисты, Анатолий Тарасов. — Вот как надо её вести. Полезность. Первый пас, второй пас и заброшенная шайба. А то один пашет на льду, а другой только стоит у штанги клюшечку подставляет, а в статистике это не отражено.

— Идея с такой статистикой замечательная, — поддержал коллегу Чернышёв. — Обязательно этот опыт нужно внедрять со следующего сезона в высшей лиге.

— А у меня вопрос другой. — Встал Юрий Баулин. — Почему мои спартаковцы так мало играли? Судя по вашей же выкладке?

— Я сборной команде не враг, — тяжело вздохнул Сева Бобров. — Но твои ребята в неважной форме. Мастера они замечательные, а ошибок допускают много. Да и «Спартак» твой очень сильно отстал в чемпионате от тройки лидеров. — Бобров показал рукой на большую, словно расписание поездов на вокзале таблицу чемпионата СССР, которая висела тут же в кабинете Федерации хоккея. — Вот Юрий Николаевич, смотри сам.

— Ладно, с этим делом ясно, — прервал беседу тренеров секретарь Федерации Андрей Старовойтов. — А не слишком ли у тебя Всеволод Михалыч молодые дебютанты в команде? Я имею ввиду Александрова, которому всего 16 лет и Скворцова, которому 17? Почему ты отказался от более опытных мастеров из «Крыльев советов» Лебедева, Бодунова и Анисина, а так же спартаковцев Зимина и Шепелева. Зачем везёшь на Олимпиаду Свистухина и Федотова, лучше никого что ли нет?

— Александров стал лучшим бомбардиром приза «Известий», — начал немного «заводится» Бобров. — Скворцов показал себя прекрасно в скандинавском турне. Вот вам наглядная статистика. А Николай Свистухин и Александр Федотов игроки, конечно не звёздные, но они оба центральные нападающие. А с центрами у нас в чемпионате СССР просто беда...

«Всё, выручил переводчик, — усмехнулся я про себя, когда на заседании Федерации стали обсуждать хоккей и хоккеистов, а не около спортивные дела. — Написал в отчёт про Севу Боброва всё как я и попросил, то, что в команде атмосфера рабочая, доброжелательная, главный тренер ответственный, следит за дисциплиной и так далее. Переводчик теперь у нас в долгу, то есть на крючке».

— Предлагаю, голосованием утвердить состав сборной страны, предложенный нам Всеволодом Бобровым. — Улыбнулся Старовойтов. — Кто «за» прошу поднять руки.

— Давайте с голосованием пока не будем спешить, — внезапно сказал Виталий Смирнов, заместитель руководителя всего советского спорта. — У меня есть одна бумага. Попрошу с ней ознакомиться. — Смирно протянул листок с каракулями секретарю Федерации Старовойтову, и на какое-то время в комнате повисла пауза.

«Выждали, суки, — выругался я про себя. — Сейчас клевать начнут. И такая нервотрёпка перед самой Олимпиадой! Глумятся, наслаждаются». Тем временем кляуза, а это было именно она, проползла словно чума вдоль всего стола, где как бояре сидели чиновники.

— Что скажете на обвинение в избиение сотрудника посольства в Швеции? — Спросил Всеволода Боброва глава спорткомитета Сергей Павлов.

— Некрасивая ситуация, — крякнул секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Пастухов, который к спорту не имел никакого отношения. — Мы просто обязаны принять меры.

— Если вы обязаны принять меры, — вскочил я со стула, видя, что Севе Боброву стало плохо, — то почему не принимаете? Почему такие аморальные типы, как этот сотрудник до сих пор на свободе?! Почему чиновники, которые представляют нашу огромную и великую державу нажираются как свиньи в присутствии короля Швеции Густава Карла?! — Я буквально заревел как медведь, готовый растерзать любого на своём пути. — Как бы поступили с этим послом в годы войны? К стенке, без суда и следствия, как предателя Родины, сволочь такую? Предлагаю голосовать единым списком следующие предложения: кто за то, чтобы объявить товарищу Боброву благодарность, а сотрудника посольства уволить и отдать под суд, а так же кто за нашего дорогого Леонида Ильича Брежнева и за Коммунистическую партию Советского союза прошу поднять руки!

— Вы товарищ Тафгаев не имеете права вносить такие предложения на заседании, вы не член Федерации, — прохрипел внезапно осипшим голосом Виталий Смирнов.

— Ясно, я вижу, вам товарищи наша родная партия чем-то не угодила? Рот затыкаете конструктивной критике. Поговорим с вами в другом месте. — Махнул я рукой и сел на свое место на стульчик около выходной двери, рядом с прессой.

Вдруг в наступившей тишине кто-то громко пёрнул и вопрос с рассмотрением мерзкой кляузы был закрыт. Однако было официально объявлено, что в качестве наблюдателя в Саппоро поедет Аркадий Чернышёв. После чего наставник ЦСКА Анатолий Тарасов вскочил, что-то пробурчал ругательное себе под нос и, выбежав из кабинета, громко хлопнул дверью.

Когда я, сидя за рулём Бобровской «Волги» вёз Всеволода Михайловича домой к генеральскому дому у метро «Сокол», наш легендарный тренер и спортсмен несколько раз хватался за сердце и просил остановиться, чтобы выйти на улицу и подышать свежим морозным воздухом.

— Михалыч, может всё же в больницу? — Спросил я, когда мы уже въехали во двор его дома.

— Нормально, — пробубнил он. — Уже полегчало. А ловко ты перевёл стрелки на Леонида Ильича. Только это всё временно, всё равно найдут к чему «прикопаться». Снимут меня скоро. Не понимаю только за что?

— Не снимут, ты только Михалыч не глупи. — Я припарковал машину. — Не бей больше чиновников, прошу тебя. Олимпиаду возьмём, чемпионат СССР тоже. Вот в Праге будет нелегко. Прорвёмся тренер.

На кухне в квартире Боброва, где его супруга накормила нас вкусными пирогами, Всеволод Михалыч опять вернулся к вопросу — кому он перешёл дорогу?

— Сам думал, всю голову сломал и, кажется, понял, — признался я. — Шахматы у тебя есть?

— Играть сейчас? — Удивился Бобров.

— Шахматы великая игра, на них почти всё можно объяснить. Неси, найдём мы твоего, то есть нашего врага. Только радо выключи, раздражает.

Всеволод Михалыч, минут десять где-то рылся и, наконец, с помощью жены нашёл и принёс старую потёртую доску с черно-жёлтыми клетками и высыпал деревянные фигурки на стол.

— Расставлять? — Спросил он.

— Не обязательно. — Я взял белого короля. — Это самая главная фигура в шахматах. — После чего поставил фигурку на центр шахматной доски. — Это Брежнев. Далее это у нас Андропов. — Я рядом установил фигуру ферзя. — Конь — это маршал Гречко. Слон — Сулов. Ладья — Черненко. Пешки — это важная «шушара» поменьше. Брежнев сам захотел убрать из сборной Тарасова и Чернышёва и поставить тебя. — Я взял короля. — Но, кто главный в шахматной партии?

— Кто? — Переспросил Бобров.

— Тот, кто передвигает фигуры, тот, кто принимает решения и находится вне шахматной доски. — Я потряс в руке фигуркой короля. — Брежнев тебя назначил, по желанию того, кто принимает решения, он же тебя теперь и должен убрать. Слишком ты стал хорош и силён. — Очень тихо, почти шёпотом сказал я.

— Но ведь Леонид Ильич очень любит хоккей, — так же тихо прошептал Всеволод Михалыч.

— Прежде всего, он политик. Любит, не любит, сказано ему, что мы должны проиграть серию 1972 года профессионалам. Вот он и старается. Поэтому на провокации больше не реагируй. А на льду нас не остановить. В Праге только сложно будет, там чехословаки костями лягут.

— Постой, ты же сам говорил, что я эту серию проиграл, так чего меня тогда со сборной сняли в 1974? — Хитро улыбнулся, поймав меня на неточности, Всеволод Михалыч.

— Проиграть, то ты проиграл, но не так как нужно, — я стал загибать пальцы. — Первую важнейшую игру выиграл разгромно, 3: 7 — это раз. Заокеанскую серию игр, ты тоже выиграл — это два. И уступил на тоненького случайно в последней игре, где тебя устраивала ничья — это три. Ты проиграл не так как надо.

— Ну, ты Иван вообще того, — сказал Бобров, немного помолчав, чтобы переварить мою информацию, и покрутил пальцем у виска. — Какая тебе Брежнев шахматная фигура?

— То есть тебя не смущает, что Леонид Ильич в 1936 году был каким-то мелким комиссаром на танковом заводе, а в 1939 году уже стал секретарём партии Днепропетровска. А в 50-ом он уже депутат Верховного совета СССР. Кое-кто сильной рукой пешку двинул в дамки. Человек из ниоткуда вдруг превратился в члена правительства гигантской страны — это нонсенс. — Всю эту тираду я прошептал ещё тише, чем говорил до этого.

Бобров тяжело вздохнул и достал из шкафа графинчик с белой жидкостью, от которой пахло водкой, и налил себе маленькую рюмашку.

— А вот с этим делом Михалыч, тебе придётся завязать. — Я ткнул пальцем в рюмку. — Я тебе про будущее не всё рассказал. Ты умрёшь летом 1979 года, что-то там с тромбом случится. Подумай о семье и о себе. Первая причина всех болезней нервы и эта гадость, которая, кстати, нервы ещё больше расшатывает.

Тренер снова тяжело вздохнул, и отодвинул рюмку подальше.

— А чего я, собственно говоря, переживаю? — Вдруг спросил сам себя Бобров. — Едем в Японию — побеждаем, а дальше видно будет. Побарахтаемся. Я им не шахматная фигурка, — сказал он, погрозив кому-то кулаком в потолок.

— Правильно, давай ещё пирогов с чаем. — Обрадовался я. — А то у Мальцева кроме пельменей в холодильнике нет нихрена.

В субботу днём 29 января во дворце спорта центрального стадиона имени Ленина состоялась фотосессия и встреча с журналистами. Нашей сборной наконец-то привезли из Горького новую хоккейную форму, над дизайном которой я сам же и поработал. А когда хоккеисты надели красные именные свитера с огромными звёздами на груди, внутри которых был серп и молот, фотографы ахнули. И после общей фотографии один из работников с фотоаппаратом из газеты «Советский спорт» двинул в народ гениальную идею:

— А давайте я вас щёлкну для настенного календаря. Кого индивидуально, а кого группами по два или по три человека?

— Индивидуально — это кого? — Подъехал к фотографу Боря Александров.

— Как кого? Харламова, Мальцева и Якушева, — простодушно ответил сотрудник «Советского спорта».

— Иди в жопу, — коротко ответил юный гений прорыва и покатил стрелять по воротам Минеева, ведь тренировку сегодня никто не отменял.

— Иван, — меня окликнул телекомментатор Николай Озеров. — Скажи пару слов для программы «Время».

— Здравствуйте, — я подкатил к здоровенной телекамере и встал под луч прожектора. — Слушаю ваши вопросы Николай Николаевич?

— С каким настроением едете на свои первые в жизни Олимпийские игры? — Улыбнулся телекомментатор.

— Настроение у команды боевое, никакой недооценки соперника нет. Но всё же, главные наши противники на играх — это сборная Швеции, с которой мы очень тяжело сыграли в скандинавском турне и сборная Чехословакии, которая будет стараться взять реванш за поражение на призе «Известий». Поэтому товарищи телезрители, болейте за нас у своих телевизоров и верьте в нашу удачу. За котов!

— Спасибо за интервью, — засмеялся Николай Озеров и тут же меня окликнул работник стадиона:

— Тафгай, срочно к телефону, жена рождает!

Хоккеисты те, кто гонял шайбу, разом остановились и с удивлением уставились на меня.

— Спокойно товарищи! Это у друга жена рождает, наверное, нужно что-то из медикаментов привезти, — пробурчал я и пошагал к телефону в служебную комнату с неоднозначными чувствами.

«Кто? — ломал я голову. — Неужели я сделал то самое неосторожное движение кому-то из сборной города по лыжным гонкам? Так рано ещё рожать? Я вообще здесь в прошлом провёл всего пять месяцев? Хотя тут ведь жил до меня один отчаянный товарищ. Всё может быть».

— Алло? — Спросил я наглуую незнакомку, взяв телефонную трубку.

— Здравствуй, Иван, это я! — Крикнула на том конце телефонного провода Варя Варшавская. — Испугался?

— Да, испугался, звоню-звоню, а тебя всё на работе нет и нет. — Признался я, облегчённо выдохнув. — Что тебе из Японии привезти?

— Сам приезжай, поскорей! — Засмеялась Варвара.

Олимпийский турнир в японском городе Саппоро, промышленного и культурного центра острова Хоккайдо, для нашей сборной СССР, по сути, начался в понедельник 7 февраля в 11:30 по местному времени или в 5:30 по Москве. За два часа до игры сразу после ужина Всеволод Михалыч собрал команду у себя в номере. Кстати, поселили нашу команду, так же как и остальных спортсменов мужского пола в одном из простеньких пятиэтажных зданий, которые организаторы Олимпиады бесхитростно выстроили в ряд, как в каком-нибудь спальном микрорайоне Советского союза. Поэтому с первых дней в Японии мы чувствовали себя почти как дома.

На пятнадцатиминутном собрании старший тренер Сева Бобров сначала сказал несколько слов о первом матче с финнами:

— Счёт первой игры 9: 3 никого не должен вводить в заблуждение. Финские любители — это не заокеанские профессионалы. Но всё равно хочу отметить игру второй пятёрки: защитников Васильев и Гусев, нападающих: Мальцев, Петров и Харламов. Из девяти шайб забросили пять. Дважды отличились в большинстве. Харламов положил три, Мальцев — две. Молодцы.

— Ура! — Заголосил я и захопал в ладоши, и мой порыв поддержало большинство хоккеистов, а Харламов с Мальцевым встали и дружно поклонились. — Качай Михалыча! То есть качай Харламова!

— Потом покачаете, — заулыбался Всеволод Михалыч. — Первая пятёрка: защитники Фёдоров и Куликов, а так же нападающие Александров, Тафгаев и Скворцов, сыграла не так ярко. Всего две заброшенные шайбы, у Тафгаева и Александрова. Надо мужики прибавлять. И третья пятёрка: защитники Астафьев, Ляпкин и нападающие Викулов, Федотов и Якушев отыграли тоже достойно, две шайбы забросили. Володя Викулов у нас — молодец, отметился дублем.

— Качай «Губастика»! — Выкрикнул Мальцев и захопал в ладоши.

«Губастиком» армейские хохмачи прозвали Володю Викулова из-за мясистой и немного выпирающей нижней губы. Мы с Борей Александровым переглянулись и резко вскочив, подняли Викулова на руки.

— Отъе...есь! — Разволновался он, но с первого раза вырваться не смог.

— Куда нести Михалыч? — «Протрубил» я, перекладывая миниатюрного армейского форварда на плечо.

— Я же сказал, потом покачаете, — замахал руками Всеволод Михалыч. — Поставь Христа ради Викулова на место!

— Тяжёлый зараза, — пробормотал я и вернул нападающего туда, где он и сидел. — Отъелся ты, Володя, на японских котлетах. Смотри, всё Тарасову расскажу.

— В норме вес, в норме, — забухтел Викулов.

— По вратарям! — Повысил голос старший тренер. — Володя Минеев отстоял с Финляндией хорошо, но по предварительной договорённости на игру против шведов у нас выходит Виктор Сергеевич Коноваленко. Да и ещё составы пятерок остаются без изменений.

— А золотую медаль запасным тоже вручат? — Спросил Коля Свистухин, который, как Женя Паладьев и Виктор Шалимов, первую игру просидел на лавке.

— На глупые вопросы не отвечаю, — почему-то обиделся Всеволод Михалыч. — Все

двадцать человек — это одна команда. Займём первое место, все получают золото. Нормальные вопросы есть?

— У меня самый нормальный, я бы даже сказал человеческий вопрос. — Я поднял высоко руку вверх. — Почему девушек в Олимпийской деревне поселил отдельно за колючей проволокой в двух одиннадцатизэтажных зданиях? Как в таких невыносимых условиях крепить дружбу между разными народами?

— Правильную тему поднял! — Поддержал меня Володя Петров, центральный нападающий ЦСКА. — Вот, вчера американцы коньяка захватили, закуски и полезли через эту колючку к своим бабам американским, так их полиция скрутила, словно они к чужим лезли.

— А вдруг они и так к чужим лезли? — Резонно заметил Валера Харламов. — Кстати, давайте напишем письмо куда надо, чтобы разрешили доступ к женщинам для неженатых спортсменов. Кто «за» прошу поднять руки.

Всеволод Бобров посмотрел на лес рук и на наши наглые покрасневшиеся хари и совершенно серьёзно сказал:

— Я сейчас за переводчиком схожу, пусть он пересчитает тех, кто хочет стать «невыездным». — После этого неприятного слова, из-за которого про границу можно было забыть до «горбачёвской перестройки», руки моментально опали вниз. — Вам что, в Союзе баб не хватает?! Не о том думаете, товарищи хоккеисты, о шведах лучше подумайте.

— Ты на что намекаешь Всеволод Михалыч? — Спросил Мальцев, и вся команда разом легла от смеха. — Это же статья УК!

— Чтоб через пять минут все были в автобусе! — Гаркнул Бобров, перекрикивая наше ржанье. — Опоздавшие пойдут на арену пешком!

Справедливости ради надо заметить, что Олимпийская деревня находилась в шаговой доступности не от всех площадок, где шли соревнования. До ледовой арены «Макоманай» всего метров восемьсот, до одноименного стадиона, где прошла церемония открытия, и теперь соревновались конькобежцы, столько же. А вот до второго крытого катка «Цукисамо», где мы тренировались, уже было около пяти километров. Нашим же фигуристам и фигуристкам до катка «Микахо» вообще приходилось добираться целый час на автобусе. Зато биатлонисты с лыжными гонщиками соревновались неподалёку от нашего олимпийского квартала. А где выступали горнолыжники, бобслеисты и саночниками я вообще за первые семь дней в Саппоро так и не узнал, не до того было.

После товарищеского матча со сборной ФРГ, который мы 1 февраля выиграли 14: 1, я развил бурную коммерческую деятельность. Сначала разведаль, где какие магазины в городе имеются, где цены ниже, где выше, кто дорожит своим именем и следит за качеством товара, а кто нет. И после небольших дебатов с компаньонами, пришёл к выводу, что надёжней приобрести магнитофоны в большом центральном магазине на проспекте Одори. Дату сделки мы назначили на 11 февраля, сразу после игры со сборной Польши, чтобы потом ничто больше не отвлекало от важнейшей игры с Чехословакией.

Кстати, первый свой «ченж» я совершил 4 февраля с японцем, который координировал наши перемещения по Олимпийской деревне. Третьего числа состоялось открытие Олимпийских игр, а 4-го я уже свою чёрную тяжелую шубу и шапку, что нам выдало государство, махнул не глядя на три японских светло-серых пуховика и на черные штаны из такого же материала. Во-первых, не люблю шубы, а эта мне ещё была к тому же мала. Во-вторых, ходить при нуле градусов в шубе для меня слишком жарко.

— Зачем тебе три пуховых костюма? — Недовольно бухтел Боря Александров накануне игры с финнами.

— В одном ходить, два меньших размеров — продам, — простодушно ответил я тогда.

— Продашь, значит? — Пробормотал Боря, надевая один из пуховиков на себя.

Как итог: на матч с Финляндией в японских пуховиках поехали я, Александров и Скворцов. А к сегодняшней игре со шведами в точно таких же куртках ходила уже половина команды. Даже Всеволод Михалыч случайно намекнул, что тоже не против совершить такой же обмен «сувенирами».

* * *

Когда представители Шведской ассоциации хоккея спросили молодого канадского хоккейного специалиста Билла Харриса: «Сможет ли он гарантировать выигрыш золото Олимпийских игр в Саппоро?», то Билл без сомнений дал утвердительный ответ. Тем более сборная Канады на Олимпиаду в Японию не ехала. Ведь все на Родине хоккея считали так, если канадские любители на равных бьются с сильнейшими сборными Европы и в то же время на голову слабее профессионалов из НХЛ, то, следовательно, профессионалы и есть истинные чемпионы Мира.

А когда трёхкратный обладатель кубка Стэнли в составе «Торонто Мэйпл Лифс» Билл Харрис принял сборную «Трёх корон» он чётко осознал, в каких компонентах игры нужно срочно прибавить, чтобы достойно отработать очень щедрый контракт Шведской ассоциации. Это игра на пяточке перед воротами, более жёсткая силовая игра в защите и форчекинг, то есть активный прессинг в зоне соперника, когда у противника на льду появляется его лучшая пятёрка.

И первые результаты работы Харриса не заставили себя ждать. В декабре прошлого 1971 года, когда в Москве шёл приз «Известий», его подопечные дважды на своём льду обыграли вторую сборную СССР, и оба раза со счётом 5: 3. Причём поверженным оказался сильнейший европейский дуэт тренеров Чернышёв и Тарасов. Шведские центральные газеты тогда писали, что Билл Харрис слов на ветер не бросает, и пришёл в сборную Швеции только с одной целью — выиграть золотые олимпийские медали.

Но перед самой поездкой на японские острова в Саппоро сборная Билла Харриса дважды уступила уже первой сборной Советского союза. И всё бы ничего, но вторую игру организовали специально так, чтобы у соперника не оставалось физических сил после позднего перелёта из Гётеборга в Стокгольм, а победа всё равно досталась подопечным Всеволода Боброва. Эта сборная СССР, которую возглавил в прошлом знаменитый советский хоккеист откровенно пугала Харриса, потому что игра её некоторыми отрезками напоминала убийственную смесь канадского и европейского стилей. Особенно когда на лёд выходил здоровяк Тафгай. Он конечно не ровня технарям Харламову и Мальцеву, но силовую борьбу вёл на очень высоком уровне.

«Этот парень и в НХЛ может многим кости переломать», — грустно думал Харрис, наблюдая разминку сборной СССР перед началом игры в ледовом дворце «Макоманай». И перед самым стартовым свистком Билл подмигнул одному из судей этой встречи Гагнону из США, с которым он душевно пообщался, оплатив обед в ресторане ещё два дня назад. Причём речь не шла о явном подсуживании, Билл просто намекнул, что иногда сдвинуть

букву хоккейного закона не преступление. Да, согласился с ним «проклятый янки», не преступление желать небольшую премию за свой тяжёлый и не благодарный судейский труд.

«Посмотрим на твой труд», — подумал Билл Харрис в первые минуты матча, которые складывались не очень радужно. И виной этому был проклятый Тафгай. Здоровяк Советской сборной неожиданно стал появляться на льду в разных сочетаниях, причём исключительно для того, чтобы для профилактики поколотить всех самых крепких ребят из его шведской сборной. И бил этот парень, надо признать, со знанием хоккейного дела по правилам, не подкопаешься. А на пятой минуте первого периода, нервы защитника Кеннета Экмана не выдержали, и он вместо того, чтобы так же встретить в корпус русского нападающего, двинул Тафгаю клюшкой по рукам.

«Факинг эс», — выругался про себя Харрис, когда Экмана отправили в бокс для штрафников на две минуты. И буквально через двадцать секунд вторая пятёрка Советов реализовала большинство. Мальцев заехал за ворота Абрахамссона и сделал оттуда резкий пас на Петрова, который перевёл шайбу в ещё более выгодное положение Харламову. И лучший бомбардир Олимпиады в пустой угол не промахнулся — 1: 0.

— Дэмн! — Вскрикнул канадец, когда русские поехали поздравлять друг друга с первой заброшенной шайбой.

* * *

Лично я и тогда и сейчас был просто уверен, что два товарищеских матча перед Олимпиадой с прямыми конкурентами за медаль, со шведами были абсолютно напрасными. Но кто меня спрашивал? Нашей Федерации шведская сторона заплатила валютой за те игры. И как следствие сейчас к десятой минуте первого периода скандинавы полностью подстроились под нашу манеру игры. Канадский тренер «Тре крунур», может быть, не до конца разобрался с ловушкой в средней зоне, которую мы часто разыгрывали, но кое-что придумал. Сначала шведский крайний нападающий «забирался» в эту ловушку, а затем следовал резкий пас назад на защитника, а от него диагональ под красную линию на другой край.

Один раз такой «фокус» прошёл, когда моя пятёрка была на льду, и я тогда парням сказал, чтобы караулили опасную диагональ. А второй раз, «прокололась» третья пятёрка Федотова. Билл Харрис против них с первых минут выпускал своё лучшее игровое сочетание, тройку нападения Хаммастрём — Викберг — Лундстрём. Неудачный «капкан» в средней зоне построили Викулов, Федотов и Якушев, шведский защитник перевёл шайбу Инге Хаммастрёму, и последний в контратаке накрутив защитника Володю Астафьева, точно бросил в верхний угол ворот. К сожалению тяжелейшую шайбу Виктор Коноваленко не потащил — 1: 1.

— Михалыч, приспособились скандинавы, — сказал я главному тренеру. — Хитрить надо.

— Не лезь поперёк батьки в пекло! — Отмахнулся Всеволод Михалыч. — Внимательней мужики, внимательней! Стараемся играть без «обрезов», без «привозов»! — Крикнул он остальной команде. — Ничего, ничего, времени играть ещё много.

Но через три минуты, хоть стой, хоть падай, первая пятёрка «Тре крунур» опять

поймала на контратаке наше третье звено. Слишком увлеклись атакой крайние нападающие Викулов и Якушев, а центрфорвард Федотов не успел вернуться в защиту. Тройка шведских хоккеистов бодро выкатилась на пару защитников Астафьев-Ляпкин. Хаммастрём отдал Лундстрёму, отрезав пасом Володю Астафьева, а тот на пустой угол ворот вывел Викберга, прокинув шайбу между Коноваленко и Ляпкиным, 1: 2. После заброшенной шайбы половина шведской сборной высыпало на лёд, чтобы поздравить Хакана Викберга.

— Накаркал, — зло прошептал главный тренер мне.

— Ничего, ничего, времени играть ещё много. — Огрызнулся я.

А в перерыве в нашу раздевалку ворвалась парочка встревоженных спортивных чиновников: Виталий Смирнов, заместитель председателя спорткомитета, и Валентин Сыч, начальник управления спортивных игр зимних видов спорта. И началась стандартная накачка, что вы же сынки делаете, на вас вся страна смотрит, вспомните, как ваши отцы защищали Родину на фронте! Вспомните, как ваши деды бились в гражданскую с Антантой! Вам страна создала все условия, а вы не оправдываете...

— Валентин Лукич, Виталий Георгиевич, можно я теперь с командой поговорю, пока перерыв не закончился?! — Не выдержал Всеволод Бобров.

— Смотри, Всеволод Михалыч, если сегодня не оправдаете, то в Москве по другому поговорим, — погрозил пальцем Смирнов и чиновники, зло хлопнув дверью, покинули раздевалку.

«Сами же нам устроили две игры со шведами перед Олимпиадой, чтобы скандинавские хоккеисты получше нас изучили, а теперь в неудаче виноват будет старший тренер, ну и мы конечно», — подумал я про себя и сказал вслух:

— Михалыч, перестановки нужны. Моих крайних по рукам и ногам вяжут у бортов как в вольной борьбе, пока судья японских зрителей на трибунах пересчитывает. А пятёрка Петрова долго ковыряется в средней зоне. Мы сегодня вязнем как в болоте.

— Ты ещё меня поучи, — обиделся Всеволод Михалыч. — В третью пятёрку в центр вместо Федотова выйдет Свистухин. Николай добавишь цепкости в защите. И вместо Астафьева готовься Женя Паладьев. Что же мне с вами делать? — Бобров посмотрел на наши две первые пятёрки. — Без Бори Михайлова, словно без рук.

— Ко мне на правый край верни Мальцева, а Скворцова переведи на лево к Петрову и Харламову. — Выпалил я скороговоркой. — «Есенин русского хоккея» добавит нашей пятёрке импровизации...

— Добавлять стихами? — Усмехнулся Саша Мальцев.

— Прозой про заек, — хмыкнул я. — А Скворец во вторую пятёрку внесёт побольше строгости и порядка.

— Да, — согласился Володя Петров. — Не вовремя Борька Михайлов сломался. Ра: такое дело, то пусть Скворец слева бегаёт.

— Ладно, — кивнул головой Всеволод Михалыч.

Вдруг со своего места встал Коля Свистухин, который на Олимпиаде ещё ни одной минуты на льду не провёл, и выпалил с испуганными круглыми глазами:

— Ну, мужики, теперь поиграем! За котов!

— Мальчики, мальчики, — подбадривал своих подопечных Билл Харрис перед началом второго периода. — Сегодня в защите можно не стесняться, играйте как можно жестче. Сегодня фортуна на нашей стороне!

«Тем более я эту фортуна хорошо оплатил, — усмехнулся канадский наставник про себя. — Главное сейчас продержаться двадцать минут до второго перерыва, а потом ещё столько же простоять до финальной сирены». Но как внутренне не бодрился сам Харрис нехорошие предчувствия, что главные неприятные сюрпризы ещё впереди, его не хотели покидать. И начало второй двадцатиминутки вышло крайне тревожным. Советы произвели перестановки в звеньях и бросились штурмовать ворота Абрахамссона с новой силой.

Первым выскочил на убойную позицию здоровяк Тафгай, однако защитник Милтон вовремя прихватил его за клюшку и не дал бросить по воротам. Затем вывалился по правому краю Харламов, но другой игрок обороны Шёберг своевременным зацепом уронил семнадцатого номера русских на лёд, ликвидировав опасность. Потом борцовским приёмом уронили Мальцева, и поставили подножку Якушеву, который убежал в опасную контратаку.

Билл Харрис перевесился через борт и невольно посмотрел на наставника Советской команды — как он себя чувствует, не хочет ли ему выбежать на лёд и дать в «торец» проклятому янки? «Сейчас бы неплохо получить две минуты за недисциплинированное поведение, — подумал канадец. — Что ж ты терпишь товарищ Бобров? Выскажи американскому судье все, что ты про него думаешь! Нет? Ну и стой тогда как памятник».

И всё было бы замечательно и здорово, но на хоккейных матчах работал второй судья Баадер из ФРГ, который смотрел, смотрел, как шведские парни из раза в раз нарушали правила, и один раз не выдержал и свистнул игру высоко поднятой клюшкой. Тем более рассекли бровь какому-то Свистухину № 9. И хорошо, что ограничились малым двухминутным штрафом, могли ведь выписать и четыре минуты.

— Держаться мальчики, держаться! Скоро Советы выдохнуться! — Прикрикнул Харрис. — Помните про хорошую премию за победу, пять тысяч крон на дороге не валяются!

Как на иголках провёл первую минуту штрафа Билл Харрис на скамейке запасных своей команды. Васильев, Гусев, Скворцов, Петров и Харламов атаковали опасно, но Абрахамссон сыграл замечательно, два опаснейших броска взял намертво. «Сейчас залетит, — почему-то подумал Харрис и с надеждой посмотрел на электронное табло ледового дворца «Макоманай». — Шит! Почти шесть минут играть».

* * *

— Михалыч, давай вместо защитника Юры Фёдорова выйдет четвёртым нападающим Саша Якушев, — предложил я, выкатываясь с партнёрами по звену доигрывать вторую минуту большинства.

— Якушев? — Задумался на пару секунд Всеволод Михалыч. — Саша выходи вместо Юры. На пяточке активней. Давайте мужики, боюсь в «большинстве» поиграть уже сегодня не дадут.

— Если только за убийство, — хмыкнул я.

А против нас канадский специалист выпустил лучшую пару защитников Бергмана и Милтона, а так же самых габаритных нападающих Хакана Петтерссона и Бьёрне

Пальмквиста. Пальмквист и встал на точку вбрасывания напротив меня.

— Сукка, бляат, — тихо сказал мне Бьёрн, похваставшись знанием русского матерного языка.

— Ходэтэ, — ответил я одним единственным известным мне ругательством на шведском языке.

И моё нецензурное слово выиграло, так как вбрасывание забрал я, откинув шайбу на защитника Сашу Куликова.

— Кулик, б...ь, переводи! — Гаркнул я и полез на пятак, где на меня тут же посыпались удары исподтишка и в наглую.

Я тоже врезал потомкам скандинавских викингов. Однако Милтон устоял на ногах, обхватив меня руками, словно матрос в шторм мачту корабля. Бергман же временно выпал из поля зрения, «прилёт покурить», «почитать свежую прессу» или «отправился в путешествие из варяг в греки». И в это время шайбой завладел Боря Александров, а Саше Якушев ринувшись мне на помощь, увел за собой Петтерссона. Последовал пас на другой фланг атаки Саше Мальцеву, которые убрал одним финтом Бьёрна Пальмквиста и швырнул шайбу на пятак, чтобы там её попробовали затолкать в сетку либо я, либо Якушев. Однако помощь спартаковского форварда мне не понадобилась, ведь Челль-Руне Милтон так рьяно дергал мою клюшку, что сам же подставил её под прострел моего партнёра по команде — 2: 2.

— Гооол! — Вскрикнула наша скамейка запасных, а японские болельщики, которые из хоккея понимали лишь то, что в нём можно безнаказанно друг друга толкать и бортовать, разочарованно засвистели.

— Отцепись сука! — Зашипел я на Милтона, так как он всё ещё обнимал мой широкий торс, всё никак не хотел поверить, что шайба в воротах. — Ходэтэ! — Прикрикнул я на него ещё раз, и надо сказать, этот окрик подействовал отрезвляюще.

Сравняв счёт, мы ещё сильнее бросились в атаку, взвинтили темп, но шведы с помощью мелких и более крупных фолов очень уверенно оборонялись. А за две минуты до конца второго периода произошёл вообще вопиющий, за гранью добра и зла, эпизод с моим участием в главной роли.

Саша Мальцев очень красиво протащил шайбу через среднюю зону в зону атаки и сделал пас на левый край, запустив резиновый диск вдоль борта по закруглениям за чужими воротами. Боря Александров, который первым добрался до шайбы, в касание скинул мне её в центр, где я сыграл так, как сам от себя не ожидал. Одним обманным движением убрал защитника, вторым уложил вратаря на лёд. И за какие-то мгновения, когда шайба уже должны была юркнуть в сетку, кто-то из шведов со спины дал по моей клюшке с такой силой, что в руках остался один черенок. Естественно этим черенком по шайбе я не попал и её загрёб себе под пузо, лежащий на льду, голкипер Кристер Абрахамссон.

— Судья! — Взвыл я, ведь, наконец, не выдержала такого судейства моя нервная система.

Однако рефери из США сделал вид, что японцы, которые сидят на верхних ярусах трибун ему гораздо интересней, чем творящийся на льду «беспредел». Что произошло дальше, я запомнил лишь обрывками. Сначала я бежал на судью, расталкивая сынов Одина, посылая их в Хельхейм. Затем кто-то повис на моей спине и голосом «Малыша» заорал, чтобы я успокоился. Потом к Александрову на помощь подоспел «Есенин русского хоккея», поэт «Серебряного века», я покинул родимый дом, голубую оставил Русь и тоже запрыгну на

спину. При проклятом царизме, сволота такая, верхом не наездился! Далее на меня навалились и повалили на лёд защитники Куликов и Фёдоров одновременно.

— Кого защищаете, коллаборанты?! Отвалите, причёску помнёте! — Захрипел я, так как мне мешали разговаривать хоккейные краги, что закрывали мой рот. — В раздевалке с вами поговорю. — Всё же сдался я, уже осознавая, что весь мир сейчас остановился в шаге от очередной «Холодной войны».

Но самое обидное произошло дальше, за те две минуты штрафа, что мне выписал ненавистный судья из США Гагنون. Нападающий скандинавской сборной Бьёрн Пальмквист реализовал численное преимущество под самый занавес второго периода и вывел «Трек руну» снова вперёд — 2: 3.

В раздевалке в перерыве перед последним решающим третьим периодом гробовая тишина провисела всего десять секунд, а потом в помещение ворвался заместитель председателя спорткомитета Виталий Смирнов. Его красное как помидор лицо не выражало ничего хорошего. Он посмотрел на нас как барин на собственных холопов, а потом прорычал:

— Где Бобров?!

Старший тренер сборной действительно где-то задержался, пока мы понуриив головы топали по подтрибунному помещению. Но мы и без Всеволода Михалыча понимали, что никакой результат кроме победы нас не устроит.

— Значит так! — Гаркнул на нас чиновник. — После игры со шведами вы должны были получить суточные. Сто долларов за победу над Финляндией и сто, если победите Швецию. Если вы сегодня сольёте, то получите всего 50 долларов. Если сыграет вничью, то 100. Вопросы есть?

— Есть, — я решительно встал и на правах капитана направился к Смирнову, приятно было видеть, как вдруг забздел чиновник от спорта. — Пишите расписку, — рыкнул я, закрыв своим телом выход из раздевалки.

— Чего? — Уже не так борзо пробормотал Смирнов.

— Расписка в том, что по окончании сегодняшней игры, в случае победы, нам будет выплачено 200 долларов США. — Продиктовал я. — Про остальные варианты можете ничего не расписывать. Я ручаюсь, что в третьем периоде мы скандинавов дожмём. Отступить некуда, победа будет за нами.

— Вам моего слова не достаточно?! — Снова включил барины Виталий Смирнов. — Будут деньги. Я сказал.

— А у нас на слова память плохая, — ухмыльнулся я. — Поэтому пишите Виталий Георгиевич не стесняйтесь здесь все свои. Вот у нас и ручка имеется и бумажка чистенькая.

— Рвачи, — пробубнил чиновник, но расписку всё же стал писать.

Странное дело, в перерыве Всеволод Михалыч так и не появился в раздевалке, не толкнул речь о силе русского духа, о стойкости дедов и отцов. Я даже разволновался, вдруг Боброву поплохело от непросто складывающейся игры. И лишь когда мы вернулись на скамейку запасных, то увидели, что Сева Бобров сидит на лавке и смотрит на лёд в одну точку.

— Мужики, дело такое. — Я покосился на тренера. — Хватит Михалыча до инфаркта доводить. Есть одна идея. Шведы сейчас окопаются в защите, им сегодня можно про правила хоккейные забыть, поэтому нам пробить их будет не просто.

— Нужно как-то выманит их на себя, — предложил Саша Мальцев.

— Голую жопу что ли показать? — Усмехнулся Петров.

— Всё гораздо проще, сейчас сделаем проброс, и они сами к нам в зону на вбрасывание приедут. — Подмигнул я команде. — Но такая хитрость проканаёт от силы раза три не больше. Поэтому сейчас всё и решим. Игорь Борисыч, ты будешь за очередностью выхода пятёрок на лёд следить? — Спросил я у второго тренера Чистовского.

— Я буду, — пробурчал Всеволод Бобров. — План интересный, — грустно улыбнулся наш наставник. — Первая пятёрка пошла.

«Что же случилось в перерыве? — подумал я, встав на точку вбрасывания. — Разберёмся после матча».

— Бляат, сукка, — засмеялся Бьёрн Пальмквист, встав напротив меня.

— Дурак, — пробурчал я, выиграв шайбу и отбросив её своим защитникам.

Далее, как было договорено, мы откатились к своим воротам, но шведы «не пальцем деланные», за нами в зону не сунулись, а выстроили плотный редут в средней зоне. И защитник Юра Фёдоров, видя такой расклад, швырнул шайбу навесом к воротам Абрахамссона. Судьи, конечно, свистнули проброс и назначили вбрасывание у наших ворот. Хоть эти простые правила сегодня соблюдались.

Пальмквист снова приехал на точку поразить меня знанием русского языка, что он с удовольствием и сделал, возможно, думал тем самым вновь вывести меня из нервного равновесия. Но я два раза за матч из себя не выхожу, поэтому выиграв вбрасывание, резко рванули к воротам шведского голкипера. Пас от защитника Саша Куликова пошёл на тётку Мальцева, а тот двинул чёрный диск в центр точно мне в крюк. Я же словно дикий бизон попёр в зону атаки, угрожая протаранить и Абрахамссона и сетку ворот японского ледового дворца. Но в последний момент, когда голкипер и два защитника кинулись меня беззащитно бить, я выкатил шайбу под накатывающего следом одинокого «Малыша». А Александров издевательски обвёл всю нашу драчливую компашку и сравнял счёт в матче — 3: 3.

— Гооол! — Запрыгали наши парни на скамейке запасных, так как долгожданные премиальные, 200 американских рублей стали ощутимо ближе, и жить стало лучше, жить стало веселей.

* * *

— Фак! Фак! — Заорал Билл Харрис, когда «Советы» за две первые минуты третьего периода сделали счёт 4: 3 в свою пользу, проведя совершенно одинаковые быстрые комбинации с лёту.

«Перехитрили проклятые «комуняки», простым пробросом развалили весь план игры на третьи двадцать минут!» — укорял себя канадский специалист. Затем Харрис бросил взгляд на табло стадиона, на котором были написаны плохопроизносимые русские фамилии, что шайбу забросил Харламов с передачи Скворцова и Петрова.

— Шкворшов, — зло пробормотал он и посмотрел на своих парней, которые уже еле-еле дышали и не верили в свои силы. — Фак! — Выругался он снова и понял, что эту игру уже проиграл.

В раздевалке после игры все двадцать хоккеистов и наш тренерский штаб сидели мокрые от пота, злые из-за судейства и довольные от достигнутой победы. Эмоциональная встряска получилась такой, что никто первые минуты даже не думал стягивать с себя хоккейные «доспехи».

— Может, так пойдём на обед? — Первым улыбнулся неунывающий Валера Харламов.

— Если вы так пойдёте, то воспаление лёгких я вам гарантирую, — совершенно серьёзно заметил врач команды Олег Маркович Белаковский. — Сейчас в душ, как следует растереться, высушиться...

— И спать, — вставил я свои «пять копеек», и народ лениво захихикал.

— Если выдадут суточные, то сегодня ходим в японскую баню и в международный клуб на танцы, — предложил Саша Мальцев.

— Да, — поддакнул я, — познакомимся со спортсменками из Польши, Швеции, Чехословакии и Германии.

— Почему именно с ними? — Заинтересовался «Мальш».

— Эти самые симпатичные, — ответил за меня Харламов. — Вот только что-то суточные задерживаются. Честно, мужики, надоело на всём экономить.

— Не бойсь, расписочка вот она, — я поковырялся в своём бауле и вытащил на свет Божий заветный клочок бумаги с каракулями самого заместителя председателя спорткомитета СССР.

И как по заказу в раздевалку ворвался именно он, краснолицый и нахрапистый Виталий Смирнов. Сначала он бросил недовольный взгляд на Всеволода Боброва, затем на меня. Ну, ясное дело, чем его раззадорил. А что натворил в перерыве между вторым и третьим периодом Всеволод Михалыч, лично для меня пока оставалось пока загадкой.

— Вот суточные, верни бумагу, — тяжело дыша, сказал Смирнов, «просверливая» меня ненавидящим взглядом.

Я встал с лавки и взял пачку долларов завернутых в ведомость.

«Двести зелёных не хватает, и потом тут только на хоккеистов», — зашептал голос в моей черепной коробке, который всегда оживал, если дело касалось товарно-денежных отношений.

— В ведомости потом распишетесь, — добавил заместитель руководителя советского спорта.

— Здесь двести долларов не хватает, — сказал я, посмотрев одним глазом на пачку зелёных американских бумажек. — У меня глаз-алмаз.

— Здесь деньги, только тем, кто заслужил их игрой на льду, — покосился Смирнов на Витю Шалимова. — Сами потом деньги поделите.

— А кто в меньшинстве сегодня отработал в самом конце игры, когда нас судья из США три раза подряд удалил не за что? Это — раз. — Я поднял расписку на вытянутой правой руке вверх. — Далее, в этой бумажке синей пастой по белому написано, что суточные получит вся команда при достижении обещанного результата. Это — два. А команда — это не только хоккеисты. Это ещё старший тренер, второй тренер, тренер вратарей и врач сборной. Поэтому здесь должно быть четыре тысячи восемьсот долларов США. — Я потряс левой рукой, в которой держал деньги.

— Рвач, — прошипел Смирнов и вытащил ещё тысячу долларов из своего внутреннего кармана, что так был удобен для халявно отжатых денег. — Всё?! — Уставился он на меня, когда вся сумма оказалась в моей руке.

— Почти, — усмехнулся я, возвращая расписку. — А как решается вопрос с внеочередной покупкой персональных автомобилей «Волга» для членов сборной, естественно, после выигрыша золотых медалей Олимпиады.

«Да, ты сдурел! «Волгу» же придётся на свои кровные брать, — завозмутился голос в голове. — Хотя можно же место в очереди на покупку автомобиля кому-нибудь продать. Кхе, идея хорошая, одобряю».

— Обсуждается, — пробурчал Виталий Георгиевич и добавил уже в дверях раздевалки. — Ну, ты Тафгай и наглец. Хотя надо признать, что пока удача на твоей стороне. Надолго ли?

— Наглость и удача, наравне с упорством, трудолюбием и серым веществом — неприлежные условия больших побед. — Ответил я. — А надолго ли? Жизнь покажет.

— Покажет, покажет, — пробормотал чиновник, покидая нашу раздевалку.

После чего народ радостно загалдел и начал выстраиваться в очередь на получение заслуженных денег.

— Попробуйте сейчас только не выиграть золото! И погоди с долларами! — Гаркнул я. — Если бы не Сергеич, который нас просто спас в последние минуты игры, то нам этих денег не видать. Качай Коноваленко! Тащи его сюда вместе с щитками и клюшкой! Пушай полетает!

— Отъе...есь демоны! — Зарокотал Виктор Сергеич, отмахиваясь клюшкой от партнёров по команде.

* * *

А через двадцать минут после торжественного вручения денег меня, старшего тренера Всеволода Боброва и голкипера Виктора Коноваленко уже ожидали на обязательной пресс-конференции в пресс-центре ледового дворца «Макоманай». И пока окольными путями из подтрибунной раздевалки мы шли в комнату для прессы, которой приехало на Олимпийские игры ни много ни мало четыре тысячи человек, Коноваленко всё время ворчал. Дескать, зачем его нужно тащить к журналистам, зачем его нужно было качать, и вообще ничего такого он в матче не сделал, отбил пару опасных шайб и всё.

— Ничего журналистам не скажу, — закончил Виктор Сергеевич свою долгую недовольную тираду.

— Михалыч, что случилось в перерыве матча? — Не удержался я и спросил старшего тренера, перед входом в пресс-центр.

— Потом расскажу, — пробурчал Всеволод Бобров. — Вечером поговорим.

Появление нашей тройцы международное журналистская братия встретила долгими и продолжительными аплодисментами. Однако вопросы на нас посыпались не самые простые. Особенно напирала канадские работники средств массовой информации, ведь им очень было обидно, что такой значимый турнир бойкотировала их любимая и, как они считали, непобедимая сборная Канады.

— Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к дисквалификации австрийского

горнолыжника Карла Шранца, лидера мирового сезона, из-за его профессионального статуса? И вообще, как вы считаете, имеют ли право на Олимпиаде выступать спортсмены профессионалы? — Задал первый «странный» вопрос один представитель канадских СМИ. Полный мужчина в вельветовом модном пиджаке.

— Чуешь, к чему клонят? — Шепнул мне Бобров, а затем уже сам с кислой улыбкой на лице ответил журналистам. — Я тренер хоккейной команды и за горными лыжами следить элементарно не имею времени. Поэтому на ваш вопрос ответить затрудняюсь из-за незнаний деталей конфликта.

— А что вы всё же скажете по поводу профессионального статуса спортсменов? — Настойчиво переспросила женщина, которая тоже представляла какую-то канадскую газету.

— Это вопрос не простой, — сказал я, немного наклонившись к микрофонам, чтобы лучше меня было слышно. — Насколько мне известно, организаторы Олимпийских игр вложили в строительство инфраструктуры немалые деньги, а затем чтобы возместить убытки и получить доход от финансовых вложений продали права на телетрансляции соревнований тоже за хорошую сумму. Получается парадоксальная ситуация. Президент МОК Эвери Брендедж требует соблюдения принципов любительского, то есть бесплатного спорта провозглашённых бароном Пьером де Кубертенем, но при этом Олимпийский комитет и организаторы хотят получать прибыль. Справедливо это или нет, выводы делайте сами.

— То есть вы считаете, что недопуск профессионалов из НХЛ на Олимпиаду является несправедливым? — Спросил мужчина в модном вельветовом пиджаке.

— Не приписывайте мне слов, которые я не произносил. — Осадил я настырного канадца. — Лично для меня нет разницы, кого обыгрывать — профессионалов из НХЛ или любителей из Швеции. Но хочу заметить, что от участия всех сильнейших хоккеистов в соревновании выиграют только болельщики, которых не интересуют профи спортсмен по статусу или нет. Ради чего проводят важнейшие международные старты? Наверное, для простых людей, зрителей и болельщиков.

— А вы уверены, что обыграете канадских профессионалов? — Усмехнулась женщина из канадской газеты.

— Будущее покажет, — хмыкнул я и отстранился от микрофонов.

* * *

В олимпийской деревне, в нашей с Борей Александровым комнате, после сытного обеда состоялось внеочередное заседание акционерного общества «тут купи, там продай» в составе: Фёдоров, Куликов, Минеев, Скворцов, Александров и я, Иван Тафгаев.

— Итак, слово предоставляется, — я посмотрел на парней, — говори Кулик, да не заговаривайся.

— Кхе, кхе, — прокашлялся защитник Саша Куликов. — Предлагаю завтра потратить наши общие накопления на покупку магнитофонов. Так как Михалыч день 8-го февраля объявил всемирным выходным днём. Вопрос от акционеров, какую марку иностранной техники будем брать?

— И ещё вопрос на засыпку, — влез «Малыш». — Стоит ли тратить новые суточные на покупку магнитофонов?

— Что покупать? — Я встал со своей кровати, на которой сидел за неимением нужного

количества стульев, и прошёлся по комнате. — В принципе мне больше всего понравились кассетники фирмы «ТЕАС». Весят всего 9 кг и цена 200 долларов. Звук хороший. Знатоки оценят. Общих денег у нас 4100, значит, на 20 магнитофонов хватит и ещё 100 долларов разлетится на транспортные и прочие мелкие расходы. В Горьком все 20 штук можно сдать за 1800 рублей каждый. Итого получится на одно толстое наглое хоккейное лицо по 6 тысяч рублей чистыми. А остальные деньги, которые дали и ещё дадут, я предлагаю всё же потратить на джинсы, футболки, подарки и покупки родным и близким.

— Ну да, — согласился Саша Скворцов. — Нам 20 магнитофонов, чтобы пронести их через таможенную, нужно будет раскидать по штуке на всю команду. И за бесплатно это не сделать.

— Тем более Володя Викулов и за деньги не согласится, принципиальный, — заметил Юра Фёдоров. — Придётся кого-то подключать из тренерского штаба.

— Давайте голосовать и пойдём приводить себя в порядок, а потом в международный клуб на танцы. — Встал со своего места Саша Куликов и расправил богатырские плечи. — Знакомиться с девушками будем, с иностранками. Хватит, неделю просидели в гостинице как сычи. А завтра вечером ещё в баню местную ходим, в опилках попаримся.

— Логично, — согласился я. — Значит так, завтра рано утром первой ходкой отправимся в магазин за магнитофонами, а после обеда съездим на рынок за шмотками. Кто «за»? Единогласно. Разошлись по палатам.

* * *

Вечером, перед тем как бежать на танцульки, чтобы выписывать там ногами кренделя, я заглянул в комнату Всеволода Боброва. И очень удачно, что наш наставник сидел в номере один.

— Иван? Проходи, — улыбнулся он, уже совсем с другим настроением, нежели был днём. — Смотри, какая таблица у нас получается после двух туров:

	В	Н	П	Ш	О
1. Чехословакия	2	0	0	19 - 2	2
2. СССР	2	0	0	13 — 6	2
3. Швеция	1	0	1	8 — 5	2

— Финны сегодня тоже два очка наберут, они сейчас поляков обыгрывают. А Польша и американцы пока по нулям. — Бобров ткнул пальцем в таблицу.

— Не понял? — Растерялся я, так как отлично помнил олимпийский турнир 1972 года, в котором чехи проиграли сборной США не то 1: 3, не то 1: 5.

— Чего не понятного, — удивился Всеволод Михалыч. — В следующей игре после нас, сборная Чехословакии выиграла у Америки 5: 1. Скандал там был большой, опять арбитры набедокурили. Вообще на Олимпиаде слабое судейство. И если так дело дальше пойдёт, то в последней игре с чехами нам нужна будет только победа, ведь разница забитых и пропущенных шайб у них лучше. Хотя им шведы могут настроение испортить, обыграть или скатать в ничью.

«Точно, в той истории США выиграла 1: 5, а в этой, которую я невольно меняю, они проиграли с зеркальным счётом, — задумался я. — Зато вместо ничьи со шведами 3: 3, мы здесь выиграла 4: 3. Направится мне это всё, ой, не нравится».

— Михалыч, расскажи, что случилось в перерыве? Ты обещал. — Я присел на стул и приготовился слушать занимательную историю.

— Да, что говорить, — замялся старший тренер. — Когда судья начал нас засуживать, то я решил сказать ему пару ласковых на международном наречии. А тут как назло вмешался работник нашего посольства в Японии. Вот его я и толкнул один раз. Но на три буквы не посылал.

— Уже прогресс, — пробубнил я.

— Меня, наверное, после Олимпиады снимут, — тяжело вздохнул Всеволод Михалыч. — Сегодня все чиновники из федерации шарахались как от чумного.

— Херня, выиграем Олимпиаду, не посмеют, — я махнул рукой. — А если решаться, то я им покажу Кузькину мать. Такой «кипиш» подниму, что со всей страны гневные письма и телеграммы полетят в Кремль. Лучше думай Михалыч, как с чехами в последний день Олимпиады биться будем. Не нравится мне новая история. Неправильно всё пошло, наперекосяк.

* * *

Вечером в международный клуб заявили почти всей командой, кроме трёх, четырёх человек, самых скупердяев, фамилии которых называть не буду. Молодые бросились отплясывать под ритмы зарубежной эстрады, а я присел за столик с молочным коктейлем. Обстановочка в клубе чем-то мне напомнила отечественные бары конца восьмидесятых, начала девяностых годов. Особенно похожей была одежда на посетителях. Например: джинсы на ногах и спортивная олимпийка на теле. Либо наоборот спортивные штаны в сочетании с джинсовой курткой сверху. Или кто-то пришёл в кроссовках, а кто-то в меховых унтах. Девушки иностранки отрывались на танцполе в вызывающих по длине и декольте платьях. А я, в знак протеста против уничтожения редких животных на планете, заявился в сером ёлочку костюме из Мосторга. «Завтра куплю что-нибудь молодёжное», — решил я, рассматривая спортсменов из разных уголков мира. Кстати, в Японию приехали представители тридцати пяти стран, и самые экзотичные из них были Ливан, Новая Зеландия, Филиппины и Австралия.

— Привет, у тебя свободно? — Вдруг у столика возникли две девушки, пока я думал о клюшке, шайбе и современных молодёжных нравах, а так же смотрел в противоположную сторону.

— Привет, давно не виделись, — поздоровался я с фигуристкой Женей Соколовой, с которой у меня кое-что давным-давно было. — Присаживайтесь, всё равно ещё Эвери Брендедж и Хирохито не скоро подойдут.

— Кто? — Задумалась на секунду спутница Жени, в которой я узнал молоденькую Ирину Роднину. Пухленькие щёчки и короткие черные волосы.

— Руководитель МОК и император Японии сказали, что подъедут через полчаса, но я думаю, вряд ли, — хмыкнул я. — Возраст уже не тот. Да и слабоваты стали наши старички. Нет в них прежней закалки.

— Не обращай внимания, Иван всегда так странно шутит, — улыбнулась Соколова и уселась напротив меня. — Кстати, познакомься — это Ирина. Мы с ней живём в одних трехкомнатных апартаментах.

— Я тоже живу вдвоем с «Малышом» в апартаментах, только они однокомнатные. — Я кивнул Ирине Родниной, которая всё ещё не решалась присесть. — Присаживайся не стесняйся, император Японии перетопчется. Взять вам по коктейлю?

— Мне можно кое-что и покрепче, я сегодня серебро выиграла, — похвасталась Женька Соколова. — Впервые за всю историю фигурного катания наша советская спортсменка, то есть я, получила олимпийскую медаль.

— А тренер где, Станислав Алексеевич Жук? — Спросил я обоих девчонок, когда через десять минут вернулся за столик с двумя коктейлями, один из которых был с небольшим количеством алкоголя.

— Отметил уже, — грустно ответила Роднина. — У меня завтра вечером произвольная программа, а Станислав Алексеевич, эх, не в форме.

— Не волнуйся, — я придвинул фужеры с напитками к фигуристкам. — Золото считай у тебя и Саши Зайцева почти в кармане. Кто там у вас главные соперники, Смирнова и Сурайкин? Не потянут. У меня глаз алмаз и интуиция, как у Вольф Мессинга. За победу! — Я поднял бокал, однако девчонки переглянулись и странно заулыбались.

— Я конечно Сашу Зайцева знаю, — пробормотала Ирина Роднина. — Но сейчас я выступаю в паре с Лёшей Улановым.

— С Улановым? — Пожал я плечами и громко выругался про себя. — Я это к тому сказал, что ты даже с Сашей Зайцевым победила бы, а с Лёшей тем более. Не выпался сегодня вот и путаю фамилии. Давайте, за удачу и за победы на Олимпиадах 1976 и 1980 годов!

— Странный юмор у тебя, Иван, — уже более открыто улыбнулась Ирина Роднина и сделала несколько глотков молочного коктейля. — У нас 13-го показательные выступления, обязательно придём с Женей за вас поболеть.

— Тогда за золото в хоккее я спокоен, — сказал я и допил свой коктейль.

«Как же так я Уланова с Зайцевым перепутал? А ещё считаю себя знатоком спорта. Простофиля!» — обругал я сам себя ещё раз.

* * *

Поздно вечером 9 февраля в нашей с Борисом комнате, которая стала немного походить на склад бытовой электроники, ведь двадцать коробок с магнитофонами наставленные друг на друга, занимали весь центр помещения, я впервые примерил японские джинсы.

— Вот, стал совсем на человека похож, — важно заметил «Малыш». — А то хожу с тобой как с отцом на родительское собрание в школу. Даже с девушкой своей тебя знакомить стыдно. Ты представь, что она может подумать?

— Ты когда успел-то познакомиться? — Хмыкнул я, разглядывая себя в зеркало. — И кстати, как зовут эту несчастью юную особу?

— Познакомился когда надо, и зовут её как надо. — Боря важно обошёл вокруг меня и заметил, — Сели как влитые, даже подгибать или ушивать не придётся. — Пошли скорей она сегодня с подругой в баре будет. Переведёшь хоть наш разговор, а то я кроме «окей» ничего больше и не знаю по-ихнему, по-американски.

— Окей, — кивнул я удовлетворённый вчерашней покупкой.

Вчерашний день вообще выдался шебутным. Магнитофоны «ТЕАС А-450» купили бе-

проблем. Водителя нашли, который нам доставил товар в Олимпийскую деревню, а вот дальше началась беготня по центральному рынку Саппоро. Торговался я с местными продавцами ширпотребом до хрипоты за каждый пустяк. Так как кроме меня по-английски никто из «акционеров» не шарил. Поэтому в международный клуб вчера вечером не пошёл, завалился спать без задних ног.

А сегодня грех было не отметить победу над сборной США. Никаких проблем парни из американских университетских команд нам не создали. Выиграли 7: 2, не напрягаясь. Моя первая пятёрка отгрузила заокеанским любителям хоккея четыре шайбы, одну забросил я, одну «Малыш» и две банки положил Саша Мальцев. В других пятёрках отличились: Валера Харламов, Володя Викулов и Валера Васильев здорово приложился издалека. Харламов же после третьего тура стал лидером гонки снайперов с шестью шайбами. А по системе гол плюс пас в лидеры выбился Саша Мальцев с одиннадцатью очками, имея на счету четыре шайбы и семь голевых передач.

Даже Всеволод Бобров после победы над неудобной и колючей сборной США немного повеселел, позабыв про неприятности с чиновниками от спорта. А когда я нашему наставнику взамен его шубы принёс японский пуховик, две пары джинсов и пять женских нейлоновых чулок для супруги, то Михалыч неожиданно немного расчувствовался. «Оказывается для счастья нужно совсем чуть-чуть, — подумал я тогда. — Нормально и спокойно работать, и самые обычные бытовые удобства».

В международном клубе, когда мы с Борей туда добрались, не было места, где яблоку можно было спокойно упасть. Я занял высокий стул за барной стойкой, а мой юный друг окунулся в выселяющуюся пёструю толпу отдыхающей молодёжи. Почему вдруг сегодня было такое столпотворение? Просто большая часть Олимпиады уже миновала, и представители некоторых сборных команд из спортсменов превратились в обычных туристов, которые переживали за своих соплеменников на спортивных аренах и ездили по экскурсиям, а вечером праздновали победы и заливали алкоголем горе поражений.

— Здравствуйте, — поздоровался со мной на чистом русском языке полный мужчина в модном вельветовом пиджаке, которого я запомнил по пресс-конференции. — Можно с вами переговорить по одному взаимно интересному делу?

— Добрый вечер, — пробурчал я. — Надо же, как хорошо преподают русский язык в Канаде. Или вы потомок русских эмигрантов?

— Белоэмигрантов, — поправил меня мужчина. — Осуждаете?

— Проехали, столько лет прошло, сейчас даже с гадалкой не разобрать, кто тогда был прав, а кто виноват. — Я пригубил из маленькой кружечки настоящий бразильский кофе и запил его водой.

— У меня есть сведения, что к вам проявляет интерес «Чикаго Блэк Хокс», — зашептал канадский журналист. — Я сегодня был на матче с янки, в которой играют крепкие ребята из низших лиг, где очень жесткий хоккей. Но мне за них, признаюсь честно, иногда было страшно.

— Так, — я посмотрел на часы, намекая, что пора переходить к сути взаимовыгодного дела.

— Я хочу вам сделать предложение от «Монреаль Канадиенс». Там заинтересованы в таком хоккеисте, как вы.

— Ясно, поздно батенька, ко мне уже на кривой кобыле подъехал «Бостон Брюинз», — усмехнулся я. — Но если интерес команды из Монреаля серьёзен, то свяжитесь с моим

агентом, который привозил в НХЛ шведа Тумбу-Юханссона. И пожалуйста, больше ко мне не подходите, если у вас нет желания скататься в Сибирь.

— Зачем? — Вздрогнул потомок белоэмигрантов и посмотрел по сторонам.

— В Сибири очень любят вашего брата. — Я положил руку на плечо мужчины. — Там вас будут бесплатно кормить, и укладывать спать, а днём сопровождать на пешие прогулки с топором в руках. И конечно придётся чуть-чуть поработать, чтобы не зарости жирком. Одним словом — курорт.

— Я не до такой силы скучаю по Родине, чтобы ехать в Сибирь. — Пробормотал мужчина и спешно покинул международный клуб, где беззаботно веселились свободные люди.

А на смену канадскому журналисту прибежал в расстроенных чувствах Боря Александров.

— Что, а ты опять сегодня не пришла? А я так ждал, надеялся и верил? — Прочитировал я слова из песни «Колокола», стараясь не заржать.

— Да ну, — махнул рукой юный гений прорыва. — Не дождалась, наверное. Ничего, я завтра после игры с поляками её встречу и всё выскажу. Ты мне только слов побольше английских напиши русскими буквами. Таких чтоб... — Боря потряс кулаком. — А сейчас отдыхать пора. Нам ведь Всеволода Михайловича подводить нельзя. Я прав?

— Толай до хаты, хоккейный Ромео, — засмеялся я, подтолкнув Бориса на выход с чужого праздника жизни.

Предпоследний день соревнований, суббота 12 февраля, выдался в японском городе Саппоро необычайно снежным. И когда мы шли на тренировку наша олимпийская деревня и другие дома в округе на фоне красивых заснеженных гор выглядели как в новогодней сказке. Но, не смотря на снегопад уже к обеду легендарная Галина Кулакова, выиграв золото в эстафете, принесла сборной СССР досрочное первое место в неофициальном командном зачёте. Шесть золотых медалей завоевали наши спортсмены, три из которых повесила на свои мощные женские плечи сама Галина.

В общем, чиновники могли смело рапортовать в Кремль, что советская система подготовки спортсменов в стране, основанная на сдаче норм ГТО, как никогда сильна. Тем более завтра в заключительный день Олимпиады разыгрывалось два последних комплекта наград: в лыжной эстафете 4 этапа по 10 километров и в хоккее с шайбой. Вся страна ждала ещё два заветных золота. Поэтому после непродолжительной тренировки в ледовом дворце «Макоманай» Всеволод Михалыч подвёл небольшие итоги.

— Несколько слов о прошедшей игре со сборной Польши, — начал старший тренер. — Счёт 9: 3 не скрою — хороший. Четыре шайбы организовала первая пятёрка Тафгаева, три забила вторая пятёрка Петрова и два раза поразила ворота польских друзей третья пятёрка Николая Свистухина.

— Огласите весь список, пожалуйста, по персоналиям, — попросил под хихоньки хоккеистов Саша Мальцев.

— Весь список значит, — улыбнулся Всеволод Михалыч. — Мальцев: 4 шайбы забросил, 10 передач отдал, полезность +9. Харламов: 9 шайб, 3 передачи, полезность +3. Тафгаев: 4 шайбы, 8 передач, полезность +9 и наш юный гений прорыва Александров: 5 шайб, 5 передач и полезность +9. Это лидеры среди нападающих. Среди защитников Васильев: 1 шайба, 5 передач, полезность +3. Куликов: 1 шайба, 2 передачи, полезность +9. Ляпкин: 2 передачи, полезность +2. Всё это замечательно, но прошу обратить внимание на турнирную таблицу перед последним завтрашним туром.

Бобров прикрепил магнитиком к металлической доске таблицу, которую мы итак заучили наизусть:

	В	Н	П	Ш	О
1. Чехословакия	4	0	0	28 — 4	8
2. СССР	4	0	0	29 -11	8
3. Швеция	2	0	2	14 — 10	4
4. США	1	0	3	8 — 18	2
5. Финляндия	1	0	3	10 — 21	2
6. Польша	0	0	4	8 — 33	0

«Из той истории, которую я знал, американцы на этой Олимпиаде завоевали бронзу, — подумал я. — Сейчас же шведов для третьего итогового места в последней игре с финнами устроит даже поражение с минимальным счётом. И ещё одно отличие, в старой истории в игре против чехов нас устраивала и ничья, а сейчас уже нет. Забавно играет со мной и моими партнёрами по команде капризное время».

— Как вы все прекрасно понимаете, — продолжил Всеволод Михалыч, — завтра в игре с чехословаками нас устроит только победа. И я просто уверен, что чехи окопаются в

обороне, и будут ловить нас на контратаках. Но не в этом дело, команда у Ярослава Питнера и Владимира Костки на хорошем ходу, Дзурилла пропустил всего четыре шайбы, Недомански восемь шгук положил уже в ворота соперников. Поэтому против тройки нападения братья Холики и Вацлав Недомански будешь действовать ты, Иван, со своими орлами. — Бобров кивнул в мою сторону. — Пятёрку Ивана Глинки закроет звено Петрова...

На этих словах в нашу раздевалку ворвались «трое из ларца», то есть три самых активных на Олимпиаде чиновников: заместитель председателя спорткомитета Виталий Смирнов, начальник зимних видов спорта Валентин Сыч и глава Федерации хоккея Андрей Старовойтов. Последнего, Андрея Васильевича, надо полагать Смирнов и Сыч таскали за собой для количества. После каждой игры они теперь в обязательном порядке заходил в нашу раздевалку, и рассматривали нас так, как будто мы у них деньги спёрли. На Севу Боброва такие посещения всегда действовали угнетающе, потому что чиновники давали ему понять, что он находится на тщательном контроле.

— Сегодня у меня состоялся длинный разговор с Москвой, — «пошёл в атаку» самый горластый чиновник Виталий Смирнов. — От нас ждут только победы! Плохо у нас сейчас с разницей забитых и пропущенных шайб. И отступать некуда. Поэтому я хочу, чтобы вы осознали всю ответственность перед народом, партией и правительством. А если кто-то думает, что в случае неудачи непонятная коммерческая деятельность останется незамеченной, то он глубоко ошибается. — На этих словах чиновник посмотрел на меня. — Все махинации будут рассмотрены там, где надо. Откуда у вас в комнате коробки с аппаратурой, на какие деньги?

— Шубы продали, — нагло соврал я. — Здесь японцы на Хоккайдо мёрзнуть очень сильно, поэтому в качестве жеста доброй воли мы им помогли с шубами и шапками, а они нам с коробками. А как продвигается дело с персональными автомобилями типа «Волга» последней модели. Что об этом сказали в Москве?

— Рвач! — Рывкнул Смирнов. — Только попробуйте мне проиграть! — Тяжело задыхался, как после стометровки, тучный чиновник. — А с тобой, Сева, на заседании федерации по прилёте в Москву поговорим отдельно. — Виталий Георгиевич бросил недобрый взгляд на Боброва, затем ещё раз на меня, потом на остальных членов сборной страны и, наконец, вышел вместе с Сычом и Старовойтовым из раздевалки.

* * *

— Ну, как можно накануне игры так трепать нервы Михалычу? — Бурчал, пытаюсь заснуть, Боря Александров. — Чё мы дебилы, не понимаем, что чехов должны победить. Нет, не дай Бог по завершению карьеры тренером работать, никаких нервов не хватит.

— Да спи ты уже, — не выдержал я нудного хоть и справедливого бурчания своего юного друга. — А не можешь заснуть, шайбы считай, которые ты в ворота Чехословакии забрасываешь, помогает.

— Бум, бум, бум, — раздался стук в дверь где-то через минуту, когда я уже почти уснул. Я сматерился про себя, встал и в одних труселях, обойдя коробки с аппаратурой, прошёл в прихожую. На пороге «мялся» второй вратарь Володя Минеев.

— Ну? — Недовольно хмыкнул я.

— Я Иван поблагодарить тебя хотел, — начал он. — Если бы не ты, то меня не то что на

Олимпиаде не было, я может быть даже за наше «Торпедо» бы не играл. Каждый день не могу поверить, что это со мной происходит, с Финляндией отыграл, с Польшей тоже. Живу словно в сказке. Если что надо, поддержка от меня будет на все сто.

— Как раз сейчас и надо, — пробубнил я.

— Что?

— Иди, спи! — Прошипел я и закрыл дверь.

Однако ещё через минуту в неё снова постучали. На сей раз припёрся Коля Свистухин, для которого турнир уже закончился, так как в последней игре с польскими друзьями он получил сильный ушиб рёбер с подозрением на перелом.

— Ты, Иван, пойми меня правильно, — начал Свистухин. — Я, сам видишь, уже не игрок. Поэтому ты должен завтра сыграть за себя, за меня и ещё за котов. Я вот что решил, как в Горький приедем одного полосатого, я уже приглядел, себе заберу. Чё ему там, на базе одному мёрзнуть, пусть у меня лучше по квартире бегают.

— Всё? — Раздражённо шикнул я.

— Если тебя по этому делу, — он кивнул на коробки с магнитофонами, — посадят куда надо, я за тебя впрягусь. Вот теперь всё.

— Иди, спи, ради Христа, — сказал я, закрывая дверь и снова прячась под одеяло.

Но не тут-то было. Спустя примерно минут пять в комнату прибежали два «брата акробата», Мальцев с Харламовым и стали рассматривать коробки, наставленные в центре помещения.

— Чё хоть такое купил? — Принюхавшись, спросил Саша Мальцев.

— Видеомангитофоны, — соврал я. — Новое японское изобретение. Подключаешь его к телевизору и смотришь эротику, боевики и фильмы ужасов.

— Чего смотришь? — Почесал затылок Валера Харламов.

— Чего, чего, — передразнил я армейца. — Баб с голыми сиськами, которые в бассейне купаются. Давайте домой, завтра «ни свет ни заря» играем, а вы спать не даёте.

— «Не свет ни заря» играют финны со шведами, а мы в 12:30, — поправил меня армейский нападающий.

— Это по японскому времени матч в 12:30, а по московскому в 6:30, давай по койкам! — Скомандовал я.

— А как это работает? — Потაცил одну коробку на себя Мальцев. — И сколько это стоит?

— Сейчас по шее дам, сразу и заработает, — я отобрал магнитофон у динамовца и вернул товар на место.

— Не, правда что ли голые сиськи моно смотреть? — Заинтересовался Харламов. — Мы бы с Сашкой одну коробку себе взяли.

— Слушайте вы его больше! — Не выдержал и вскочил с кровати Боря Александров. — Никакие это не видеофоны, это магнитофон кассетный фирмы «ТЕАС». Дайте поспати человеку, в самом деле.

На этих словах Борис почему-то убежал в туалет.

— Чего он такой раздражённый? — Улыбнулся Валера Харламов.

— Познакомился с американской фигуристкой, а она его динамит, — ответил я, подталкивая армейца и динамовца на выход.

— Мы что хотели сказать, — начал Мальцев. — Завтра разделаем чехов под орех. Можешь не волноваться, никто тебя за коробки эти не посадит. И Михалыча тоже никто со

сборной не снимет, а то слухи разные ходят, что «копают» под Боброва основательно.

— Да, все силы завтра отдадим, — поддакнул другу Харламов. — Мало ли что в хоккейной судьбе может случиться, вдруг это Олимпиада для нас всех последняя. Потом время, как киноплёнку, назад не отмотаешь.

— Это точно, — улыбнулся я. — Со временем шутки плохи.

* * *

Рано утром в воскресенье 13-го февраля в квартире Варшавских за телевизором собралось всё беспокойное семейство. Мама Ирина Игоревна нажарила целую сковородку семечек. Старшая дочь Варвара за стол принесла целую кипу бумаг, чтобы доработать свою статью в газету «Горьковский рабочий». А глава семьи Вячеслав Анатольевич, поглядывая одним глазом в экран, где до сих пор шла детская передача «Будильник», каждый раз, когда переодетые в учителей артисты начинали кривляться, морщился, словно от зубной боли. К просмотру воскресного телерепортажа допустили и младшего сына Игоря, который накануне схлопотав двойку по «Географии», нагло напирал на то, что эта двойка к счастью, то есть к победе наших хоккеистов на Олимпиаде.

— Послушай Варя, а ведь игра уже закончилась, — не то спросил, не то констатировал факт отец Вячеслав Анатольевич. — По нашему времени она должна была начаться в 6 часов 30 минут, а сейчас уже 10 часов 30 минут. Ты же в газете трудишься, в средстве массовой информации, вам полагается эту информацию узнавать раньше, чем остальным. Позвони, узнай счёт, а то я что-то волнуюсь.

— Да звонила уже, — отмахнулась Варвара. — Наши ребята даже с Москвой поговорили, никто ничего не знает. А тех, кто знает, заставили дать подписку о неразглашении государственной тайны.

— Ну, точно проиграли! — Вскрикнул Вячеслав Анатольевич и легонько стукнул кулаком по столу. — Чего тогда счёт засекретили, спрашивается?

— Папа началось! — Перекликнул отца младшенький Игорь, когда в экране вместо нарисованного будильника появилась телевизионная заставка Олимпийских игр. — Выиграли, я двойку схлопотал, а это верная примета. Я и с пацанами поспорил.

— Говорит и показывает столица одиннадцатых Олимпийских игр японский город Саппоро. — Сказал телевизор голосом телекомментатора Николая Озерова. — Говорит и показывает Саппоро. Осталось разыграть последнюю золотую олимпийскую медаль.

— Счёт какой Николаич? Скажи сначала, не томи! — Крикнул в телевизор глава семьи Варшавских.

— Кстати, буквально час назад завершилась мужская лыжная эстафета, — ответил Николай Озеров главе семейства. — И я всех болельщиков хочу поздравить с ещё одной победой нашей сборной страны. На последнем этапе Вячеслав Веденин ликвидировал минутное отставание от норвежской команды и «привёз» на финише Йохсу Харвикену десять секунд. А теперь давайте познакомимся с составами играющих сегодня команд...

* * *

— Вместо получившего небольшое повреждение Николая Свистухина в центре третьей пятёрки сегодня играет Александр Федотов, — сказал Николай Николаевич Озеров, посмотрев в протокол матча. — Других изменений в нашу ледовую дружину старший тренер Всеволод Бобров вносить не стал. Так же и чехословацкие друзья после сложнейшей победы над сборной Швеции — 2: 1, победный состав оставили без изменений. И так, шайба вброшена, на льду сейчас против чехословацкой тройки нападения брата Холики — Вацлав Недомански действует наша первая тройка: Александров, Тафгаев, Мальцев. И как вы уже догадались, в красных свитерах с большой звездой на груди играет наша команда, а сборная Чехословакии сегодня выступает в белой форме. Внимание, первый опасный момент у ворот Владимира Дзуриллы. Александров отдаёт пас Тафгаеву, тут же в касание шайба переходит к Мальцеву. Обманный финт, бросок! И замечательно играет голкипер представляющий брагиславский «Слован». Вбрасывание в зоне чехословацкой показывает финский судья Ульф Витола, которому сегодня помогает рефери из ФРГ Франц Баадер.

* * *

— Смотри, Михалыч, — сказал я после первой смены проведённой на льду. — Американского судью Гагнона не рискнули назначить на матч. Зассали.

— Даже страшно представить, что было, если бы ты до него добрался на игре со шведами. — Впервые за день улыбнулся Всеволод Михалыч.

— Что ты нагнетаешь? Я вспыльчивый, но быстро отходчивый, — хмыкнул я. — Я бы ему просто в глаза посмотрел.

— Смена! — Скомандовал наш наставник, не поверив ни единому моему слову.

То, что игра с Чехословакией сложится «от ножа», ясно было ещё до начала Олимпиады. Маленько дали мы «прикурить» нашим «друзьям» из Братиславы, Праги, Йиглавы, Пардубице и Кладно во время московских игр. Раскрыли почти все свои козыри, позволили изучить новый стиль нашей Советской сборной. Поэтому сейчас на льду чехи и словаки прекрасно понимали, что от кого можно было ожидать. Например, против меня они выпускали самых злых и крепких парней. А против пятёрки Петрова выходили ребята наиболее скоростные, чтобы за счёт движения они могли сковать действия Харламова, и удачно контратаковать, так как центральный нападающий Володя Петров высокой стартовой скоростью не обладал.

Вот и сейчас тройка чехов Мартинец — Глинка — Штясны, перехватила пас Петрова, который тот отдал на Харламова, и полетела в резкую атаку на двух наших защитников Васильева и Гусева. Резкий, невысокий и юркий Владимир Мартинец, проскочил по борту мимо Саши Гусева и прострелил прямо на пятак! Благо, что в каком-то невероятном прыжке убийственную передачу прервал Васильев, которого «хлебом не корми», дай только на льду погеройствовать. Шайба заметалась в нашей штрафной площадке. Народ на трибунах заорал что-то непереводимое. Но внезапно Саша Скворцов, выскочив со своего левого фланга, непослушную шайбу выбросил дальше в среднюю зону. И вот уже полетела атака на ворота Дзуриллы.

Наша скамейка запасных, облегчённо выдохнув села, а скамейка чехословаков наоборот разом вскочила на ноги, и было от чего. Петров двинул шайбу под чужую синюю линию, где с ней уже ворвался в зону атаки Валерий Харламов № 17, Советский союз. Он заложил

резкий разворот, ушёл от силового приёма Йозефа Хорешовски и прострелил вдоль ворот. Дзурилла немного зазевался, либо побоялся прервать прострел своей нестандартной вратарской клюшкой, зато на этот прострел успел Скворцов. Бросок и шайба влетает в сетку ворот сборной Чехословакии — 1: 0!

— Гоол! — Заголосила наша скамейка запасных.

— Наш Скворец, везде поспец, — улыбнулся я, поздравив с отличным началом игры Всеволода Михалыча.

— Хороший парень растёт, — согласился со мной наставник сборной СССР и нашего горьковского «Торпедо».

* * *

А в квартире Варшавских раньше всех среагировал на изменение в счёте самый младший член семьи.

— Гол, папа! Гол! — Закричал Игорь, чуть не опрокинув сковородку с жареными семечками, за что получил заслуженный подзатыльник от матери.

— Как здорово разыграли, — заулыбался Вячеслав Анатольевич. — Пас, пас, и там, вынимай! А вот что-то твой Иван, Варька, сегодня не заметен. Где его фирменная силовая борьба?

— А мне игра Вани нравится, — возразила супругу Ирина Игоревна. — Он сегодня спокойный, пока.

— Судейство нормальное, чё он дурак драться ни за что, — сказал младший Игорь. — Я же говорил, папа, моя двойка — это к счастью, то есть к удаче.

— Внимание, опасный момент у ворот Виктора Коноваленко! — Раздался возбуждённый голос Николая Озерова из телевизора, и вся семья тут же, позабыв про семечки, вперилась в экран. — Нападающий Рихард Фарда отдаёт в край на Иржи Кохту бросок. И замечательно играет наш голкипер Коноваленко. Шайба отскочила на Владимира Викулова. Ну же, Владимир! Нужно обязательно вывести шайбу из своей зоны.

— Выноси же! — Не выдержал и вскочил с кресла Вячеслав Анатольевич.

— Какой неудачный пас армейского нападающего и снова опасность у наших ворот, — продолжил свой репортаж из телевизора Озеров. — Ещё один щелчок Кохты и самоотверженно под шайбу бросился Ляпкин. Да, товарищи, это гол — 1: 1. Раньше всех на добивании оказался ветеран сборной Чехословакии Йозеф Черны, и всё нужно начинать сначала. Напомню, ничья нашу команду сегодня не устраивает, но впереди ещё много игрового времени.

— Что ты сказал про свою двойку? — Вячеслав Анатольевич посмотрел на притихшего сына. — К счастью она или к удаче?

— Отыграемся ещё, папа, вот и Озеров в телевизоре сказал, что времени игрового впереди много. — Пробормотал Игорь, покосившись на кожаный батин армейский ремень.

* * *

В перерыве после первого периода я специально забрал одну шайбу со льда и в

раздевалке подарил её Сашке Скворцову.

— Чё это? — Удивился мой юный одноклубник.

— На удачу, это твоя первая заброшенная шайба на Олимпиаде. — Пояснил я свой странный поступок.

Резиновый диск тут же взял в руки Валера Харламов и повертел его, посмотрел прищурив один глаз и выдал свой авторитетный вердикт:

— Не, не та шайба, та была с царапкой, — засмеялся он.

— Обрезаетесь много, — заворчал я, возвращая «хоккейный сувенир» Скворцову. — Царапки на одном месте мешают бегать? Смажьте вазелином. А, Володя Петров?

— Не выступай. — Отвернулся от меня армейский центрфорвард.

Тут вошёл в раздевалку Всеволод Михалыч с совершенно бледно-серым лицом. Его ещё в коридоре перехватили наши спортивные чиновники и наверно опять давили на психику.

— Играем пока нормально, преимущество у нас, — сказал Бобров. — Володя Петров, много обрезаетесь. Володя Викулов разве можно идти в обводку в своей зоне? Ты же опытный мастер. Первая пятёрка жду от вас результативных действий. То, что Вацлава Недомански выключили из игры — это хорошо, но для победы нужны заброшенные шайбы. Иван, во втором периоде ещё скорости прибавьте. Силы экономить больше смысла не имеет. Сегодня самый последний и решительный бой. За котов. — Устало улыбнулся наш наставник.

* * *

— Уважаемые, товарищи телезрители, свидетелями какого захватывающего хоккейного спектакля мы сегодня с вами являемся, — скороговоркой выпалил Николай Николаевич Озеров, когда шквал атак во второй двадцатиминутке обрушился на ворота Владимира Дзуриллы. — Смену назад очень опасно бросал с близкого расстояния Володя Петров. Теперь почти в упор щёлкнул Володя Викулов. Но счёт пока прежний — 1: 1, а во втором периоде осталось играть уже меньше десяти минут. Как быстро летит время. Финский судья Ульф Витола показал вбрасывание в зоне сборной Чехословакии, и на лёд вышла первая пятёрка команды СССР: защитники Фёдоров и Куликов, а так же нападающие Александров, Тафгаев и Мальцев. Очень нужен гол, ребята, всей стране нужна только одна победа.

* * *

— Попытаемся тупо запихать, — сказал я своим партнёрам по тройке нападения, перед тем как встать на точку вбрасывания. — Слишком мудрим, сыграем сейчас попроще.

— Да, что-то сегодня не идёт, — согласился отойти от красивого ажурного хоккея Саша Мальцев.

— Когда идёт, то и любой дурак забьёт, — усмехнулся Боря Александров. — Я сейчас тоже на пятак полезу. На пару с Иваном потолкаемся.

— А я вас с тыла прикрою, — засмеялся Мальцев. — Давайте за котов в «мясорубку».

По сути, Мальцев был прав — игра на пяточке перед воротами это «мясорубка», тем более, когда на кону золото Олимпиады. И защитники Поспишил из Кладно и Махач из Брно

отлично сейчас осознавали, что бить в непосредственной близости от своих ворот можно часто, сильно и больно. И когда после выигранного вбрасывания я въехал на пятак и закрыл спиной обзор вратарю Дзурилле, удары тут же посыпались по всему моему могучему телу.

— Кулик не спи! — Гаркнул я, чтобы защитник поменьше ковырялся на синей линии.

И хоть Саша Куликов не спал, а наоборот всё сделал очень быстро и слаженно, эти две секунды, прежде чем шайба полетела в мою сторону, растянулись в сознании на целые минуты. И вот я словно в замедленной съёмке подправил шайбу крюком, и даже увидел, что она попала в щитки чешского вратаря и подскочила вверх. А дальше я заорал, словно раненый зверь и бросился орудовать клюшкой как кочергой в печи. Но наглая и непослушная шайба от меня же отлетала вправо, где стоял как свидетель на чужой свадьбе Саша Мальцев и разглядывал девушек на трибунах. Но мастерство — это такая штука, которая почти всегда срабатывает на автомате, поэтому Мальцев шлёпнул по шайбе чисто интуитивно, единственное огорчение она срикошетила не в ворота, а на противоположный край. И уже там путешествие шайбы, наконец-то, закончилось, так как с лету воткнул её в сетку ворот чехословаков Боря Александров, по прозвищу «Мальш».

* * *

— Гоол! Гол, гол, гол, гоол! — Заорал весь, вспотев, хотя в комментаторской кабине было очень прохладно, Николай Озеров. — Это гол, товарищи, это самый нужный и замечательный гол, 2: 1, и Советская сборная вновь вышла вперёд. Теперь главное не дать сопернику опомниться и продолжать атаковать ворота наших чехословацких друзей. Какой сложнейший матч, я представляю, как сейчас волнуется старший тренер Всеволод Бобров. Я представляю, как волнуетесь у своих телеэкранов вы, уважаемые телезрители, Да, это и есть настоящий большой хоккей.

* * *

Когда Николай Озеров из телевизора закричал «гол» Вячеслав Анатольевич почувствовал, что у него потемнело в глазах и что-то острое защемило в груди.

— Ирочка накапай мне, пожалуйста, валидола, — прохрипел глава семьи Варшавских. — Сколько ещё играть осталось?

— Восемь минут во втором периоде и ещё двадцать в третьем, — отрапортовал младший сын Игорь. — Всё проспорили мне пацаны, я же сказал, что пара — это хорошо, то есть к добру. А Иван твой, Варька, силён, ух, как на пятаке чехов затолкал. Только как ты его кормить-то будешь, когда женишься, здоровый больно?

— Девушки выходя замуж, это мужчины женятся, — улыбнулась Варвара, которая давно позабыла про недописанную статью.

Однако не успела семья Варшавских порадоваться за старшую дочь, за грядущую спортивную победу сборной СССР, как провалилась в атаке пятёрка Петрова и Мартинец убежав на randevу с Виктором Коноваленко, сравнял счёт в матче — 2: 2.

— Неси ремень, — устало пробормотал Вячеслав Анатольевич сыну Игрою.

— За что папа, это же Владимир Петров там, в Японии ошибся, а не я? — Испугался

паренёк.

— Пусть рядом пока полежит, может, ты после этого перестанешь хвастаться раньше времени, — совершенно серьезно сказал отец.

— Правильно, — поддержала папу старшая дочь Варвара.

* * *

— На вас смотрит вся страна! — «Бушевал» в перерыве в нашей раздевалке заместитель начальника спорткомитета Виталий Смирнов, пока его вездесущие спутники Валентин Сыч и Андрей Старовойтов отмалчивались в стороне. — Все двести сорок миллионов человек сидят у телевизоров и болеют за вас! А вы не можете обыграть этих чехов! Зря тогда отстранили Чернышёва и Тарасова, сейчас бы уже коньяк за золотые медали пили, а не валидол.

— Сейчас бы пили нечто другое. — Я встал с лавки, чтобы спортивные чиновники посмотрели на меня снизу вверх. — Чернышёв и Тарасов специалисты уважаемые и заслуженные, но прошлой весной у этих чехов на чемпионате Мира они ни разу не выиграли, и отдали им звание чемпионов Европы.

— А ты Тафгай вообще молчи! С тобой в Союзе будет отдельный разговор. — Зыркнул на меня Смирнов.

— Виталий Георгиевич, будь так бор покинь раздевалку, и вы товарищи тоже, — негромко, но настойчиво сказал Всеволод Бобров. — Мне с командой надо поговорить.

— А по тебе, Сева, вопрос уже решённый, — криво усмехнулся Виталий Смирнов и через пару секунд освободил нас от своего никчёмного и вредного присутствия, как и Валентин Сыч, и Андрей Старовойтов.

После чиновников мы немного расслабились и, наконец, все кто хотел, взял себе по кружке горячего и крепкого чая, а Всеволод Бобров тихо и молча в задумчивости присел на своё кресло.

— А что они сейчас бы пили? — Спросил меня тихо «Малыш». — Ну, чинуши эти.

— Противозачаточные бы пили, перед посещением Кремля. — Усмехнулся я и вспомнил про статью в английской газете, которую прочитал сегодня на ужине. — Мужики, слушайте прикол. Наш лыжник Славка Веденин перед гонкой на тридцать км знаете, что ответил японскому журналисту, когда тот спросил: «Не помешает ли ему бежать по трассе снег?».

— Ну? — Заулыбался Мальцев.

— Да и х... с ним! — Заржал я. — А эти чудики в газете написали, что «дохусим» — это волшебное русское заклинание. Михалыч, дохусим, дохусим, с дохусимом победим! Хватит чай гонять, пошли на лёд! Двадцать минут позора и золото у нас на шее! Подъём коллеги калеки! — Я похлопал призывно в ладоши и народ с улыбочками на лице потянулся из раздевалки в коридор подтрибунных помещений ледового дворца «Макоманай»

— Дохусим, говоришь? — Устало улыбнулся Бобров, покидая раздевалку последним. — Правильно говоришь.

Поддавшись всеобщему боевому настрою, в коридоре меня догнал Коля Свистухин, который из-за повреждения на игру сегодня даже не переодевался, и спросил:

— Иван может мне тоже хоккейную форму надеть, на всякий случай. Дохусим с этой

травмой. А?

— Значит, запоминай, — я подмигнул своему одноклубнику. — Как махну рукой, штаны, пиджак, носки обязательно с себя снимаешь и в одних семейных трусах выскакиваешь на лёд.

— Зачем? — Подвис он.

— На всякий случай, психическая атака, — раскололся я и нервно заржал, так как внутри меня каждая клеточка моего организма буквально клокотала от ненависти, которую я испытывал к чинушам от спорта.

Меня просто разрывала злость, когда я выехал на точку вбрасывания на старте третьего решающего периода. И лишь шайба полетела на лёд из рук финского судьи Ульфа Витолы, невероятной силы энергия разорвалась в моём сердце, и всё вокруг завертелось, закружилось и помчалось колесом.

* * *

— Итак, несколько слов о составах играющих сегодня команд, — Николай Озеров хотел было зачитать протокол матча, но вдруг осознав каким-то шестым чувством, что сейчас что-то важное на льду произойдет, оторвался от бумажки и затараторил. — Внимание, очень опасная атака сборной СССР. С шайбой Александр Мальцев, обходит одного, второго, пас немного назад на Тафгаева. И наш центральный как таран нападающий врывается в зону атаки и идёт на ворота Дзуриллы. Бросок! Нет, хитрый скрытый пас на Александрова. Замах бросок! Нет, ещё одна скидка на накатывающего следом защитника Куликова. Бросок! Гол! Гол, гол, гол, гоооол! Это гол товарищи, 3: 2! Какой замечательный счёт! Правда, играть ещё целых 19 минут...

* * *

— Что сейчас было-то? — Спросил я своих партнёров по тройке нападения, когда пришёл в себя на скамейке запасных.

— Кулик шлёпнул в девятку, 3: 2, — сплюнул на пол Саша Мальцев. — Чё по башке прилетело? Короткое замыкание? Дохусим, с дохусимом победим.

— Хорошо, Ваня, ты хоть не к своим воротам побежал, — заулыбался Боря Александров.

— Я знаю куда бежать, — пробубнил я, и задумался, пытаюсь осознать произошедшее: «Вроде только с головой всё худо-бедно нормализовалось, и опять. Хотя, скорее всего это нервы. Но судьи — целы, Бобров — доволен, счёт в нашу пользу, значит и вновь продолжается бой».

* * *

«Женщин к хоккею допускать нельзя, — подумал, косясь на отцовский ремень, в квартире Варшавских младший сын Игорь. — Они уже пятнадцать минут кричат как

ненормальные: «Мальчики держите, мальчики держите!». Чего держать-то? Самим атаковать надо. Почти весь период в защите отбиваемся. Хорошо хоть в самом начале Саша Куликов забросил шайбу».

— Ванечка, держись! Держись! — Заголосила старшая сестра, когда на ворота Коноваленко обрушилась новая атака чехословаков, а её Иван боролся на пяточке с Вацлавом Недомански.

— Отбить! Отбить! — Закричала Варвара вместе с мамой, больно вцепившись в плечо Игоря.

— Мама! Скажи Варьке, чтоб она не царапалась! — Не выдержал Игорь.

— Сколько ещё играть до конца матча? — Пробормотал держась за сердце отец, Вячеслав Анатольевич. — А ты Игорь не жалуйся, терпи, нашим парням там сложнее приходится.

— Отбить! Отбить! — Опять закричали женщины, которым вторили через стенку соседи из смежных квартир.

«Весь дом с ума сошёл», — пробубнил про себя Игорь и тут же вместе со всеми подскочил со стула и крикнул:

— Судья, за что?!

— За опасную игру высоко поднятой клюшкой на две минуты удаляется Александр Якушев № 15, — ответил семейству Николай Озеров из телевизора. — До конца встречи остается две с половиной минуты и наша сборная должна отыграть в меньшинстве. И как бы не было сложно, нужно выстоять, вытерпеть и довести матч до победы.

* * *

— Иван на лёд, выигрываешь вбрасывание, считай — тридцать секунд отстояли, — скомандовал мне Всеволод Михалыч. — Защитники: Фёдоров, Куликов. И пойдёт ещё... — Бобров посмотрел на моих крайних нападающих Сашу Мальцева и Борю Александрова которые хорошо уже «напахались» и поэтому еле дышали, и заколебался.

— Пусть Шалим выходи, он свеженький, самое то для прессинга, — подсказал я.

— Витя Шалимов, давай родной, — согласился Всеволод Бобров.

Я медленно покатил на вбрасывание в нашу зону защиты, чтобы немного успокоить дыхание, и посмотрел на электронное табло. «Ещё играть две минуты тридцать пять секунд. Когда же мы потеряли нить игры? — подумал я. — Почти весь период в атаке — ноль, только в защите и работаем. Вот что значит, когда подсознательно хочется только одного — сохранить победный счёт. Не обделаться бы за эти две минуты тридцать пять секунд. Но на вбрасывание меня пока ещё хватает». Я, разозлившись на себя, усмехнулся и четко забрал шайбу на точке. Фёдоров подхватил резиновый диск в углу и перевёл на другой край Куликов, который выбросил шайбу к воротам Дзуриллы.

— Нормуль. Вышли! Вышли! Шалим выдвинись вперёд, как волнорез, — скомандовал я своим партнёрам по сборной. — Плотнее на синей линии, внимательней! — Крикнул уже для профилактики, ведь и так каждый знал, что делать.

Но вдруг тренеры чехословацкой команды Питнер и Костка пошли на крайнюю меру, они убрали с площадки голкипера Владимиру Дзуриллу и в помощь к пятёрке Ивана Глинки выпустили Вацлава Недомански.

— Сука! — Рывкнул я. — Держим, мать твою! Отошли! Отошли! Сели к воротам! Фёдор пятак карауль!

Вчетвером против шести полевых игроков невероятно сложно. Особенно на широкой европейской площадке для игроков высокого уровня раскатать любых защитников — это дело техники. Но чехословацкие парни тоже заметно устали, и поэтому они попередовав шайбу из угла в угол, решились на простой щелчок от синей линии, рассчитывая, наверное, на последующее добивание. «Не люблю я бросаться под шайбу», — промелькнуло в голове, когда я грохнулся на лёд, чтобы телом перекрыть опасный бросок. И черная, твердая, словно камень шайба, резко увеличившись в размерах,шибанула меня в правую бровь.

Я почему-то на мгновение оглох. Кто что кричит? Кто куда бежит? Кому в хавальник сунуть? Где шайба, мать твою? Ничего не понимаю! Я резко вскочил, не почувствовав никакой боли, только картинка перед глазами почему-то вся словно через красный светофильтр. Даже чехи в белых свитерах немного красные. «Шайба, где? Да вот же она, скользит ко мне на крюк!» — сообразил я и вышвырнул её из зоны, куда даже глаза мои не глядели. И вдруг слух разом вернулся, и шумное многоголосье как поток водопада хлынуло в мою голову.

— Гооол! Б...ь! — Заорали партнёры по команде. — Гооол! Сука! Гол, Тафгай, б...ь! Гол! — Кинулись на меня Куликов, Фёдоров, Шалимов и Коноваленко, а затем понаехали и парни со скамейки запасных.

— Нихрена из тебя кровища льётся, — первым заметил Мальцев, что меня не поздравлять надо, а везти к врачу. — Разошлись! Разошлись! Б...ь! — Заорал он и покатил меня к бортику, где немного прослезившись, дожидался Всеволод Михайлович Бобров.

К награждению победителей в хоккейном турнире Олимпиады 1972 года, в том же ледовом дворце «Макоманай», мне заклеили бровь, смыли кровь, дали понюхать нашатырки, в общем, привели в более-менее адекватное состояние. И пока врач Олег Белаковский колдовал надо мной, Викулов, Якушев и Федотов на последних секундах «сообразили» ещё одну шайбу на троих и установили окончательный счёт в матче с чехами — 5: 2. Красавцы! Я ещё тогда подумал, как удачно, что на нашей сборной СССР форма красной спартанской раскраски, так как крови не видно. Не хотелось быть запечатлённым на исторических фотографиях в неопрятном виде.

Но сначала, прежде чем повесить медали призёрам и победителям на толстые хоккейные шеи, организаторы вручили персональные призы. Лучшим снайпером стал Валерий Харламов с девятью заброшенными шайбами, а лучшими бомбардирами турнира назвали сразу двоих — меня и Сашу Мальцева, так как по системе гол плюс пас мы оба набрали по пятнадцать очков. И вся наша троица попала в лучшую пятёрку прошедшего олимпийского турнира. Лучшим вратарём был назван шведский голкипер Кристер Абрахамссон, лучшим защитником — чехословак Франтишек Поспишил. Плюс в лучшую пятёрку включили защитника из США Фрэнка Сэндерса. Поговаривали, что этот амбал которого я несколько раз хорошо впечатал в борт, отверг контракт с «Бостон Брюинз», чтобы поехать на Олимпиаду биться за свою страну.

А затем на красной ковровой дорожке состоялось самое главное награждение бронзой, серебром и золотом. «Теперь я в историю не только вляпался, но и попал», — подумал я, стоя на одинокой тумбочке с цифрой один, как капитан сборной страны. Зазвучал гимн Советского союза, правда без слов, ведь в ЦК ещё не решили, чей текст уместней Исаковского, Рыльского или Михалкова. Но всё равно, что ни говори, музыка у Александрова получилась мощной, на все времена, и когда поднимался красный флаг под потолок японского ледового дворца, меня охватило ощущение всеобщего счастья и гордости.

Лишь потом я обратил внимание, что по правую руку серебру радовались чехословаки, а слева грустили с бронзой шведы. А в той, старой истории, серебро было у США, а бронза у чехословаков. Так что зря не радовались товарищи из дружественной Скандинавии, они здесь и на бронзу не наиграли.

Уже в раздевалке лично у меня от необъяснимого восторга не осталось и следа. Я сразу же вспомнил о целом вале проблем: магнитофоны надо довести и сбыть — это раз. 17-го уже к нам в Горький приедет ЦСКА, большинство игроков которого отдыхало и планомерно готовилось все эти дни, это два. А так же над нашим наставником Всеволодом Бобровым сгустились тучи, и их требовалось как-то разогнать руками — это три.

— Молодцы! — Загудел, ворвавшись в раздевалку, Виталий Смирнов. — Мужики! Не посрамили! Из Москвы всем передана отдельная благодарность! С машинами персональными вопрос порешаем! Всем два ящика водки, заноси! — Скомандовал он и в помещение алкогольный «суперприз» внесли Валентин Сыч и Андрей Старовойтов. — Призовые вот! — Смирнов отдал толстый конверт с долларами, стоявшему ближе всех к нему врачу команды Олегу Марковичу Белаковскому. — Не слышу нашего тройного «ура»!

— Ура! — Выкрикнуло несколько нестройных голосов.

— А чего горланить-то? — Спросил я. — Сезон ещё не закончен. Уже в апреле, через

полтора месяца чемпионат мира в Праге. Там посложнее будет победить, чем на Олимпиаде. Да и потом турнир без обыгранных канадцев — это как брачная ночь без невесты.

— Ну, ты не очень-то?! — Забычил Смирнов. — Не порть людям праздник. Не хочешь пить, не пей. Чего выступать-то?

— И ещё, «Торпедо» Горький! — Рыкнул я, не обращая внимания на чиновника. — 17-го, то есть через три дня у нас уже «дружеский праздничный ужин» с ЦСКА. Призовые взяли и за мной. Чемпионат выиграем, я вам сам ящик водки куплю или два.

— Занёлся ты слишком высоко, Тафгай, как бы крылья не обломал, — прошипел Виталий Смирнов.

— Дохусим Виталий Георгиевич, дохусим, — усмехнулся я.

* * *

После обеда в олимпийской деревне в номере наших вратарей Виктора Коноваленко и Володи Минеева среди хоккеистов, которые представляли горьковское «Торпедо», коих было десять человек, устроили небольшое собрание.

— Тафгай, ты не прав, — обиженно пробубнил Володя Астафьев. — Смирнов нам выставил выпивон от всей души. Чё мы откальваться-то от коллектива должны?

— Я тоже считаю, что нужно хоть немного с мужиками отметить, — поддержал товарища Саша Федотов.

— Объясняю ещё раз. — Я стал загигать пальцы. — Сегодня 13-ое февраля. 17-го числа у нас ЦСКА. 20-го — «Локомотив». 23-го — Питерский СКА, то есть пока Ленинградский 26-го и 27-го спаренная игра с «Трактором» из Челябинска. За десять дней пять игр. Если сейчас здесь нажраться от души, — я кинул недобрый взгляд на Астафьева и Федотова, — добавьте к этому смену часовых поясов, то мы неделю будем в себя приходить. Тогда про чемпионство можно забыть навсегда.

— А чё ты командуешь? — Завозмутился Александр Федотов. — У нас есть старший тренер Всеволод Михалыч Бобров. Пусть он и руководит.

— Саша, ты что слепоглухонемой? — Я как бы ненароком пощёлкал костяшками кулаков. — Боброва хотя от сборной отстранить. Ты видел он после награждения сразу же в номер ушёл. Всеволода Михалыча сейчас я никому беспокоить не дам. И давайте заседание верховного совета СССР заканчивать. Кто сегодня вечером собирается нажраться, прошу поднять руки?

— Как выиграем чемпионат с тебя два ящика «Пшеничной», — пробубнил Володя Астафьев.

— Вот и прекрасно, сухой закон до середины марта, продано! — Наконец я выдавил из себя улыбку и посмотрел в зеркало.

«Ну и рожа у тебя Тафгаев, — подумал я, рассматривая здоровенный синяк над правым глазом, который обязательно скоро спустится вниз и будет переливаться всеми цветами радуги. — Красавец, мать твою».

* * *

В Москве в аэропорте «Шереметьево» 14 февраля вечером нас встреча толпа народа, болельщики, журналисты, телевизионщики и таксисты. Кстати из тех, кто приземлился, в самолёте были лишь фигуристы, мужчины лыжники и наша хоккейная дружина. Остальных продуманные чиновники отправили на Родину гораздо раньше, чтобы спортсмены случайно не поддались тлетворному влиянию запада, то есть японского востока.

После беглого осмотра на таможне, наше акционерное общество «Купи-продай» «изъяло» коробки с магнитофонами у каждого члена сборной СССР, кроме Володи Викулова, который наотрез отказался «вписываться» в нашу мутную авантюру. Поэтому за него магнитофон перенёс через «бдительных» работников таможни врач команды Олег Белаковский.

— Складывай сюда! — Потребовал я от коллег по хоккею, указывая на небольшой свободный пяточок перед дверями внутри аэровокзала. — Куда пошёл Мальцев общественную собственность? Поворачивай обратно! Мародёр.

— В следующий раз магнитофоны в «загранке» купим мы, а вы по одному их перетащите, — обиделся Саша Мальцев, возвращая коробку с японской дефицитной техникой на законное место.

— Договоримся, — кивнул я.

— Как дальше? — Засуетился «Малыш» видя склад из двадцати десятикилограммовых коробок. — Надо же это всё как-то в аэропорт «Домодедово» перевезти. Нас там самолёт из Горького через два часа ожидать уже будет.

— Да, как всё это потащим? — Спросили меня почти хором Куликов, Фёдоров, Минеев и Скворцов.

Я посмотрел на нас со стороны и чуть не расхохотался. Ну, вылитые челноки из девяностых. Клетчатые сумки с заграничным барахлом, с джинсами, японскими пуховиками, нейлоновыми чулками, майками и футболками красивых импортных расцветок. В довесок ко всему баулы с формой и клюшки.

— Я помогу, — остановился рядом Коля Свистухин.

— Ты, Николай, мужиков горьковских лучше сюда всех собери, сейчас полетим на «ковре самолёте» вместе с коробками. — Сказал я. — Да шучу я. Сейчас автобус придёт за нами. У меня всё договорено. Вон, наш транспорт. — Я заметил за стёклами аэровокзала знакомый автобус, на котором уже ездил вместе с ансамблем «Лейся песня». — Где Коноваленко, Афанасьев, Федотов? Где тренерский штаб? Ни на секунду никого оставить нельзя! Взяли по коробке и весело понесли в автобус! — Скомандовал я.

— А ты? — Бросил на меня вопросительный взгляд Боря Александров.

— Мне нельзя, я руковожу, — хмыкнул я. — Булочками двигаем, батонами нарезными «нарезаем», с улыбочкой как на тренировке! Сюда бы Тарасова вы бы у него за секунду всё сносили. Эх, распустились!

В автобусе к японским коробкам проявил необычайную заинтересованность продюсер Миша Плоткин, который зачем-то сам приехал встретить меня в аэропорту.

— Что там? — Задал он простой и логичный вопрос.

— Японские видеоманитофоны, — засмеялся «Малыш». — Штука такая подключаешь её к телевизору и смотришь, — Боря покосился на второго тренера сборной страны и нашего «Торпедо» Игоря Борисовича Чистовского, прокашлялся и продолжил, — на красивых женщин, фильмы ужасов про ходячих мертвецов из капиталистических стран и боевики про ковбойцев и индейцев.

— Как на кинопроекторе, только по телевизору? — Догадался Плоткин. — Интересно.

— Лучше, — вошёл в раж юный гений прорыва. — Можно любое кино, которое идёт по телевизору записать на кассету и пересматривать когда захочется! Вот до чего технический прогресс дошёл. Скоро придумают такую штуку, что носишь её с собой в кармане, захотелось кино посмотреть, пока в автобусе толкаешься, достал этот экранчик и зыришь. О как!

— Враньё! — Сдал друга Коля Свистухин. — Никаких таких экранчиков никогда не будет. Да и это кассетные японские магнитофоны, чтобы Моцарта и Сальери слушать в оригинале. То есть я хотел сказать как на концерте.

— Жаль, что не видеомангнитофоны. — Поцокал языком продюсер Миша.

— Кстати, родилась песня, — усмехнулся я. — Техника чудес, воплощение грёз можно смотреть с улыбкой, но лучше всерьёз.

— Давайте на две минуты остановимся, — предложил Плоткин с бегающими и горящими даже в полумраке глазками, которые выдавали то, что он что-то задумал. — Успеем до «Домодедово». Витя притормози, — обратился он к водителю. — Иван выйдем, поговорим, — сказал он уже мне.

На улице, где на небе высыпали яркие звёзды, продюсер, зябко поёжившись, сразу же перешёл к делу:

— Сколько хочешь за магнитофоны?

— Договорился сдать в Горьком за 1800 рублей каждый, — не стал скрывать я.

— Даю 1900 и по рукам, расчёт на месте, — подмигнул хитрый малый.

— Ты на что намекаешь, продюсерская сомнительная личность? — Наехал я. — Хочешь, чтобы в Горьком музыку не на чем было слушать? Чтобы значит, Моцарт и Сальери никогда не добрались до Советской глубинки? Не дождёшься! Две тысячи, расчёт на месте и тогда по рукам.

— Грабёж, — застонал Плоткин, но за пазуху за деньгами полез. — Доллары все потратили? — Очень тихо спросил он, пересчитывая сотенные бумажки.

— На них и купили, — ещё тише ответил я, посмотрев по сторонам, так как за доллары в СССР по головке никто гладить не будет. Скорее наоборот, могут дать от трёх лет до полного отрицательного воскрешения. — Да не тряси рассыпишь. — Я выхватил пачку денег у продюсера, посмотрел на неё одним глазом и мой очень поумневший голос в голове сообщил, что до сорока тысяч не хватает ста рублей. — Сотни не хватает, к тарологу не ходи. У меня глаз даже в сумерках алмаз.

— Ну, скоро вы?! — Вылез из автобуса тренер Игорь Борисович Чистовский. — Самолёт ждать не будет.

— Спокойно Борисыч, без нас не взлетит! — Улыбнулся я, пряча пачку денег во внутренний карман пуховика. — Вот так Михаил и живу, только прилетел, сразу улетаю, только отыграл, и по новой на лёд.

— Когда снова за «бугор»? — Спросил продюсер, уже пересчитывая заметно похудевший остаток.

— В марте в ФРГ, в Швецию и в Финляндию, но пока без конкретных дат. Если конечно, всё будет хорошо. — Тяжело вздохнул я, так как Всеволод Бобров, который прямо из аэропорта уехал к жене и детям в свою московскую квартиру вызывал опасения, точнее та ситуация, что сложилась вокруг него.

— Поверь, всё будет хорошо, — улыбнулся Миша и протянул мне недостающую

сторублёвку. — Завяжешь с хоккеем, иди в бухгалтеры. На глаз определил сумму денег, кому расскажу — не поверят.

— А ты поменьше говори, целее будешь. Давай, родной, самолёт же без нас улетит! Двигай булками! — Похлопал я в ладоши.

* * *

Очень неприятное известие догнало меня уже в Горьком на следующий день во вторник 15-го февраля. Половину дня я отлёживался, кормил котов, никого не трогал, точил коньки, гладил Фокса, как вдруг за мной на спортивную базу «Зелёный город» приехал персональный водитель Иван Иванович Киселёва директора родного горьковского автогиганта. А у себя в кабинете уже Иван Иванович сообщил, что Всеволода нашего Боброва сняли с занимаемой должности тренера сборной СССР по хоккею.

— Сегодня утром мне позвонил мой хороший знакомый из Москвы, которому эту новость сообщил его очень хороший знакомый из спорткомитета. А может это к лучшему? — Спросил меня доверительно директор автогиганта. — Нервотрёпки меньше, деньги те же.

— По вашей логике, Иван Иванович, лучше вообще пить пиво на пенсии и играть в домино. — Я отстранил чашечку с кофе и нервно встал, после чего прошёлся по просторному кабинету директора завода и спросил. — А кого назначили вместо Боброва?

— Пока окончательно не решили, рассматривают кандидатуру Аркадия Чернышёва. Заседание Федерации хоккея состоится лишь 29-го февраля. Ты мне Иван вот что скажи, — тяжело вздохнул директор, — доиграть достойно чемпионат сможете? Не уступим ЦСКА первое место?

— Если 17-го ЦСКА расколошматим, то точно первые будем, — я вновь сел за длинный стол, быстро про себя соображая, что же предпринять. — А у нас теперь и выхода другого нет, Иван Иванович. Обязательно 17-го приходите во дворец спорта. Надолго эту игру запомните, гарантирую. — Я вскочил, пожал руку директору, и хотел было уже бежать, как Иван Иванович меня остановил.

— Иван, а может, не поедешь в Москву в следующем сезоне? — Спросил он. — Ты что думаешь, я ничего не знаю? Ты в команде сейчас самый большой авторитет, да и в сборной тоже. Игру команды поменял. Болельщиков на трибунах каждую игру битком. Оставайся в Горьком, все бытовые вопросы решим за месяц. А в Москве, ну ты сам видишь, сегодня ты наверху, тренер сборной, а завтра и не нужен никому. Как можно было так с Бобровым поступить, после выигрыша Олимпиады?

— Тут дело вот какое, чтобы нормально доиграть чемпионат, чтобы нас не засуживали, я пообещал Юрию Владимировичу Андропову, председателю КГБ СССР, что следующий сезон проведу в «Динамо». Спасибо вам, Иван Иванович, что предупредили. И вообще спасибо за всё. Но мы ещё поборемся, — я зло усмехнулся. — Дохусим, с дохусимом победим.

Вечером этого безумного, безумного дня, я, наконец, заключил в объятия свою ненаглядную Варвару. Моя комната на спортивной базе «Лесной город» — это конечно не отель в Париже, но сколько можно терпеть? Я ведь не железный дровосек, такой же человек как и все, только немного в голове помехи иногда происходят, а так — всё то же самое. Те же руки, те же ноги, ну и прочие члены организма. Однако, даже покрывая поцелуями бархатную кожу моей Варечки, я не мог до конца выбросить из головы дикий поступок Федерации хоккея. А что я хотел?! В старой истории так и произошло. В 1974 году Всеволода Боброва отстранили от сборной СССР после двух подряд выигранных чемпионатов мира. Для нулевых и девяностых годов — немислимое дело!

— Ах, что ты со мной делаешь, — всхлипнула Варвара.

— Я с тобой — думаю.

— Ах, ой, ах, о чем?

— О будущем хоккея, — не стал врать я.

— Самое время, — чуть нервно хохотнула девушка и резко вскрикнула. — Да!

— Что? Всё?

— Мне же домой надо ехать! — Подскочила моя подруга. — Меня же дома потерять могут, мама сейчас больницы начнёт обзванивать, ведь в редакции газеты уже никого нет.

— Спокойно, сейчас от сторожа сделаем предупредительный звонок, — сказал я сам, вылезая из-под одеяла. — И я тебя до дома довезу, «Волга», выданная мне во временное пользование, на ходу.

«Не дошла ещё телефонизация до каждого жителя страны, — подумал я, когда натягивал штаны. — И люди пока могут спокойно спастись. Но пройдёт совсем немного времени, и с телефоном в кровать многие будут ложиться гораздо чаще, чем с живым человеком противоположного пола».

В сторожке охраны, пока Варя разговаривала с мамой, мне передали телеграмму от Всеволода Михалыча: «Встречай аэропорт буду в 6 17.02 тчк».

— Неужели Всеволода Михайловича из сборной выгнали? — Спросил меня сторож дядя Семён, который, пока мы в Японию летали, приглядывал за нашими котами. — Олимпийского чемпиона! Неужели напился?

— Сева Бобров месяц уже не пьёт. — Сморщился я, и снова поразился скорости распространения слухов по планете Земля. — Пока вопрос не решённый. 29-го февраля состоится заседание Федерации, потом опубликуют приказ в «Советском спорте», вот тогда и будем делать выводы.

— Ясно, значит, сняли, — крякнул сухонький среднего роста мужчина, с очень вредным характером. — Не ценят у нас людей. А как кто-нибудь из великих помрёт, то сразу вой: «Какого человека потеряли! Не уберегли! Караул!». Что характерно, горланят потом громче всех те, кто этого гения в могилу и подталкивал. Радуются они так, что ли?

— Кто? — Не понял я странной аллегории.

— Лилипуты, которые ненавидят великанов, — так же загадочно ответил сторож.

— Всё нормально, — улыбнулась девушка, оторвавшись от телефона. — Мама в порядке.

— Идём на вторую серию? — Обрадовался я.

— Давай завтра, мне с утра на работу. — Грустно вздохнула Варвара. — Статью про детские сады заканчивать надо.

— На какие жертвы только не пойдёшь ради детских садов, — хмыкнул я.

* * *

Спустя примерно час, на обратной дороге от дома Варвары к спортивной базе, когда уличные фонари пролетали за коном автомобиля, мне вдруг в голову пришла интересная мысль о цикличности, происходящих в жизни процессов. Ведь не случайно Олимпиады проводят раз в четыре года, получается временной промежуток кратный двенадцати годам Китайского гороскопа. А есть ещё двенадцатилетний цикл Юпитера, по которому каждые двенадцать лет меняется жизнь человека. Но ведь можно цикл Юпитера выстроить и для мирового хоккея.

Я посигналил, остановившись перед шлагбаумом, что преграждал путь на базу. Из сторожки медленно вышел одетый в тулуп дядя Семён, что-то себе поворчал под нос и открыл мне проезд. Я же заехав внутрь «Лесного города» остановил машину и пока мысли не разлетелись из головы, побежал в сторожку.

— Дядя Семён дай ручку и бумагу, идея одна пришла, сейчас не запишу, потом не вспомню, — затараторил я.

— Настоящие идеи, так просто из головы не вылетают, — занудел сторож, но пишущие орудие бумагомарательного производства выдал.

— Допустим Вторая Мировая война — это стартовая черта, — сказал я, нарисовав черту.

— Ясное дело черта, столько народу сгинуло. — Заинтересовался моими выкладками Семён. — Почитай всё по-новому налаживать пришлось.

— Первый крупный хоккейный турнир Олимпиада 1948 года — выиграла Канада. — Написал я и продолжил. — Далее Олимпиада 1952 года — вновь взяла Канада. 1956 год...

— Мы победили! — Гордо ответил за меня сторож. — И США обыграли и Канаду. Пиши дальше.

— 1960 год золото досталось США, а вторыми стали Канадцы, — огорчил я мужика. — А сборная Тарасова вообще осталась третьей. 1964 год — в австрийском Инсбруке наша победа, на высшей ступеньке — СССР. 1968 год во французском Гренобле опять мы, СССР.

— Ну, вы и сейчас победили в Саппоро 1972 года, — улыбнулся Семён. — Чего ты тут тень на плетень наводишь?

— Победить-то победили, но Канада не приехала. Это всё равно, что в подворотне вместо настоящих матёрых хулиганов отловить хулиганистых подростков и напирать им под зад. — Я почесал затылок и продолжил писать историю мирового хоккея дальше:

1972 серия СССР и НХЛ. 1976 год — первый Кубок Канады. 1980 год — Олимпиада в Лейк-Плэсиде, про которую больше всего информационного шума. А наш победный Кубок Канады 1981 года вспоминают только у нас в Союзе. 1984 год — третий Кубок Канады. В 1988 году — Олимпиада в Калгари, первая олимпийская победа сборной СССР на Американском континенте. 1992 год — Олимпиада во французском Альбервиле. В 1996 году — первый Кубок Мира. Так как два кубка Канады 87 и 91 годов прошли малозамеченными мировой общественностью, вот и организовали новый турнир. А в 1987-ом судейство вообще

было омерзительным, которым и испоганили хорошее соревнование. 2000 — чемпионат Мира в Санкт-Петербурге, мистическое место. 2004 — второй Кубок Мира. 2008 — чемпионат Мира по хоккею в Канаде, посвящённый 100-летию международной федерации хоккея на льду. Черта — финиш, 2012 год — перезагрузка и новые правила.

Затем я посмотрел на свои закорючки, на удивлённое лицо сторожа, который пока ничего не спрашивал, но очень хотел и сделал промежуточный вывод:

— Кое-что не вписывается в эту картину мира. Например, серия с ВХА в 1974-ом. Нс ВХА быстро прекратила своё существование. Складывается такое впечатление, что каждые четыре года хоккей становится ареной битвы ещё чего-то. Я помню, мне в Каирском музее рассказывали, что раз в четыре года в Древнем Египте собирались жрецы культа Сета и культа Осириса гоняли загнутыми палками маленький мячик и победитель матча верховодил всеми египтянами следующий срок до новой игры. А самые важные, ключевые турниры проходили раз в двенадцать лет. Наш 1972 год — ключевой.

— Ндааа, — протянул дядя Семён. — Знатно тебя шайбой по голове приложили наши чехословацкие друзья. Иди-ка ты лучше спать. У вас завтра первая тренировка, давай, давай топай. Кубок Мира, едрит мадрит. В этом 72-ом году никакой игры с НХЛ не будет, запомни это и запиши.

— Вам сторожам виднее, — пробурчал я.

* * *

На следующий день в среду 16-го февраля на первой после Олимпиады тренировке, все разговоры только и крутились вокруг отстранения нашего старшего тренера Всеволода Боброва из сборной СССР. В раздевалке, когда переодевались — шу-шу-шу. На разминке, когда круги наматывали — шу-шу-шу. Даже перед тренировочными двухсторонками пять на пять, которые сейчас были важнее всего, чтобы парни вспомнили свои старые игровые связи, Скворцов, Александров, Куликов и Гордеев пристали ко мне с одним единственным вопросом, что будет дальше?

— 29-го февраля заседание. — Устало пробормотал я, так как и сам думал, а что дальше. — Поэтому план такой. Завтра выносим ЦСКА, 20-го «Локомотив», его вообще без вопросов. 23-го обыгрываем СКА из Ленинграда. А 26-го и 27-го «Трактор». И мы практически чемпионы СССР. Как потом чиновники объяснят народу, что Михалыч не имеет права тренировать сборную страны, если он за короткий срок выиграл приз «Известий», Олимпиаду и чемпионат СССР?

— Тогда дело за малым, — усмехнулся Сашка Скворцов, — осталось только ЦСКА «надавать по щам».

— Тафгай! Смена! — Дунул в свисток второй тренер Игорь Чистовский. — Булочками работаем, булочками!

А после тренировочного занятия, прямо на трибунах состоялось небольшое собрание акционеров общества «Там купили, теперь, как тут продать?», в составе: Фёдоров, Куликов, Минеев, Александров, Скворцов и я.

— Если Михалыча снимут, то прощай «загранка», — печально сообщил Саша Куликов и тихо зашептал. — Что с долларами делать будем? Продать бы их побыстрее, мало ли.

Да, 1800 американских зелёных рублей я привёз в тайнике обратно, это была наша

общая премия, выплаченная после финала Олимпиады, которую мы не стали тратить впопыхах перед закрытием олимпийских игр.

— Сказано же, что не снимут Боброва, если ЦСКА размолотим, — прошипел «Мальш». — Нам эти бумажки зелёные в ФРГ пригодятся, зуб даю. Купим там «Нагру» швейцарскую за 300, а тут сдадим за 3 тысячи.

— «Nagra IV-S» магнитофон классный, — согласился с другом Скворцов. — Здесь с руками оторвут. Когда шмотки из Японии будем скидывать?

— Сегодня, — ответил я. — Сейчас всё перегружайте ко мне в машину, и список, у кого что. Джинсы, шмынсы, футболки, нейлоновые чулки, пуховики. Поеду я пообщаюсь с одним товарищем. Возможно, что помощь его понадобится.

— Я с тобой, — подскочил Боря Александров. — Может и моя помощь понадобится? — Юный гений прорыва показал кулак.

— Не, пойду один и без оружия, — усмехнулся я. — Думайте пока, чем завтра ЦСКА удивлять станем. Они теперь все наши командные наработки и комбинации знают назубок. Кто хочет снова по заграницам кататься? Вот и соображайте.

* * *

В Советском союзе если ты соприкасался с незаконной фарцовкой, то хочешь не хочешь должен был иметь дело с криминальными элементами. Для меня таким элементом стал Геннадий Заранко по прозвищу «Заран», с которым мы спустя час после тренировки обедали в ресторане «Волна». Чем он отличался от остальных? Хотя бы тем, что старался решать вопросы без «мокрухи» и по совести, да и сидельцев вокруг себя не держал.

— Если ты хочешь поговорить по поводу «кидка» с икрой, то вопрос с этими балбесами мы уже порешали. — Сказал «Заран» с большим аппетитом уплетая местные котлеты. — Шмотки Японские привёз? Всё возьму. Мог их просто для меня оставить, деньги бы я завёз.

— А как ты смотришь на такой бизнес? — Я отпил кофейку и выждал небольшую паузу. — Мы привозим пять классных импортных катушечных магнитофон и один студийный проигрыватель пластинок. Цепляем это всё в линию и переписываем дефицитные пластинки на магнитные катушки для продажи? За два месяца все расходы окупятся, и повалит чистая прибыль. А потом эти деньги можно будет вложить в собственную студию звукозаписи и получать доходы от сотрудничества с музыкантами и звёздами эстрады. Условно говоря, приезжает наш горьковский ансамбль «Лейся песня» и в студии прямо на катушку записывает концертный вариант своего творчества. Или, например, можно Аркашу Северного привезти и записать. Галича, а ещё лучше Володю Высоцкого. Артисты заработают достойные деньги, ты со своими орлами хороший и постоянный доход, а самое главное простые люди получают музыку высокого качества в любом количестве.

— Владимира Семёновича записать? — «Заран» даже перестал жевать и отодвинул котлеты в сторону.

— Да. А после 85-го года это будет называться шоу-бизнесом, где деньгу потекут в карман рекой. — Сообщил я, немного нагнувшись к криминальному авторитету, для придания этим словам особой важности. — И самое главное никого не надо ни грабить, ни убивать. С милицией только придётся делиться, чтобы они смотрели на это всё сквозь

пальцы. Море денег будет. А если плёнки сбережёшь до нулевых, когда их оцифруют, тебе меломаны памятник поставят, и поминать будут хорошим словом десятки лет.

— А тебе-то что с этого? — Пробормотал Геннадий Заранко, представляя открывшиеся перспективы.

— Ты слышал, что Севу Боброва из сборной убрали? — Перешёл я к сути нашей встречи.

— Да не может быть? Вы же Олимпиаду взяли. Они там чё наверху совсем охренели? — Гена погрозил кулаком в потолок.

— После завтрашней игры с ЦСКА нужно, чтобы из разных уголков страны полетели телеграммы в спорткомитет по адресу: Лужнецкая набережная дом 8, следующего содержания: «Требуем вернуть в сборную тренера Боброва и капитана команды Тафгаева». Пусть твоя братва что-нибудь полезное для страны сделает.

— Постой, — помахал рукой «Заран». — Тебя что ли тоже из сборной попёрли?

— Завтра, когда будут снимать сюжет о матче лидеров чемпионата для программы «Время», я дам интервью, в котором сделаю официальное заявление, что если Всеволода Боброва отстранят, то я отказываюсь выступать за сборную СССР. — Я допил залпом горький кофе.

— Тебя же дисквалифицируют, — почесал затылок криминальный авторитет. — И не таких обламывали.

— Спокойно, я всё рассчитал. Заседание спорткомитета состоится 29-го, а 27-го мы уже практически станем чемпионами страны. В трёх оставшихся мартовских матчах нужно будет набрать всего три очка, а мужики это и без меня осилят.

— Телеграммы значит нужно из разных городов послать ради Боброва? — Снова задумчиво почесал затылок Заранко. — Рисковая комбинация. — Улыбнулся он. — Ладно, сделаю. Тысячи весточек хватит?

— Лучше две, — хмыкнул я.

— Замётано. А что ты придумал по поводу большой партии импортного дефицита через границу с Финляндией? — Прищурился Геннадий.

— В июне болота подсохнут, сходим в Финляндию, есть у меня там зацепки. — Я подал руку криминальному авторитету «Зарану». — Сейчас хоккей — это самое важное.

* * *

«Дела финансовые порешали, — подумал я, выходя из ресторана и поглядывая на часы. — Теперь пора подумать и о душе. А что у нас отвечает за душу, которая есть нематериальная часть живого существа, и требует ежедневно духовной пищи? Заеду сейчас к писателю, что-то он притих, может уже отрёкся от литературы. И к шаманидзе, давно его что-то видно не было. Узнаю как продвигается дело спасения СССР».

От ресторана «Волна», что до первого, что до второго было рукой подать, но писатель Сергей Викторович всё же был чуточку ближе, поэтому через десять минут я стоял в его плохо убранной прихожей.

— Как продвигается создание литературного шедевра? — Спросил я, уловив еле заметный запах перегара. — Я деньги привёз на три месяца вперёд. Хвастайся уже, не томи душу.

— Пока похвастаться нечем, — пробубнил писатель и хмуро повёл меня на кухню. — От меня жена ушла. Нашла себе сморчка, то есть «учителешку» из вашей вечерней школы для особо одарённых великовозрастных неучей. Нестерова какого-то Роман Петровича. Поэтому встала книга, врать не буду. Выпьешь? — Писателишка порылся в холодильнике и вытащил из него литровую банку с мутной жидкостью. — Закуски только нет. Зато вода есть из-под крана.

— Давай, — я протянул руку, и когда тара с алкогольной жидкостью оказалась у меня, залпом вылил её в мойку с давно немойтой посудой. — Значит, с работы тебя выперли, бабу красивую и умную ты проворонил, с книгой у тебя завал. Теперь решил избавиться от последнего, что тебе досталось даром от матушки природы, от мозгов и литературного таланта. А смысл?

— Тошно на душе, жить не хочется, хоть в петлю лезь, — признался мне писатель-неудачник, всклокочив немые волосы на голове.

— Полное ощущение тупика, как на краю пропасти, так? — Я подмигнул Сергею Викторовичу. — Так это и есть топливо для творчества. Внутри всё свербит, горит, значит, пора браться за перо, за пишущую машинку и творить. Вот тебе 200 рэ, ты теперь либо упьёшься насмерть, либо начнёшь писать, как никто и никогда, выбросишь из квартиры хлам, наведешь в ней порядок, а дальше вперёд и выше. Ты думаешь один такой страдалец? Люди живут без ног, без рук, но руки не опускают. В переносном смысле конечно. — Я выложил деньги на грязный кухонный стол и добавил. — Если через месяц не покажешь мне восемь качественных первых глав, найду с помощью местных бандитов и нос сломаю. В самом прямом смысле слова.

— Я не успею, — пробубнил писатель, опустив голову.

— Достоевский Федор Михайлович всего «Игрока» написал за двадцать шесть дней. Всё, мне пора, провожать не надо, дверь сам захлопну.

* * *

Ещё через полчаса я нашёл шамана-знахаря самоучку тоже не в лучшем виде. Однако от Волкова алкоголем не пахло, а вот поведение его было копией, как и у писателя-неудачника. Впустив меня в избу, шаман вернулся в светлицу и молча, словно в гроб, улегся спиной на скамью.

— Что не спасется СССР никак? — Спросил я, присев рядом на табурет. — Или тебе уже за «умные письма» в ЦК КПСС вызывали куда надо и о чём надо провели беседу? Молчание знак согласия?

— Отвали, — пробурчал шаман. — Чего приехал?

— А так не заметно? — Я показал Волкову на свой правый глаз, где красовался огромный синяк. — И сюда ещё глянь. — Я встал, повернулся спиной и задрал вверх рубашку, чтобы он полубовался множественными отметинами от чужих клюшек на моём мускулистом теле. — Это малая часть цены за олимпийское золото. Успокойся уже, СССР не спасти! Доставай свои травки, бубен, лечебных пиявок, займись уже тем, что у тебя лучше получается.

— Да почему не спасти?! — Подскочил с лавки шаман.

— Слышал про такой Вселенский закон, как закон Свободы воли? Если я делаю то, что

хочу и при этом не наношу вред окружающим людям, то по высшим законам я имею на это полное право. Допустим, я провёл тяжелейший хоккейный сезон, почему я не могу в отпуске поехать попутешествовать на автомобиле хотя бы по странам социалистического лагеря? Варшаву, Прагу, Будапешт, Берлин посмотреть? И даже если кто-то чудом соберёт кучу бумаг, и ему разрешат выезд, то на какие шиши он поедет? Кому там наши рубли нужны? У нас везде пишут, что СССР — это вторая экономика в мире. Так почему мы не имеем своей конвертируемой валюты? Серьезная экономика без неё — это же порнография! Или вот: одну музыку можно играть и слушать, а другую нельзя, одни книги читать можно, а другие нет. А с хира ли это кто-то за меня, взрослого состоявшегося человека, решает? Кому-то, конечно, нравится жить как в концлагере, не высовываясь, засунув своё мнение глубоко внутрь, и иметь стабильную пайку, а мне — нет. И таких как я очень много. Советский союз нарушает нашу Свободу воли, нарушает закон Вселенной.

— Слушай ты, антисоветчик! — Волков схватил нож со стола. — Проваливай по добру по здорову, а не то я за себя не ручаюсь! Мы живём и терпим для великой цели! За границу тебе подавай сука! Красивой жизни захотелось, пока народ у станка уголь копает и хлеб пашет?

Шаман вдруг бросился в ножевую атаку, чтобы значит ножом и гранатой искоренять всякую либерду и антисоветчину в моём лице, однако быстро получив в челюсть и потеряв где-то нож, сразу прилёг на пол и успокоился.

— Ладно, не хочешь лечить, не надо. Само заживёт. Я тут тебе денег привёз немного, в прошлый раз твоё целительство очень помогло. — Я выложил 200 рублей на стол. — Мы попаданцы во времени должны помогать друг другу, а не ссориться. Ты так свою жизнь видишь, я по-другому. Извини, если сломал чего или зуб выбил, это вышло как-то само собой, инстинктивно. И завязывай с письмами — глупая затея. Посадят ведь.

— Проваливай, — пробубнил Волков, держась за лицо.

— Извини ещё раз, — сказал я на прощанье.

Рано утром 17-го февраля встретив на аэродроме «Сормово» Всеволода Боброва, я поразился тому, в каком он был расположении духа, весёлый, оптимистичный, готовый к бою с ЦСКА. И когда мы ехали в машине на базу «зелёный город» на первый же мой вопрос о сборной команде Михалыч, махнув рукой, ответил:

— Сначала выиграем чемпионат СССР, а потом видно будет. Сейчас — это задача номер один. Я всё подсчитал к 29-ому февраля к заседанию Федерации хоккея, если мы победим в пяти ближайших матчах, то «Торпедо» Горький станет чемпионом на 99 %. Как они объяснят публике мою отставку? Что, характер у меня плохой? А у кого характер сахарный? Да прибавь ты скорости, хоть посплю немного перед дневной тренировкой. Как тут обстановка?

— Нормальная обстановочка, рабочая. Мужикам, которые в Японию не летали, надо бы поляну накрыть после спаренных игр с «Трактором». Шалшык-машлык и прочие ништяки.

— Надо, значит, накроем, — пробубнил Бобров, проваливаясь в сон.

«Вот это номер. А думал, что Михалыч сломался. — Усмехнулся я про себя. — Может тогда не надо делать официального заявления? Так всё само рассосётся, как синяк под глазом».

* * *

Недавний выпускник факультета журналистики МГИМО Эдуард Беркутов, у которого в наступившем новом 1972 году произошли перемены, а именно с написания скучных статей для печатных изданий он переключился на «весёлую» тележурналистику, за час до битвы лидеров чемпионата по хоккею «Торпедо» Горький и ЦСКА появилась огромная проблема. Это в газете или в журнале, можно иногда съездить по редакционному заданию одному, если умеешь пользоваться фотоаппаратом. А на телевидении, где картинка — это основа сюжета, без оператора лучше вообще никуда не выезжать. И сегодня 17 февраля в Горьком в номере гостиницы «Волна» его киношный оператор, телерепортажи пока ещё снимались на киноплёнку, спал сном праведника, перегрешив до этого в поезде с коньяком до полной отключки.

— Николай Иванович, если вы сейчас не проснётесь, я вас буду поливать водой из графина! — Пискнул Беркутов и начал раскачивать кровать оператора, словно детские качели. — Вставай сука! Как в Москву прилетим, всё главному редактору доложу!

Упоминание вредного главного редактора редакции спортивных программ, в голове талантливого, хоть и сильно пьющего Иваныча, завели невидимый механизм запуска автономного сознания и он, приоткрыв один глаз, смог сказать «пару ласковых»:

— Иди на х... шаз встану дам в глаз!

«Ну, слава Богу, — мысленно перекрестился Беркутов. — Если Иваныч начал материться и приоткрыл один глаз, значит сейчас действительно встанет. А если встанет, то работать сможет гарантированно, сколько бы не выпил накануне».

* * *

Всеволод Михалыч Бобров перед выходом на лёд в раздевалке ещё раз повторил тактический план на игру, который в далёких стратегических перспективах решал многие проблемы.

— ЦСКА сейчас — это раненый зверь. Три раза непобедимые армейцы нам уступили, и сегодняшнего четвёртого промаха Анатолию Тарасову никто не простит. А это значит побегут наши гости в атаку с первых секунд, чтобы ошеломить, сломить, затолкать и забросить как можно больше шайб. Можно конечно ввязаться в игру без защиты, на встречных курсах, но не нужно.

— Правильно, Михалыч, что мы звери? — Хохотнул наш травмированный центральный нападающий Коля Свистухин. — Слушаем тебя все внимательно.

— Спасибо, Николай, что не перебиваешь, — съязвил Бобров. — Первый период играем в откат. Максимально строго на своей синей линии и бегаем в контратаки малыми силами, и чтобы не обрезаться трое игроков всегда остаются сзади. Половину второго периода тактику не меняем, ждем, когда ЦСКА немного подсядет. А с 30-ой минуты матча резкий взрыв, взвинчиваем темп, и идём вперёд большими силами. Атака, атака и ещё раз атака. В третьем периоде уже переходим к полному и тотальному разгрому. Воля сломлена, физических сил больше нет, в этот момент забросить нужно максимально возможное количество шайб. Есть вопросы, предложения, возражения?

— Толково изложено, — хлопнул один раз в ладоши Свистухин, пока народ заканчивал последние приготовления к игре, лично я изолянткой заматывал шнурки на коньках. — Это же Курская дуга, не иначе. Сначала оборонительная фаза, а затем эге-гей и погнали наши москвичей в сторону Москвы.

Народ немного похихикал, так как чувствовалось предстартовое напряжение, а я вспомнил, как ещё несколько часов назад предложил такую тактику Всеволоду Михайловичу во время завтрака.

— Свистухина выпускать нельзя, — сказал я тогда, — доломаем парня. Если в третью пятёрку в центр поставим молодого Доброхотова, то ребята поплывут после армейского стартового напора.

— Что предлагаешь? — Грустно посмотрел на меня наставник.

— Половину матча я смогу «поцентрировать» сразу в двух пятёрках, в своей и в Свистухинской, но вперёд бегать тогда не буду. Давай применим боксёрскую тактику. Дадим более резвому и злому сопернику «вымахаться», выстоим тридцать минут, а затем взвинтим темп и его «прикончим». Кстати, Вова Ковин пусть поочередно вместо моих «пионеров» выходит на фланги, экономит им силы на решающий бой.

— Хороший план, сам примерно думал об этом, — улыбнулся тогда Всеволод Михалыч.

* * *

Перед стартовым вбрасыванием раскатка стала давным-давно хорошей традицией. И за пять минут до начала игры Валерий Харламов, наматывая круги по своей половине площадки, как и остальные его партнёры по команде, испытывал необъяснимые предчувствия надвигающейся катастрофы. То, что сегодня решающий матч чемпионата Анатолий Владимирович Тарасов вдалбливал в головы уже несколько дней, сразу же, как сборники прилетели из Японии. И сейчас на лицах своих одноклубников он видел

максимальную сосредоточенность и напряжение. А вот горьковчане, которые раскатывались, не пересекая центральную красную линию, выглядели расслабленными и даже весёлыми. И когда мимо Харламова проехал здоровяк Тафгаев он подмигнул Валерию, словно предлагал вместо неинтересного хоккея пойти в ресторан музыку послушать и с девушками познакомиться.

«Странное дело, — подумал Харламов, — у меня со всеми армейцами хорошие ровные отношения, а дружба настоящая только с динамовцами Сашкой Мальцевым и Валеркой Васильевым. Теперь ещё и с Тафгаем пару раз в одной компании посидели, и своим необычным разговором про Испанию он как будто что-то поменял в голове. Появился смысл и видение того, что жизнь после тридцати лет не закончится, а наоборот станет ещё интересней, заиграет новыми красками. Выиграть со сборной Испании, с его второй Родиной, олимпийские медали в далёком 1984 году — это же реально круто! Сейчас конечно все мысли о победах со сборной Советского союза, но потом после 1980 года, когда придёт новое хоккейное поколение — дорогу нужно будет дать молодым. Ведь в тридцать три я здесь уже никому не буду нужен».

— Харламов! — Окликнул его от бортика Анатолий Тарасов. — Спишь что ли? Олимпийский чемпион, мать твою, катись сюда. — Махнул рукой старший тренер, когда уже вся команда подъехала к этому грозному армейскому полковнику. — Первая пятёрка: Цыганков, Рагулин, Харламов, Фирсов и Викулов. Измотайте мне пятёрку Тафгаева, дайте больше движения! Атака, атака, и ещё раз атака. Не давайте этим «бурлакам» покоя ни у своих ворот, ни у наших. Я сегодня «Бобру» покажу Кузькину мать. Всё! Пошли!

* * *

Эдик Беркутов с кинооператором Иванычем, который немного пришёл в себя после ночного коньяковского, прибыли во дворец спорта «Торпедо» перед самым стартовым вбрасыванием. И обстановка на трибунах очень удивила начинающего тележурналиста. В том, что стадион будет полон под завязку, он не сомневался, но когда заиграла жёсткая ритмичная музыка, и все зрители разом запели, что вместе мы с тобой «Торпедо», город Горький часть души моей... Эдик вздрогнул.

— Нихрена себе, — пробормотал он. — Иваныч сними мне вон ту группу странных болельщиков в оранжевых хоккейных свитерах с большим барабаном.

— Поучи отца и баста, — хмуро отмахнулся Николай Иваныч и, презрительно отставив тяжёлый стальной штатив от кинокамеры в сторону, пошёл снимать для истории, гордо водрузив киноаппарат на плечо.

— Иваныч опять всю картинку «завалишь»! — Крикнул ему в спину Беркутов.

— Иди нахер! — Ответил ему мэтр кинодокументалистики.

И пока оператор побрёл заниматься своей работой, Эдик встал в проход за воротами горьковской команды и, следя через сетку рыбицу за начавшейся игрой, стал не спеша рассуждать: «С кем бы записать послематчевое интервью?». Со Всеволодом Бобровым в редакции сразу дали понять, что категорически нельзя, с Анатолием Тарасовым, если ЦСКА победит то снять обязательно, а из игроков, то на его личный выбор.

«Дежавю, — подумал Беркутов. — Когда ездил на приз «Известий» ещё перед новым годом, то должен был собирать компромат на сборную СССР, которую тренировал Всеволод

Михалыч. А теперь, когда Боброва непонятно за что всё же выгнали из сборной, опять обязан его, как следует «дотопить». Даже премию в размере месячного оклада пообещали за «хороший» материал. Но премия, премией, а ЦСКА-то сначала должен победить или хотя бы сыграть вничью. А так за что мне ругать команду Всеволода Михалыча? Хотя сегодня армейцы Москвы наверняка выиграют, вон как прижали «Торпедо». За пять минут горьковчане ни одного броска не нанесли по воротам Третьяка, еле-еле отбиваются. Ясное дело — всех лидеров накрыла акклиматизация после Японии, но про это простым болельщикам рассказывать в сюжете не обязательно».

* * *

— Как ты, Иван? — Спросил меня Бобров, когда я грохнулся на скамейку запасных, отбегав две смены за себя и за Кольку Свистухина, а на лёд пошла отбиваться от наскоков ЦСКА пятёрка Федотова.

— Нормик, Михалыч, — улыбнулся я. — Когда вперёд не бегаешь, можно и вообще со льда не уходить. Ещё бы официантки туда бутерброды с кофе подавали я бы и две игры отстоял.

— Ну, ну, — похлопал меня по плечу Всеволод Михалыч и посмотрел на табло, где шла уже десятая минута первого периода, а счёт по прежнему был 0: 0.

И как это часто бывает, когда ты полностью успокоился и абсолютно уверился в своей непогрешимости, судьба больно щёлкает тебя по носу. Именно в эти секунды тройка нападающих московского клуба Михайлов, Петров и Блинов при поддержке защитников Кузькина и Гусева, завертела опасную и непредсказуемую атаку в нашей зоне защиты. Саша Федотов не смог выиграть вбрасывание и вывести шайбу в среднюю зону и поэтому немного хаотично вся пятёрка прижалась к воротам Виктора Коноваленко. Трибуны, предчувствуя большие неприятности, притихли, а Борис Михайлов, которого врачи успели поставить на ноги, пока мы были в Саппоро, ловко обыграл на краю Толю Фролова и прострелил вдоль линии ворот. Коноваленко прыгнул и прервал прострел, выставив клюшку вперёд, но шайба отскочила точно на Владимира Петрова, который уже расстрелял пустой угол ворот — 0: 1.

— Гооол! — Загорланили армейцы в полной тишине.

— Вот так! Молодцы! Вот так! — Перекрикивая своих подопечных, звенел голос Анатолия Тарасова от скамейки наших гостей. — Вот это хоккей! Так им!

— Ничего, ничего, — похлопал в ладоши Всеволод Михалыч. — Внимательней в защите. Терпим мужики, терпим.

* * *

«Странно, — подумал Валерий Харламов, выкатываясь на лёд со своими партнёрами по нападению Фирсовым и Викуловым. — Ощущения надвигающейся катастрофы не проходят, а по игре мы сегодня номер один. Полный контроль ситуации и тотальное доминирование. Ещё чуть-чуть и раздавим Горький в лепёшку».

И в подтверждения своих мыслей даже Иван Тафгаев проиграл вбрасывание в центральном круге Толе Фирсову, хотя до этого Тафгай на точке вообще не ошибался. «Всё

поплыли голубчики», — подумал Валерий, получив шайбу на своём левом краю атаки. Затем он ускользнул от Скворцова, с которым ещё недавно в одном сочетании играл на Олимпиаде. Потом так же легко и ловко прокинул шайбу мимо защитника горьковчан Куликова и краем глаза заметил, что дорога к воротам Коноваленко открыта. Рывок... Что случилось дальше, Валерий осознал, лишь очнувшись лёжа спиной на льду дворца спорта «Торпедо». Когда в голове немного прояснилось, он вспомнил, что воткнулся в какую-то внезапно выросшую на пути бетонную черную стенку, или нет, в оранжевую стену, на которой была нарисована морда ухмыляющегося чёрного кота.

— Валера, ты как? — Спросил Иван Тафгаев. — Сколько пальцев? — Спросил он, показав один палец, но на Тафгая тут же накиннулись Викулов и Фирсов, поэтому ответить, что «один» Харламов не успел.

Впрочем, ничего кроме как чуть-чуть потолкаться, его партнеры горьковскому здоровяку сделать не смогли. А Валерий встал и уже уверенно сам покатил на смену.

— Егоров, сука! — Орал Анатолий Тарасов на судью из Челябинска. — Это удаление до конца игры, б...ь! Это же бандит на льду! Сука!

— За что удалять Анатолий Владимирович? Чистый силовой приём, — пожал плечами рефери из далёкой столицы Южного Урала. — Атака игрока владеющего шайбой — разрешена. Тафгаев локти не выставлял, в голову не бил, на борт не толкал.

* * *

— Ты снял? — Дёрнул за плечо Беркутов своего оператора.

— Ну, конечно, б...ь, снял! — Зло выпалил Николай Иваныч, которому сейчас очень хотелось «вмазать», и осознание того, что нельзя, сильно раздражало. — Чисто сыграно, я бы даже сказал красиво. Только далеко встали. Присмотри за штативом, пойду на ту сторону площадки к воротам «Торпедо». Я же говорил, сегодня ЦСКА от Горького и мокрого места не оставит, я имею в виду счёт на табло, конечно. — Усмехнулся телевизионный кинооператор.

— Когда я тебе это говорил, что Горький победит? — Удивился Эдик Беркутов.

— Ах, да, это же мне в поезде за коньяком один чудик доказывал, что у ЦСКА нет шансов. Извини, запамятовал. — Усмехнулся Иваныч. — Смотри, чтоб штатив не спёрли, казённая собственность, как-никак.

* * *

Я посмотрел на часы электронного табло, которые показывали две минуты до конца первого периода и неприятный счёт — 0: 1.

— Михалыч! — Громко сказал я старшему тренеру. — Давай две последние минуты периода огрызнёмся, Третьяк застоялся, «замёрз» без работы. Самое время его огорчить и отправить на консультацию к личному психологу.

— К психологу говоришь? — Усмехнулся Всеволод Михалыч. — Мужики сейчас поработайте на атаку в хорошем темпе. Двигаем булками, двигаем, — хлопнул в ладоши Бобров.

И вдруг ко мне в голову пришла новая комбинация. Я схватил маленькую магнитную шахматную доску, где у меня было оборудовано миниатюрное хоккейное поле, и показал Александрову и Скворцову, что от них сейчас потребуется.

— Мужики, пионерия, зырим сюда. — Я передвинул крайнего левого нападающего вперед. — «Малыш» ты пройдешь по своему флангу и на синей линии сделаешь пас на меня в центр. Я же с разгона ринусь на двух защитников в зону атаки, оставлю шайбу себе за спину, а сам армейских оборонцев затолкаю в угол или уроню.

— А я выскочу справа, и разделаюсь с Третьяком, — вместо меня передвинул фигурку одного хоккеиста Саша Скворцов.

— Жаль, что результативный пас запишут не на меня. — Стёр пот полотенцем с лица расстроенный Боря Александров. — Но потом разыграем эту же комбинацию зеркально. Лады?

— Тафгай, смена! — Крикнул Всеволод Бобров.

— Лады, — ответил я за всю пятёрку и полез на лёд.

Но с первого раза нужную комбинацию разыграть не удалось, я хоть и выиграл у Толи Фирсова вбрасывание, но мы немного «заковырялись» в средней зоне и откатились ещё глубже к воротам Виктора Коноваленко. Кстати, вместо Валеры Харламова на последние минуты Тарасов выпустил на лёд Евгений Мишаков волевого драчливого и физически сильного хоккеиста, наверное, по мою душу. И именно с Мишакова и началась наша атака. Он, потеряв своего игрока на фланге, бросился мне мстить. Я же отдал шайбу влево на Александра, заложил крутой разворот, и Евгения Дмитриевича столкнул с Анатолием Васильевичем лбами. Далее резко ускорился, ведь «Малыш» уже выезжал на ранее оговоренную позицию, и смотреть, как поссорились Мишаков с Фирсовым, не стал.

Пас от Бори вышел быстрым и точным прямо в крюк моей клюшки. Цыганков и Рагулин, которые пятились спиной к воротам Третьяка переглянулись и разом попёрли на мою скромную персону. Доли секунды, на льду вообще всё происходит очень стремительно, и я воткнулся в двух армейских игроков обороны как бильярдный шар в кегли. Правда, Гена Цыганков двинул мне по касательной в челюсть, падая на лёд, а Александр Павлович Рагулин, ухватив меня медвежьей хваткой за шею, повалил на себя. А тем временем шайба, откатившись к Саше Скворцову, и несколько раз проскользив из стороны в сторону, так как Скворец изобразил клюшкой хитрое обманное движение, взлетела, поддетая крюком, и воткнулась в сетку ворот Владислава Третьяка.

— Гооол! — Взорвался весь стадион, зазвучала наша победная музыка «Personal Jesus» Derezhe Mode и тысячи человек, не подозревая об этом, разом запели:

Вместе мы с тобой «Торпедо»!

Город Горький часть души моей!

Сердце бьется за победу!

И «Торпедо» с нами всех сильнее!

А я, поблагодарив за мягкую посадку Гену Цыганкова и Сашу Рагулина, встал и покатил к скамейке запасных. Однако Всеволод Михалыч, прикрыв калиточку, доверительно попросил меня и мою «пионерскую» пятёрку ещё минуточку потерпеть до перерыва.

— Красиво же вышло и народ счастлив. Между прочим, для простых работяг играем! Давайте мужики, надо. За котов, — улыбнулся хитрый наставник.

— Теперь делаем «зеркалочку», — пробубнил Боря Александров, покосившись на довольного заброшенной шайбой Скворцова.

В перерыве после первого периода, который хозяева выиграли благодаря двум сумасшедшим шайбам, заброшенным в самом конце усилиями первой молодёжной пятёрки «Торпедо», в раздевалку ЦСКА ворвался разгневанный Анатолий Владимирович Тарасов.

— Как вы можете позволить себе так играть?! — Выкрикнул он. — Вы, чемпионы мира, чемпионы олимпийских игр, мастера спорта международного класса, на вас вся страна смотрит, вся Москва болеет за вас! Вы посмотрите, кто вам забивает! Скворцову -17 лет, Александрову всего 16!

— Тафгаеву двадцать пять, — пробубнил Володя Петров.

— Слушай ты, гомо сапиенс, острооты свои побереги для девочек! — Рывкнул Тарасов на своего центрфорварда.

— Хитрее играть надо, — огрызнулся неуступчивый Петров. — Попёрли как дураки с открытым забралом, вот и получили. Я же говорил, заманивать нужно Горький и контратаковать.

— В Москве с тобой поговорим! — Отмахнулся Анатолий Владимирович. — Третьяк, мать твою, ты что перетрудился? Два броска в створ — две банки там! Тебя из сборной выкинули, номер твой двадцатый Коноваленко отвоевал себе, где, б...ь, твоё долбанное самолюбие!? Разжирел, распустился?! Всё для вас делаю! Квартиры, машины, премии, граница! Кто, Гусев, квартиру новую получил в январе, ты или я? Викулов сегодня на льду спит! Валера ты как? — Совершенно спокойным голосом внезапно спросил наставник ЦСКА Харламова.

— Я играть готов на все сто, — уверенно ответил Валерий. — Может действительно Володя Петров прав, давайте сыграем похитрее.

— Это буду решать я и только я, моё слово закон для вас всех! Пока я — старший тренер, а не Петров. — С напором выдавил из себя Тарасов. — Во втором периоде взвинтите тем ещё выше. Викулов сядет пока отдохнёт. Фирсов передвинешься на правый край, Харламов останешься слева, Мишаков выйдешь в центр нападения. Докажи, что ты ещё чего-то стоишь. Тафгаева надо на льду ликвидировать к чёртовой матери! Делай что хочешь, но Тафгая убери, от него всё зло в матче.

«А ведь торпедовцы могут сами взвинтить темп, — подумал Валерий Харламов. — И они, скорее всего, это сделают. Дождутся, когда мы выдохнемся, и побегут в атаку. Но разве Тарасова переубедишь? А вот Бобров бы прислушался. Очень жаль, что Михалыча сняли, с ним в сборной на Олимпиаде был другой хоккей».

— Гоол! — Раздался крик московских армейцев в притихшем зале на 27-ой минуте встречи и на табло загорелся счёт — 2: 2. Вновь отличился Владимир Петров после передачи Бориса Михайлова.

— Я же говорил, сейчас ЦСКА дождёт Горький. — Усмехнулся оператор Николай Иваныч. — Ты у меня студен, учись точку для съёмки выбирать.

— Я журналист мне это ни к чему, — обиженно пробубнил Эдик Беркутов.

— Журналист, б...ь, — хмыкнул Иваныч. — Ты знаешь чё, сбегай пока в буфет и возьми мне бутылочку пива холодного. Держи рубль. А не то, сам понимаешь, плёнка на самом интересном месте может закончиться или аккумулятор сесть. Учись профессии пока я живой. Я, между прочим, тоже с этого начинал — мастерам былых времён, за пивом бегал.

* * *

Во втором периоде идея Тарасова натравить на меня Женю Мишакова, в принципе была читаема, но я не ожидал, что армейский «тафгай» кинется лупить меня исподтишка. Поэтому договорившись с парнями из своей пятёрки, мы устроили для Мишакова несколько ловушек, в которые он благополучно залез, а я благополучно его воткнул в лёд, но Евгений не успокоился. И на 29-ой минуте, когда я с разгону «познакомил» Евгения с рекламой «Аэрофлота» на наших горьковских бортах, шепнул армейскому забияке:

— Давай один на один, решим — кто кого? А потом поиграем в хоккей.

— А давай, сука! — Сбросил перчатки Мишаков.

Я тоже сбросил перчатки, так как в них неудобно цеплять за свитер и тут же ухватил армейца одной левой рукой за грудки. Евгений Дмитриевич ещё не до конца сообразив, чем такой захват для него опасен, принялся молотить меня по телу, так как до подбородка он не доставал. Но удары надо признать были мощные, словно у боксёра профессионала. Сколько прилетело мне в грудь и в спину, я не считал, не тем была голова занята. Под свист, крик и улюлюканье с трибун я выждал момент, ни разу не ударив армейца, и дёрнул за свитер Евгения Мишакова вниз. И когда он потерял равновесие, я второй рукой этот хоккейный свитер натянул ему на голову и повалил на лёд, прижав его своей массой за сто килограмм сверху. «Мать перемать» слышалось снизу, когда челябинские судьи Егоров и Домбровский подъехал нас разнимать.

— Товарищ судья, Мишаков по матери дорогого товарища Леонида Ильича посылает. Пришлось усмирить, не мог сдержаться. — Я толкнул армейца. — Чем ты Брежневу угрожаешь?

И Мишаков сразу же, как по заказу, выдал нам всем:

— Сучара, тварь, гон...он, доберусь урою, пасть порву, урод!

Я вновь придавил армейского «политического борца с советским кровавым режимом» ко льду и он притих.

— Вы только не говорите никому, Женя просто головой сильно ударился в борт. Шоковое состояние. Я тоже могила. — После этих слов я отпустил Мишакова и сам поехал в бокс для штрафников под вал аплодисментов хоккейных болельщиков.

А судьи Егоров и Домбровский после инцидента совещались около минуты, затем ещё минуту что-то шептали красному как рак Анатолию Тарасову и выписали Евгению Мишакову матч-штраф, то есть удаление до конца игры. Кстати, совершенно справедливо, некрасиво по матери выражаться в присутствии четырёх с половиной тысяч болельщиков, среди которых были и женщины и дети. Хорошо, что ещё сегодня прямой трансляции не было.

А дальше началось то, ради чего мы терпели целых тридцать минут чистого игрового времени. Первыми взвинтили темп и полетели на ворота Третьяка хоккеисты второй пятёрки центрфорварда Федотова: Астафьев, Федоров, Мишин и Фролов. И напор из

оказался так внезапен, что уже к 35-ой минуте на табло горели совсем другие цифры — 4: 2. Сначала шайбу забросил Мишин с подачи Фролова, а затем отличился Федотов с передачи Мишина.

* * *

— Ну, Иваныч! — Рассержено крикнул на оператора Эдик Беркутов. — Я тебе что говорил? Там снимать надо, а не здесь, около Виктора Коноваленко.

— Кхе, так ЦСКА сейчас отыгрываться побежит, Тарасов с поражением не смирится. — Вяло отмахнулся оператор, уже догадываясь, что предчувствия его подвели.

— Быстрее за мной на ту сторону хоккейной коробки! — Взвизгнул Беркутов и сам, подхватив тяжеленный штатив для кинокамеры на плечо, рванул, оббегая хоккейную коробку по узкому проходу, к воротам Владислава Третьяка. — А ещё говорил, что профессионал! Коньяк жрать и пивом его заливать, ты профессионал!

— Так третий период ещё будет, что ты, Эдик, всё нормально снимем. Я за себя отвечаю. Сейчас пиво выпил, совсем хорошо стало. — Оправдывался на ходу Иваныч, когда трибуны вновь взорвались криком «гол», ведь шайбу с передачи Александра Скворцова № 10 забросил Борис Александров № 25. Именно так сказал диктор по стадиону и объявил, что счёт в матче 5: 2 в пользу горьковского «Торпедо».

— Вот тебе рубль! — Остановился, тяжело дыша, Эдик Беркутов. — Сгоняй теперь ты и буфет и купи мне пиво, кинодокументалист хренов. В третьем периоде будешь слушать только меня!

— Вот увидишь, они ещё забросят, — виновато улыбнулся телевизионный кинооператор Николай Иваныч.

* * *

В раздевалке ЦСКА, когда в помещение вошли измотанные собственными скоростями и морально надломленные счётом армейцы первым кого они увидели — это был нападающий Женья Мишаков, который, не переодеваясь, сидел на лавке и, держась руками за голову, смотрел в одну точку.

— За что Мишакова-то удалили? — Спросил Володя Петров, усаживаясь на своё место. — Потолкались они немного с Тафгаем, чего там страшного было-то?

— Языком трепать надо меньше! — Рывкнул Анатолий Тарасов, сверкая глазами на своих усталых и взмыленных ребят. — Когда язык как помело, а в голове пустота, дело всегда плохо заканчивается.

— Чё он сказал-то такого? — Пробасил Александр Рагулин.

— Если у вас есть желание поехать доигрывать в Чебаркуль, или ещё куда подальше, то я вам могу отдельно повторить, как наш Женья учудил. — Наставник ЦСКА устал плюхнулся на стул.

— Враньё, — пробубнил Мишаков. — Я не то имел в виду.

— Тебе свидетелей привести? — Хлопнул кулаком по столу Тарасов. — Идиот! Сейчас я бегу за коньком, расплачусь с кем надо, а ты, Витя Кузькин, как капитан команды

поговори с мужиками, и чтоб в третьем периоде ничью мне вырвали на зубах! Иначе... Лучше вам не знать, что тогда будет. Чебаркуль — сказкой покажется, б...ь. Да и ещё Третьяк, отдыхай в третьем периоде. Пять банок ввалил, хоть бы одну потащил. Коля Толстиков разминайся.

«Не обманули предчувствия, — подумал Валерий Харламов. — Хоть бы в третьем периоде, немного подсократить, чтобы не так позорно проиграли. Только откуда силы взять? Ноги забились, комбинационная игра рассыпалась. Одна надежда Горький успокоится. Не железные они, в самом деле?».

* * *

— Ну, что я говорил, — улыбался Николай Иваныч, снимая как горьковское «Торпеда» укладывает одну шайбу за другой в ворота самой титулованной команды страны и чемпиона СССР прошлого года. — Будут ещё заброшенные шайбы. Во картинка получается! Давай за искусство ещё по пиву, — подмигнул кинооператор Эдику Беркутову, и вынул из своей киношной жилетки ещё две бутылки «Жигулёвского».

— Гооол! — Вновь взвыли болельщики на трибунах, когда точным выстрелом от синей линии защитник Александр Куликов № 6 и довёл счёт до неприличных цифр — 9: 2.

«А хорошо, что такой разгром, — усмехнулся про себя, чуть-чуть захмелев, Беркутов. — Не придётся сочинять всякой неприятной лжи, про команду Всеволода Боброва. Жаль пролетаю мимо премии, зато совесть будет чиста. Всех денег всё равно не заработать».

— Ты, Эдик, пока я ещё трезвый, думай, с кем послематчевое интервью будем записывать? — Громко икнул кинооператор.

— Сними мне Ивана Тафгаева № 30, — сказал Эдик Беркутов, встав рядом с коллегой. — Вон, как раз его смена. Поймай в объектив и веди его на крупном плане.

— Давай лучше на «среднячке», в полный рост. Вдруг Тафгай десятую заколотит? — Хохотнул оператор Иваныч, хлебнул пивка и припал одним глазом к видеоискателю кинокамеры.

И Иван Тафгаев № 30, как по заказу сначала выиграл вбрасывание, затем столкнувшись с Фирсовым уронил того на лёд, получил от кого-то обратный пас. Ушёл от силового приёма, которым его хотел остановить не высокий на его фоне Харламов. Отдал передачу на Александра № 25, открылся на углу ворот армейского вратаря Николая Толстикова и получил ответный пас от своего же партнёра по тройке нападения. А дальше шайба влетела уже в пустой угол ворот ЦСКА, так как Толстиков не успел сместиться и закрыть его своим телом — 10: 2.

— Гооол! — Заорали на трибунах счастливые и ошарашенные игрой своих любимцев горьковчане.

— Снял? — Спросил Беркутов кинооператора.

— Идеальный киношный план! Давай ещё за документальное кино! — Восторженно предложил Николай Иваныч, приподняв бутылку пива. — И пошли в «подтрибунку», там надо ещё свет поставить. Ну, вздрогнули!

«Мог ли я ожидать, что отгрузим москвичам десятку? — Думал я, шагая в раздевалку после финальной сирены. — Положа руку на сердце — нет. Может, сыграем 8: 2 или 7: 3, но 10: 2 — это же стахановское перевыполнение плана! Где переходящее знамя социалистического соревнования? Самое главное теперь интервью давать не надо, не надо делать очень рискованное официальное заявление, и так Михалыча 29-го не посмеют выгнать из сборной СССР. Всё даже лучше, чем я мог себе представить».

— Здравствуйте, — со мною поздоровался, судя по запаху, скорее всего, хорошо поддатый журналист, который стоял рядом с осветительным прибором и кинокамерой. — Несколько слов о прошедшем футбольном матче на первенство ВЦСПС. Буквально два три слова. Ой, какой у вас милый котик, — журналист потрогал эмблему кота на моём хоккейном свитере. — И так ваши первые впечатления?

— Что рад?! — Подскочил сбоку разъяренный и красный, как синьор Помидор, старший тренер ЦСКА Анатолий Тарасов. — За «Бобра» жопу сегодня рвали? За Севку в лепёшку расшибались? Зря, всё равно его сняли! А знаешь, кто теперь сборной будет руководить? Я! И Аркаша Чернышёв. Бесполезно! Ха, ха! — Рывкнул Анатолий Владимирович и пошёл в гостевую раздевалку.

— Камера пишет? — Спросил я журналиста.

— Нормально! — Гаркнул поддатый мужик за киноаппаратом.

— Я, Иван Тафгаев, сегодня 17 февраля 1972 года делаю официальное заявление, если Всеволод Михайлович Бобров будет снят с руководства сборной СССР по хоккею, то я отказываюсь выступать за нашу главную команду страны.

— Очень хорошо, — согласно кивнул журналист. — А теперь скажите, какие у вас первые впечатления от сегодняшнего футбола?

— Заеб...ь! — Рыкнул я напоследок.

Раннее утро вторника 29-го февраля 1972 года я встретил на раскладушке на кухне в московской квартиры Всеволода Михайловича Боброва. Меня разбудил трёхлетний сын старшего тренера Миша, который зачем-то решил покатать детский паровозик прямо по мне.

— Ту, ту, ту, — бубнил он, когда я открыл глаза.

— Привет, машинист, — усмехнулся я, чем немного напугал малыша.

— Мама, тятя Тафай снулся! — Вскрикнул невероятно высоким голосом Миша и побежал в комнату. — Тафай снулся!

«Ну, раз я снулся, то есть проснулся, то перед заседанием Федерации хоккея, неплохо было бы почитать свежую прессу», — подумал я и в темпе солдата-срочника, в считанные секунды вскочил, оделся и заправил раскладушку.

— Иван, сырники будешь? — Спросила Елена Николаевна Боброва.

— Обязательно, но сначала у меня утренняя пробежка до киоска «Союзпечати» и назад. — Я сделал пару простых упражнений из комплекса «утренней гимнастики». — Кстати, Всеволод Михалыч пусть тоже пробуждается. До заседания осталось всего два часа, а мы ещё линию защиты и нападения не до конца обсудили.

Елена Николаевна, черноволосая, симпатичная, немного склонная к полноте женщина, вошла на кухню, открыла холодильник, и стала вынимать из него разные вкусности. И как бы, между прочим, заметила:

— Ты Иван конечно молодец, что за Севу заступился, но зря ты дал это скандальное интервью. Сейчас тебя точно до конца сезона дисквалифицируют. И как ваше «Торпедо» без тебя доиграет чемпионат? Да и Севу вряд ли восстановят в сборной.

— Сглупил, — признался я уже из прихожей. — Но теперь чего голову пеплом посыпать, время назад из-за этого не отмотается. Я быстро. — Сказал я, захлопывая дверь.

В свежем номере «Советского спорта», который я принялся читать прямо на улице на ходу, наконец-то напечатали турнирную таблицу чемпионата СССР по хоккею:

	И	В	Н	П	РАЗНИЦА	ОЧКИ
Торпедо (Г.)	29	23	4	2	152 — 67	50
ЦСКА (М.)	27	19	3	5	156 — 99	41
Динамо (М.)	28	16	5	7	110 — 84	37
Спартак (М.)	28	12	2	14	101 — 105	26
Крылья Советов (М.)	28	11	2	15	98 — 117	24
Химик (Вск.)	29	11	0	18	90 — 107	22
СКА (Лен.)	27	9	2	16	79 — 111	20
Трактор (Чел.)	26	7	5	14	85 — 109	19
Локомотив (М.)	26	4	1	21	58 — 132	9

Из таблицы было чётко видно, что третье место досрочно заняло московское «Динамо», а нам до золотых медалей в трёх оставшихся играх достаточно было набрать всего два очка, то есть либо один раз выиграть, либо два раза сыграть вничью. Это такой шикарный подарок нам сделали армейцы Москвы, которые после разгромного поражения 17 февраля, не смогли собраться и уступили 20-го числа в следующем туре «Крыльям советов» — 3: 4. Затем ЦСКА с трудом обыграли «Трактор» — 5: 3, и «Химик» из Воскресенска — 3: 2.

А мы после ЦСКА, «проехались» по московскому «Локомотиву» — 6: 0. Ленинградский

СКА обыграли скромно, но со вкусом — 4: 0. А вот с «Трактором» помучились. Первую игру 26-го февраля взяли — 3: 0, дожав неуступчивых челябинцев лишь в третьем периоде. А во второй встрече 27-го числа, одолели еле-еле — 2: 1, вырвав такую важнейшую победу лишь на последних секундах встречи. Ни сил уже не было бежать, ни эмоций.

Хорошо, что на высочайшем уровне у нас в воротах отыграл все эти матчи Виктор Коноваленко, спасал в каждой игре. Какие только статьи не писала в эти дни Союзная и местная пресса: «Вторая молодость Виктора Коноваленко», «Виктор — значит победитель», «Коноваленко — вратарь номер один». Даже мы в команде стали подшучивать над голкипером: «Сергеич, тебе корона ещё на уши не жмёт?». На что ветеран нас слал в далёкое и эротическое путешествие.

А вот меня же пресса упорно старалась не замечать. И хоть скандальное интервью в эфир программы «Время» не попало, всё равно почти вся хоккейная общественность знала, что я тогда сказал. Единственное откуда меня не могли вычеркнуть это из списка лучших снайперов и бомбардиров. Ведь с ЦСКА я набрал 1 гол плюс 2 результативные передачи, с «Локомотивом» — 1 гол, со СКА — по нулям, с «Трактором» первая игра — пусто, а во второй игре — 1 гол плюс 1 пас. Итого в гонке бомбардиров получалось, как писала газета мелким шрифтом: Тафгаев — 33 заброшенные шайбы и 16 результативных передач, всего 49 очков. Викулов — 32 + 6, 38 очков. Харламов — 24 + 11, 35 очков. Александров — 22 + 9, 31 очко.

— Ты значит у нас сейчас и лучший снайпер и бомбардир, — усмехнулся на кухне Всеволод Михалыч, поедая сырники с чаем и просматривая «Советский спорт». — Корона на уши пока не жмёт?

— За беспокойство короной, Михалыч, не беспокойся, — хмыкнул я. — Вот «Малышати́на» у нас в силу зелёного возраста может потерять чувство реальности. — Я ткнул пальцем в Борю Александрова, который шёл пока на четвёртом месте. — В нашей газете «Горьковский рабочий» читал статью «Юный гений прорыва»? Слава быстро «сносит крышу», особенно пока ты жизни не нюхал.

— Ты подумать нюхал? — Заворчал Бобров. — Сам играешь первый сезон в высшей лиге.

— Зато я у станка жизни нанюхался, на заводе с мужиками в промасленной робе. Поехали уже в Спорткомитет. Лично я к бою готов. — Я показательно размял костяшки кулаков.

— А может Андропову позвонить? — Прошептал Всеволод Михалыч.

— Он против Брежнева сейчас не пойдёт. — Так же тихо возразил я. — Лет через шесть, когда дорогой Леонид Ильич заболеет всеми нервными и психическими заболеваниями и ещё тремя неизвестными науке, Андропов бы вмешался. Сейчас нас спасёт только одно.

— Покаяться? — Спросил Бобров.

— Наглость и ещё раз наглость, — процедил я сквозь зубы. — Предлагаю сыпать обвинениями в троцкизме, в уклонизме, в волюнтаризме, в заигрывании перед враждебными западными ценностями, в гомосексуализме и скотоложстве.

— Чего? — Вздрогну Всеволод Михалыч.

— Там разберёмся чего, — я сжал кулаки.

Председательствующий на заседании Федерации хоккея СССР Андрей Васильевич Старовойтов, который поиграл в хоккей с шайбой до 1951 года за ЦДКА, так раньше называлась главная армейская команда страны, был одноклубником и Анатолия Тарасова, и Всеволода Боброва. Уже тогда между ними пробежала чёрная кошка. Тарасов продвигал идею «колхозного» хоккея, Бобров, считал, что коллектив не должен прогибаться под себя яркую индивидуальность, которой являлся сам.

Но теперь Андрей Васильевич, ведя закрытое заседание, ведь на него не пустили прессу, сам никак не мог понять смысла в смещении Севы Боброва с должности старшего тренера сборной СССР перед самым мировым первенством в Праге. Но чиновники более высокого уровня: Николай Яковлев, Валентин Сыч, Виталий Смирнов, Михаил Зимянин, Борис Пастухов и Сергей Павлов сказали Советское волшебное слово: «Надо». А для человека военного, которым являлся Старовойтов — это значило одно, громко и четко гаркнуть: «Есть!», и немедленно приступить к выполнению приказа. Кстати, на заседание кроме чиновников были приглашены и будущие новые, они же старые и прежние, тренеры Чернышёв и Тарасов.

Первым слово взял заместитель руководителя спорткомитета Сергея Павлова, Виталий Смирнов. Виталий Георгиевич зачем-то рассказал всем присутствующим, каких больших успехов добилась общая сборная команда страны на Олимпиаде в Саппоро, затем он перечислил — сколько было проведено спортивных сборов перед этими играми, какое количество кандидатов в сборную прошло тщательный отбор.

«Какую несусветную чушь он несёт, — зло подумал Андрей Васильевич. — Ещё назови, сколько тон морковки было съедено спортсменами перед поездкой в Японию, сколько мяса отправилось в желудки лыжников, конькобежцев и хоккеистов? Кончай уже эту бодягу!».

— Итак, подведём итог, — сказал Виталий Смирнов, словно услышав призыв руководителя Федерации хоккея прекратить «толочь воду в ступе». — В то время, когда все как один, не жалея сил ковали великую победу Советского спорта на международной арене, поступки Всеволода Михайловича Боброва, про которые вам всем известно, выглядят как «выстрел в спину». Мы бьёмся за авторитет страны, а для Боброва — это всё шуточки. Предлагаю снять Всеволода Михайловича с должности старшего тренера сборной СССР по хоккею и назначить на его место, хорошо проверенный временем, дуэт Чернышёва и Тарасова. Давайте голосовать.

— Подожди с голосованием! — Махнул недовольно рукой Михаил Зимянин, который курировал в ЦК вопросы спорта. — Предлагаю дать слово Всеволоду Боброву.

— Я не отрицаю, что немного погорячился с нашим работником из посольства в Швеции и случайно толкнул другого нашего посла из Японии. — Встал со стула у самой двери Всеволод Михалыч и немного помялся. — Но какое это имеет отношение к имиджу страны? Во-первых, шведский царь Карл Густав не пострадал и японский президент Акихито тоже. Их я не касался, даже близко не подходил.

— Не царь, а король, и не президент, а император, — поправил Боброва Зимянин. — Значит, конфликт с посольствами разных стран ты не отрицаешь? Тогда можно голосовать.

— Подождите, товарищи, — неожиданно для себя высказался Андрей Старовойтов. — А давайте послушаем хоккеиста Ивана Тафгаева, который сделал скандальное и

неслыханное заявления для телевидения, и тогда проголосуем по всем пунктам сразу.

* * *

Услышав своё имя, я встал и прошёл к небольшой трибуне, где первым делом налил из графина стакан воды и медленно его выпил.

— Между прочим, водичка-то в графине протухла, — высказался я. — А если бы сюда пожаловал император Японии Акихито, выпил бы этой водички и помер от интоксикации? Как вам такой имидж страны? Вы товарищи вообще понимаете, куда вы толкаете наш хоккей?

— Хватит демагогии! — Рявкнул Смирнов.

— Затыкание рта, навешиванием ярлыков — это первый и верный признак нарождающегося в Советском союзе троцкизма, уклонизма, а так же партийного оппортунизма! — Гаркнул я, как на хоккейном поле. — На чью мельницу льёте воду товарищ Смирнов, то время пока враги спят и видят? Подумайте пока над ответом. А теперь я вам расскажу, что будет, если Всеволод Бобров уйдёт из сборной СССР. Команду нужно будет готовить для чемпионата мира в Праге с нуля! Искать новые сочетания игроков, наигрывать новые комбинации. Да чехи и шведы такую команду в клочья разорвут! Вам товарищи не страшно за свою недалёковидность держать ответ перед всем Советским народом? Хотите получить падение производительности труда, срыв планов девятой пятилетки, рост смертельных случаев на производстве? Вы это получите. Народ не простит! И в поиске виноватых, полетят именно ваши головы.

— А давайте послушаем, что нам скажут товарищи Чернышёв и Тарасов, — внезапно охрипшим голосом произнёс, курирующий спорт в ЦК, Михаил Зимянин, пока остальные чиновники от спорта принялись пить воду из графинов. — Можете ли вы гарантировать победу на чемпионате мира в Праге?

— Можем гарантировать второе место, — первым чётко и громко сказал Анатолий Тарасов, который судя по виду, был очень рад, что теперь не потребуют в недружественной Праге непременно выигрыша золота.

— Я хочу напомнить, что вторая сборная СССР под руководством Тарасова и Чернышёва дважды проиграла шведам в прошлых декабрьских товарищеских матчах с одинаковым счётом — 3: 5. — Тут же добавил я, так как терять инициативу на этом словоблудом заседании мне не хотелось. — Точнее 5: 3, ибо матчи проходили на выезде.

— А у нас не было в составе всех лучших! — Выкрикнул Тарасов и сел на место.

Чиновники, вдруг осознав, что дело «пахнет табаком» или даже «жареным», стали перешёптываться и советоваться. Ведь никто не хотел лишиться теплого насиженного места и ехать в какую-нибудь дыру работать мелкой сошкой до самой пенсии.

— Предлагаю, объявить товарищу Боброву строгий выговор, оставить его старшим тренером на ближайшее мировое первенство, проголосовать и разойтись! — Громко высказался я. — А летом вновь вернуться к вопросу о новом наставнике для сборной СССР по хоккею с шайбой. Спасибо за внимание!

Я выдохнул и с чистой совестью гордо пошагал на место, которое тоже было на стульчике у самого выхода из кабинета Федерации хоккея.

— Объявляется перерыв пять минут! — Объявил почему-то не ведущий собрание

* * *

То, что произошло после перерыва, лично я в принципе ожидал, только думать о самом плохом раньше времени не хотелось. Да, я наивно полагал, что напугав чиновников, смогу посеять смуту и что-то изменить, но попытка оказалось не удачной. Большая политика — это не хоккей. В этой политике прав не тот, кто больше этого заслуживает, а тот, у кого больше прав. Поэтому без всяких прений сам Михаил Зиянин, получив в ЦК ценные указания, встал за трибуну и объявил:

— Предлагаю голосовать сразу несколько пунктов сразу. Сборную команду к Праге будут готовить Аркадий Чернышёв и Анатолий Тарасов. Далее хоккеист Иван Тафгаев дисквалифицируется до конца чемпионата СССР, а так же с Тафгаева снимаются все его спортивные звания.

— Не получится, — сказал я, криво усмехнувшись.

— Почему? — Пробормотал Зиянин.

— А у меня нет званий. — Пояснил я ход своей мысли. — Я не заслуженный мастер спорта, ни просто мастер спорта, я даже не перворазрядник. Или вы хотите снять с меня почётное звание фрезеровщика шестого разряда, то флаг вам в руки. Советское машиностроение как-нибудь это переживёт.

— Ну и бардак у вас Андрей Васильевич в Федерации, — недовольно бросил Михаил Зиянин Старовойтову. — Хоккеист Олимпийский чемпион, лидер гонки бомбардиров этого сезона и играет без званий.

— Хорошо, — зло пробурчал Старовойтов. — Давайте ему звание сейчас дадим, а затем через секунду снимем. Тогда это будет порядок?

— Теперь уже всё равно! — Повысил голос чиновник, курирующий спорт в ЦК КПСС. — Кто «за» прошу поднять руки!

По доброй советской традиции тех чиновников, кто готов был отстаивать своё мнение и голосовать против большинства не оказалось. «С волками жить, по-волчьи выть, — грустно усмехнулся я про себя. — «Верной дорогой» идёте товарищи, напрямик в «светлое» будущее».

* * *

На улице, когда мы вышли из душного здания Спорткомитета СССР, словно насмехаясь над нашими тяжёлыми мыслями, падал красивый, белый и нежный снег.

— Всё что ни делается всё к лучшему, — улыбнулся Всеволод Михалыч. — Пошли в «Юность» кофейку с сосисками попьём. Что-то я сегодня проголодался.

— Кстати, может действительно к лучшему, если в Праге сборная с треском провалится. Ведь главный старт года — это сентябрьская Суперсерия с профессионалами из НХЛ. Что тогда правительство скажет людям, если тебя, Михалыч, после поражения не вернут обратно в главную команду страны?

— И правда, — усмехнулся Бобров. — А ты полагаешь, будет провал? — Спросил он,

когда мы медленно побрели по заснеженному тротуару.

— Чехословаки очень сильно прибавили, и будут к тому же у себя дома. Шведы с приходом Билла Харриса нашли наше слабое место — это игра центральных нападающих. Да и дух у команды сейчас подорван. Ты помнишь, как ЦСКА развалился с нами в последней игре? У них давно назрели перемены. В «Спартаке» тренерская чехарда, а горьковчане так убиваться как за тебя уже не будут.

— Да и без тебя в сборной станет очень и очень грустно, — похлопал меня по плечу тренер. — Знал бы ты, сколько ты мне крови попил?

— Да, есть немного, жуткий характер. — Засмеялся я.

Конец четвертой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net